

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Рецензируемый
Научный журнал
Номер 4 (24), 2018
Серия: История
Выпуск 7

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

д-р ист. наук **Тугужекова В. Н.** (Россия)
Зам. главного редактора
канд. ист. наук **Кискидосова Т. А.** (Россия)
канд. геогр. наук **Самрина Е. В.** (Россия)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки
Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский
научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории»
(ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

655017, г. Абакан,
ул. Щетинкина, 23,
ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ».
Телефон: 8 (3902) 22-31-71
e-mail: khaknauka@mail.ru
Зав. редакцией:

Данькина Надежда Анатольевна

НАШ АДРЕС В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.haknii.ru>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Базаров Б. В.
академик РАН (Россия)
Бакчиев Т.А.
д-р филол. наук (Кыргызстан)
Бичелдей К. А.
д-р филол. наук (Россия)
Екеева Н. М.
канд. ист. наук (Россия)
Килли Йылмаз Г.
д-р филол. наук (Турция)
Кузембай С. А.
д-р искусствоведения (Казахстан)
Леончик С. В.
д-р ист. наук (Польша)
Магай Ж.
д-р ист. наук (Княжество Монако)
Осава Т.
д-р наук (Япония)
Салата Г. А.
канд. пед. наук (Россия)
Смолина И. Г. (председатель)
канд. юр. наук (Россия)
Соегов М.
академик АН (Туркменистан)
Худяков Ю. С.
д-р ист. наук (Россия)
Чистанов М. Н.
д-р филос. наук (Россия)

Ответственный секретарь
канд. ист. наук **Данькина Н. А.** (Россия)

© Министерство образования и науки
Республики Хакасия, 2018
© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2018

ISSN 2304-7488

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77 – 48678
Подписной индекс 25199 в каталоге агентства «Роспечать»

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бородина Е. В.

Судебное повытье главного органа управления промышленностью на Урале в 1730-е – начале 1740-х гг.: штаты и организация делопроизводства..... 4

Чертыков В. К.

Экспедиция пограничного комиссара Е. Я. Пестерева по российско-китайской (Абаканской) границе в 1772–1781 гг. Его сведения о хакасах 11

Комлева Е. В.

Взгляды Николая и Петра Басниных на назначение коммерции и обязанности купца 18

Кискидосова Т. А.

Проблемы водных путей сообщения в Енисейской губернии в освещении региональной периодической печати второй половины XIX в..... 25

Фаронов В. Н.

Значение образования в формировании социокультурного облика рабочих Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. 32

Самрина Е. В.

Общественно-политическая активность родовой знати хакасов в 1905 г. 39

Тугужекова В. Н.

Георгий Игнатьевич Итыгин..... 46

Каташев М. С.

Промышленное освоение лесных ресурсов Горного Алтая на начальном этапе форсированной модернизации (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) 51

Лушникова О. Л.

Динамика численности сельского населения Хакасии (1926-2010 гг.)..... 57

Печерский В. А.

Амнистия 1953 г. и ее последствия в Хакасии 62

Степанов М. Г.

Реабилитации репрессированных в Хакасии граждан: теоретические основы и практическая реализация 68

Барабаш В. П.

Государственная политика в развитии профессионального образования в Южной Сибири в XX в. 78

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

Анайбан З. В.

Нравственные аспекты ценностных ориентаций современной региональной молодежи (по материалам этносоциологического исследования в Туве и Хакасии) 83

Арыкан Ибрахим

В. К. Магницкий и его записи о традициях с дутьем в старых чувашских верованиях 90

РЕЦЕНЗИИ

Борисов А. А. Рец. на кн.: Самрина Е. В. Хакасско-Минусинский край в XVII – XVIII вв. (Трансформация традиционной жизнедеятельности хакасов). Махачкала, 2015. 246 с. 97

ПЕРСОНАЛИИ

Тугужекова Валентина Николаевна (к 70-летию юбилею) (Н. А. Данькина)..... 100

Кузьма Михайлович Патачаков (1922-1998 гг.) (В. К. Чертыков) 103

CONTENS

HISTORY

Borodina Elena V.

Judicial polit'e Main State Establishment took Part in Managing of Industry in the Urals in 1730s – Early 1740s (Chancellery Personnel and Organization of Office Work) 4

Chertykov Valery K.

Expedition of the Border Commissioner Pesterev E. V. to Russia – China (Abakan) Border During 1772s-1781s. His Information about Khakas 11

Komleva Evgeniya V.

Nikolay and Peter Basnin's Vies on the Purpose of Commerce and the Merhant's Duties..... 18

Kiskidosova Tatyana A.

The Problems of Waterways Communication in the Yenisei Province in the Interpretation of the regional Periodical Press of the Second Half of the XIX Century 25

Faronov Vyacheslav N.

The Importance of Education in Sharping the Socio-Cultural Image of Western Siberian Workers at the End of the XIX – the Beginning of XX Centuries 32

Samrina Elena V.

Social and Political Activity of the Tribal Elite of the Khakas in 1905 39

Tuguzhekova Valentina N.

Georg Ignatievich Itygin 46

Katashev Maxim S.

Industrial Exploration of Resources of Mountain Altai at the Initial Stage of Forced Modernization (In the Late 1920s – the Beginning of the 1930s) 51

Lushnikova Olga L.

Dynamics of Rural Population of Khakassia (1926-2010) 57

Pecherski Vladimir A.

The Amnesty of 1953 and consequences in the Republic of Khakassia 62

Stepanov Mikhail G.

Rehabilitation of Citizens Repressed in Khakassia: Theoretical Foundations and practical Implementation 68

Barabash Valentina P.

State Police in the Development of Vocational music Education in South Siberia in the XX Century 78

ETHNOGRAPHY, ETHNOSOCIOLOGY

Anayban Zoya V.

Moral Aspects of Value Orientations Contemporary Regional Youth (on the Materials of Ethno-Sociological research in the Republic of Khakassia) 83

Arykan Ibrahim

V. K. Magnitskiy and His Records on Reading and Blowing Rituals in the Old Believes of Chuvashes 90

REVIEWS

Borisov A. A. Rec. ad op: Samrina E. V.: Khakass-Minusinsk Region in the XVII-XVIII Centuries.

(Transformation of the Traditional Life of the Khakass people). 97

PERSONALIA

Tuguzhekova Valentina Nikolaevna (to the 70-th

anniversary of the birth) (Dankina N. A.) 100

Patachakov Kuzma Mikhailovich (1922-1988)

(Chertykov V. K.) 103

ИСТОРИЯ

СУДЕБНОЕ ПОВЫТЬЕ ГЛАВНОГО ОРГАНА УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ НА УРАЛЕ В 1730-Е – НАЧАЛЕ 1740-Х ГГ.: ШТАТЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

Е. В. БОРОДИНА

УДК 94(470.5)“1730/1740”

Статья посвящена проблеме освоения норм и практик делопроизводства, заложенных в России в годы правления Петра Великого. Основной задачей автора было на примере деятельности государственных учреждений Среднего Урала выяснить, насколько нововведения в организации канцелярской работы были восприняты после смерти первого российского императора. В центре внимания исследователя оказалось главное учреждение региона – Сибирский обер-бергamt. Основной акцент был сделан на реконструкции кадрового состава канцелярии и анализе документации, отложившейся в результате функционирования судебного повытья обер-бергамта. В результате проведенной работы было выявлено, что штаты повытья отличались текучестью кадров ввиду сохранения традиции «кормления от дел». Несмотря на это, канцеляристы повытья должным образом вели документацию, внешний вид и внутреннее оформление которой полностью соответствовали правилам работы с документацией, установленным в годы реформ первой четверти XVIII в.

Ключевые слова: История Урала, Сибирский обер-бергamt, Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов, Екатеринбургская контора судных и земских дел, история России, XVIII век

JUDICIAL POVYT'E MAIN STATE ESTABLISHMENT TOOK PART IN MANAGING OF INDUSTRY IN THE URALS IN 1730^S – EARLY 1740^S (CHANCELLERY PERSONNEL AND ORGANIZATION OF OFFICE WORK)

ELENA V. BORODINA

The article deals with the problem of implementation of norms and practice of office management introduced in Russia during the reign of Peter the Great. Using the example of state establishment in the Middle Urals, the main task was to find out how these innovations in chancellery work were adopted after the death of the first Russian emperor. A researcher was focused on the main governmental structure of the region as to Siberian ober-bergamt. It was accentuated on the reconstruction of stuffing and analysis of the documents preserved after the judicial povyt'e of the ober-bergamt. The author came to the conclusion that the personnel of the povyt'e was not constant because of tradition to take money out of chancellery work. Nevertheless, chancellery staff was enough qualified to work with the documents. The analysis of appearance and inner structure of documentation had shown that it was close to the norms and requirements made during the reign of reforms of the 1st quarter of the 18th century.

Key words: History of the Urals, Siberian ober-bergamt, Chancellery of main governance of Siberian and Kazan' plants, the Ekaterinburg office of trial and zemstvo affairs, history of Russia, 18th century.

Период первой четверти XVIII в. стал временем создания новых органов власти в России и изменения принципов управления в ряде сфер жизни общества. Так, например, государство попыталось создать отделенные от административных судебных учреждения и структуры, занимавшиеся созданием и регулированием промышленности.

Преобразования сопровождались введением новых нормативных правовых актов, касавшихся структуры и состава многих документов [1, с. 15-16; 2, с. 41-42]. Пристальное внимание было обращено и на судопроизводство, в осуществление которого оказались внедрены новые принципы. Несмотря на то, что рост значения документирования судебных процедур становится важным уже во второй половине XVII в., в годы реформ Петра Великого оформление судебно-следственных документов становится одной из важнейших составляющих ведения судебных тяжб. Значительную роль в этом процессе играли «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г. — составная часть «Воинского устава» 1716 г., указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 г. и Генеральный регламент 1720 г.¹

Вопрос о том, как происходила адаптация новых правил ведения делопроизводства, неоднократно обсуждался историками. Его рассматривали как на общероссийском, так и на региональном материале, отложившемся в ходе деятельности учреждений периода преобразований Петра I. Результаты этих исследований были представлены в первую очередь специальными трудами, целью которых являлись изучение функционирования аппара-

рата управления на центральном и региональном уровнях [3; 4; 5; 6; 7]. Значительное количество исследований посвящено изменению системы делопроизводства в России в эпоху правления Екатерины II [1; 8; 9].

Несмотря на это, работы, раскрывающие особенности деятельности канцелярий в период между двумя крупными административно-судебными реформами (1725–1775 гг.), до сих пор немногочисленны. Порядок работы канцелярий в региональных органах власти также не подвергался специальному освещению. Во многих случаях он описывается в небольших разделах с описанием основных форм делопроизводства, а также имеет незначительные упоминания с оценкой эффективности их жизнедеятельности [10; 11, с. 44–108; 12, с. 146–165]. Многие издания в основном опираются на общероссийский материал, не позволяющий составить более четкое представление о функционировании отдельно взятых органов власти в регионах. Итак, на данный момент вопрос до сих пор остается открытым.

С 20-х гг. XVIII столетия административная система Урала была тесно связана с деятельностью Сибирского обер-бергамта (с 1734 г. – Канцелярией главного правления Сибирских и Казанских заводов). Это учреждение оказалось одним из влиятельнейших органов власти в регионе, контролируя и воздействуя на скорость решения дел в низовых структурах управления.

В связи с созданием обер-бергамта на Среднем Урале более ярко и четко, чем в ряде других регионов страны, проявилась реализация принципа камерализма – основы всех судебно-административных преобразований 1710–1720-х гг. [13, с. 20–29]. Кроме того, учреждение было образовано на основе принципа коллегиальности, который являлся базовым при создании центральных органов власти данного периода; коллегиальное присутствие Сибирского обер-бергамта сохраня-

¹ Бородина Е.В. Судебно-следственные документы XVIII в.: особенности выявления и работы с источниками // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Выпуск 5 (59) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001867-2-1> (дата обращения: 25.10.2017). DOI: 10.18254/S0001867-2-1.

лось вплоть до его ликвидации в 1866 г. [14, с. 14]. Несмотря на строгое проведение в жизнь идей функционального разделения управления, уже в последние годы правления Петра Великого руководство горного ведомства выразило стремление приобрести всю полноту власти в подведомственном регионе, что было во многом обусловлено как личностными качествами одного из первых руководителей – В. де Геннина, – так и очередным витком трансформаций государственного аппарата управления [15, с. 142].

С самого начала обер-бергамт был сложной структурой, в подчинении которой находилась сеть заводских контор и ряда других органов власти. Это обстоятельство обусловило, с одной стороны, необходимость создания многообразных механизмов контроля за деятельностью подчиненных органов власти. С другой стороны, привело к делению канцелярии учреждения на повытья.

Н.С. Корепанов отметил, что по штатам 1730 г. горнозаводское ведомство делилось на приказной стол и ряд повытий: горное (надзор за медными заводами и рудниками), заводское (надзор за железоделательными заводами и рудниками), земское, судебных и розыскных дел, крепостных дел (прием челобитных и частных доношений с их последующим рассмотрением), прихода и расхода денежной казны [15, с. 120].

По наблюдениям Э. Пензина, летом 1727 г. на правах повытий в состав канцелярии обер-бергамта вошли Екатеринбургские земская, заводская и припасная конторы, вследствие чего число повытий Сибирского обер-бергамта было увеличено до десяти. В 1729 г. в обер-бергамт было введено еще два повытья: «щетное повытье» и «судное и розыскное повытье». Таким образом, к концу 1720-х гг. обер-бергамт состоял из присутствия в количестве четырех ассессоров и разветвленного канцелярского аппарата, включавшего 11 структурных подразделений с общим числом служащих в 82 человека [16, с. 116]. В соответствии с записной тетрадью «Сибирского обер-бергамта в которую записывают дневальным подьячим оною обер-бергамта канцелярских служителей кто

из них в указные дни и часы у своего дела не будет и прогуляет 1731 году» реконструируются приказной стол, а также земское, заводское, горное, провиантское, казенное, судное, «щетных дел», «лесных дел», «провиантских дел» повытья¹. Кроме того, по ряду других источников восстанавливается деятельность разрядного и школьного повытий обер-бергамта². Таким образом, следует отметить стабильность в организационной структуре канцелярии, состав которой оставался практически неизменным и соответствовал основным управленческим задачам, стоявшим перед Сибирским обер-бергамтом.

Вопросы о наборе повытий и времени их возникновения до сих пор уточняются. В частности, в соответствии с изученными нами источниками возникновение судебного повытья относится, как минимум, к 1726 г., а не к 1729 г., как это определил Э. Пензин. Об этом может свидетельствовать деятельность канцелярских служащих, работавших над составлением статейного списка колодников, находившихся под присмотром представителей этого отделения обер-бергамта³. По скрепам на полях списка можно сделать вывод, что контроль над работой низших канцелярских служащих в это время осуществлялся секретарем П. Клушиным. В качестве подканцеляристов (подьячих) здесь трудились С. Шипицын и И. Попов⁴. В 1731 г. в судебном повытье при записи протоколов работал подканцелярист Ф. Кузнецов, а запись внесенных судебных пошлин вел И. Кичигин⁵. Записные тетради за 1731 г. среди делопроизводителей судебного повытья указывают на трудившегося за канцеляриста Ивана Кичигина, подканцеляристов Ивана Негодяева и Степана Шипицына, копиистов Ивана Юдина, Андрея Васильева, Якова Самсонова, Якова Санникова и Степана Дергачева⁶.

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 310. Л. 1-27об.

² ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 11. Л. 14об.; ГАСО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 181. Л. 3 и др.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 626. Л. 18.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1097.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 277. Л. 97, 262–265.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 301. Л. 10, 12.

⁶ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 310. Л. 1-27об.

Как можно увидеть, кадровый состав судебного повьяты был достаточно скромным, составляя около 7-10 человек. По табелю 1726 г. «при судных и розыскных делах» предполагалось иметь трех канцеляристов: по одному среднему и молодому подьячему и пищику. В таблице 1729 г. количество делопроизводителей, занятых при работе в повьяте, было изменено. В нем предполагалось иметь одного канцеляриста, троих подканцеляристов и шестерых копиистов. Реально в повьяте были заняты один человек, работавший в должности «за канцеляриста», трое подканцеляристов и трое копиистов¹. В течение 1729 г. обер-бергамт попытался изменить ситуацию со штатами, определив в него недостающих канцеляристов, но довести численность повьяты до требуемого уровня так и не удалось².

Журнал регистрации присутствия за 1731 г. показывает, что делопроизводители этого структурного подразделения практически не регистрировались. Так, первые упоминания о его руководителе, Иване Кичигине, относятся к 14 июня 1731 г. Его имя было наиболее часто упоминаемым среди остальных служащих. Другие имена встречаются нерегулярно. Следует отметить, что в «записной тетради» отмечались случаи вопиющего нарушения трудовой дисциплины, а также ставились отметки о присутствии тех, кому следовало быть в канцелярии в те или иные дни и месяцы.

Данную ситуацию можно объяснить тем, что большинство канцеляристов судебного повьяты не получало регулярного жалования. В выявленных нами табелях и штатных расписаниях в графе, где должен был указываться размер жалования, не содержат никаких сведений о выдаваемых на постоянной основе суммах. Как правило, их вознаграждение выплачивалось за счет пошлин, взятых за составление челобитных и других документов, созданных в процессе решения того или иного судебного кейса. Кроме того, они периодически отзывались для помощи в срочной работе по составлению финансово-отчетной до-

кументации³. В связи с этим в штатах 1729 г. была сделана приписка следующего содержания: «судных и розыскных дел повьяте в котором сверх тех дел надлежит быть взыскание доимки и следствие по начетам на всех горных и заводских управителей и служителей и понеже тех подьячих которые будут у взыскания доимки от судных дел пропитатца будет нечем, того ради и чтоб им в том более прилежность ко взысканию оногo дела давать им за тот труд ис тех взысканных доимочных денег по 2 копейки с рубля, ис которых между собою разделять бы им старшему кто выписку зделает и справит письмо половина а другая половина молодым или копейцом которые будут у него в повьяте»⁴.

Делопроизводители стремились избавиться от обременительной должности, получив перевод на место с регулярным жалованием. Так, 8 ноября 1729 г. переведенный в судное повьяте из Каменской заводской конторы копиист Еким Казанцев обратился с челобитной о назначении его в другое структурное подразделение, так как полученных от работы в повьяте денег «не токмо себе в месяц на хлеб и на харч з женою и з детьми держать нечего, и от того питатца будет нечем, понеже пашен не имею»⁵.

Как и делопроизводители из других повыйтий обер-бергамта и контор, канцелярские служители судебного повьяты неоднократно замечались в нарушении служебной дисциплины, в результате чего некоторые из них не только были оштрафованы, но и подверглись телесным наказаниям и арестам: их держали в кандалах по месту службы или в «железной». В частности, среди наказанных за пьянство в 1734 г. оказались Иван Кичигин и Степан Шипицын⁶.

Таким образом, в канцелярии время от времени не хватало квалифицированных кадров, а их состав отличался текучестью. Несмотря на сложившуюся ситуацию, а также тот факт, что во главе структурного подразде-

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 277. Л. 327об.

² Там же. Оп. 1. Д. 186. Л. 392-392об.; Оп. 1. Д. 186. Л. 395.

³ Там же. Оп. 1. Д. 186. Л. 280об.; Оп. 1. Д. 277. Л. 262-262об.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 277. Л. 327об.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 186. Л. 392-392об.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 448. Л. 2-3об., 5об.

ления был делопроизводитель, лишь условно находившийся в должности канцеляриста (И. Кичигин получал жалованье по окладу протоколиста), оно исправно функционировало. Об этом свидетельствует сохранившаяся судебно-следственная документация. Канцеляристы вели запись челобитных и протоколов допросов, фиксировали резолюции присутствия, делали выписки из нормативных правовых актов, требовавшихся для решения того или иного вопроса. Они принимали и подшивали к делу поступившие в обер-бергamt документы, вели переписку с другими учреждениями, следили за приходо-расходной документацией, при помощи которой осуществлялся учет пошлин и штрафов¹ [17, с. 74]. Также на повытье была возложена серьезная работа по обработке и передаче документации и дел в Екатеринбургскую контору судных и земских дел².

Служащие канцелярии Сибирского обер-бергамта были достаточно щепетильны в вопросах оформления документации. В конце 1720-х – начале 1730-х гг. она в основном соответствовала требованиям к составлению документов, изложенных в Генеральном регламенте 1720 г. [18, с. 108-135]. Как можно заметить по источникам, отложившимся в результате деятельности канцелярии обер-бергамта, особое внимание делопроизводителей уделялось работе с внутренней документацией: в Государственном архиве Свердловской области сохранилось значительное количество регистров – журналов учета входящей и исходящей документации, книги прихода и расхода денежной казны, «записные журналы отходящим репортам и квитанциям». Кроме того, как уже упоминалось выше, делопроизводители вели книги протоколов и журналы учета присутствия канцелярских служителей. Последние, правда, не отличались большой полнотой и единообразием оформления³.

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 301.

² Там же. 34. Оп. 1. Д. 34. Л. 19, 30 и др.; Ф. 34. Оп. 1. Д. 40. Л. 10об., 15об.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 310; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 312; Ф. 24. Оп. 1. Д. 313; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 314; Ф. 24. Оп. 1. Д. 315; Ф. 24. Оп. 1. Д. 317; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 318; Ф. 24. Оп. 1. Д. 325; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 346.

Следует отметить, что повыття не имели отдельных регистрационных книг. Все документы и поступавшие пошлины фиксировались в течение года в одной книге с указанием источника дохода или расхода. Особое внимание обращает на себя «Регистр настольной приходящим в сибирской обер-бергamt из разных мест указом промемориям доношениям и протчим писмам»⁴. Это ценный источник, позволяющий понять, каким образом происходило распределение работы между повыттями канцелярии Сибирского обер-бергамта. В данном документе, выглядящим как огромная таблица с четырьмя колонками, фиксировались не только сведения о регистрационном номере, дате поступления, содержании документа или дела и времени, ушедшем на решение вопроса, но и пометы с указанием имени лица, получившего указ, промеморию, доношение или иное письмо. Время от времени в регистре отмечалось, что требуется сделать в связи с получением того или иного документа: «велено показанных учеников Залесова с товарищи допросит по указу», «велено выписать и немедленно», «велено подлинное дело и Горбунова приня и оного содержат под караулом а дело переходит к слушанию немедленно»⁵. Особенно много таких приписок в строках регистрации документов, касавшихся решения судебно-следственных дел. Несмотря на существования большого числа повытий, специализировавшихся на работе в той или иной области, рассмотрение всех вопросов происходило в одном и том же присутствии. Анализ скреп делопроизводителей показывает, что менялся лишь состав канцеляристов, находившихся при обработке и оформлении дела, состав членов присутствия оставался в целом стабильным.

Вся исходящая документация также оформлялась в соответствии с установленными Генеральным регламентом нормами. Это в первую очередь касается составления исходящих документов – указов, промеморий, и писем. Все они соответствовали принятой в указанный период структуре документов и включали пересказ сути дела, содержащийся

⁴ Там же Ф. 24. Оп. 1. Д. 318.

⁵ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 318. Л. 2, 3, 4.

в предыдущих документальных источниках. Таким образом, делопроизводство Сибирского обер-бергамта в целом соответствовало требованиям, сложившимся в годы преобразований Петра Великого.

Анализ материалов судебно-следственных дел, отложившихся в фонде 24 «Уральское горное управление», позволяет говорить о том, что ведение документов суда и следствия согласовывалось с требованиями, прописанными в нормативных правовых актах первой четверти XVIII столетия. В начале 1730-х – 1740-х гг. в канцелярии Сибирского обер-бергамта (Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов), судопроизводство осуществлялось преимущественно с опорой на указ «О форме суда». При решении частных исков активно использовались судоговорение и поочередное ведение допросов истцов и ответчиков¹.

Также согласно нормам указа «О форме суда», делопроизводители оформляли билеты с указанием даты и времени явки в суд, копировали челобитные для ответчиков². Кроме того, канцеляристы готовили специальные инструкции для «рассыльщиков», основной задачей которых была организация доставки людей, требовавшихся для рассмотрения дела³. Канцелярии время от времени вели переписку с конторами соседних дисктриктов, если требовалось допросить свидетелей, найти истцов или ответчиков из прилежавших административно-территориальных единиц⁴. Для завершения дела делались выписки из нормативных правовых актов, а также велась запись приговора. В конце подборки документов, как правило, можно найти помету о полу-

чении денег в счет уплаты пошлин.

Исследование судебно-следственных документов позволяет говорить об удовлетворительной организации правосудия на Среднем Урале. Сибирский обер-бергамт (Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов) действовала в строгом соответствии с существовавшим законодательством. Стоит отметить, что в ряде случаев закон не предусматривал строго определенного образца для составления документов. По-видимому, в этом случае в качестве формуляра принимались образцы, созданные в канцелярии.

Сибирский обер-бергамт (Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов) следил за деятельностью большей части учреждений региона. В канцелярии был сконцентрирован значительный массив документов из подчиненных структур. Следует отметить, что практически все делопроизводители судного помытья имели опыт работы в разных учреждениях, обладали обширными знаниями об оформлении разнообразных документов. Люди, попадавшие в судное помытье, как правило, переводились не по своей инициативе.

Тем не менее, изучение внешнего вида документов и состава делопроизводства позволяет говорить о том, что правила работы с документацией, заложенные в годы правления Петра Великого, к началу 1730-х гг. стали общим требованием. О высоком уровне профессионализма работавших с документами делопроизводителей говорит также анализ их почерков, наличием всех отметок в конце каждой бумаги. Последнее можно объяснить как семейственность, которая наблюдалась при занятии некоторых канцелярских должностей, так и устоявшейся системой подготовки кадров при помощи горнозаводских школ [19, с. 55–56].

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 301. Л. 191.

² Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 301. Л. 182–183об., 201.

³ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 301. Л. 245–246.

⁴ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 301. Л. 152.

Литература

1. Лукашевич А. А. Развитие губернской делопроизводственной документации 70–90-х гг. XVIII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995. 24 с.
2. Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР: Учеб. пособие. М.: [б.и.], 1959. 359 с.
3. Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г.: Историко-юридическое исследование П. Мрочек-Дроздовского. Часть 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний. М.: Университетская типография, 1876. 368 с.
4. Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. 576 с.
5. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
6. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII. (Опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
7. Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ: западные уезды Сибирской губернии в 1711 – 1727 гг. Екатеринбург: Волот, 2007. 606 с.
8. Можаяев А. В. Влияние административных реформ на государственное делопроизводство России. Дисс. ... канд. ист. наук: 05.25.02. М., 2009. 186 с.
9. Подоплелова Н. Н. Исследование организации делопроизводства губернских административных учреждений Российской империи (на материалах Пермской губернии конца XVIII – начала XIX вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. 293 с.
10. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Том I. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. 472 с.
11. Голикова Н. В., Кислягина Л. Г. Система государственного управления // Очерки истории русской культуры XVIII века. Часть 2. М.: Изд-во Московского университета, 1987. С. 44–108.
12. Памятники российского права. В 35 т. Т. 5. Памятники права 1725–1762 гг. М., 2014. С. 146–165.
13. Зубков К. И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 20–29.
14. Козлов А. Г. Фонд «Уральское горное управление» (1719–1917 гг.) как источник по истории казенных заводов Урала // Из истории заводов и фабрик Урала. Сб. статей. Вып. 1. Свердловск, 1960. С. 14–29.
15. Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX века: Уральское горное управление. М.: Наука, 2008. 355 с.
16. Пензин Э. Сибирский обер-бергamt – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение. Сборник научных трудов. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 104–121.
17. Бородина Е. В. Органы суда на Среднем Урале в конце 1720-х – начале 1730-х годов: организация деятельности судного поветья Сибирского обер-бергамта // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: Сборник материалов Международной молодёжной научной конференции. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 72–76.
18. Генеральный регламент // Реформы Петра I. Сборник документов. Сост. В. И. Лебедев. М., Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. С. 108–135.
19. Сафронова А. М. Роль горнозаводских школ в организации делопроизводства при казенных заводах Урала в 20–30-е годы XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. Вып. 15. С. 32–56.

ЭКСПЕДИЦИЯ ПОГРАНИЧНОГО КОМИССАРА Е. Я. ПЕСТЕРЕВА ПО РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ (АБАКАНСКОЙ) ГРАНИЦЕ В 1772-1781 ГГ. ЕГО СВЕДЕНИЯ О ХАКАСАХ

В. К. ЧЕРТЫКОВ

УДК 930

Пограничный комиссар Е. Я. Пестерев в 1772–1781 гг. служил на российско-китайской границе. За это время он собрал ценные сведения о жизни и быте коренного населения Хакасско-Минусинского края. В статье анализируется его сочинение «Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях...», опубликованное в 1793 г.

Ключевые слова: Красноярский и Кузнецкий уезды, российско-китайская граница, пограничные знаки, ясачные татары, скотоводство, хлебопашество, охота.

EXPEDITION OF THE BORDER COMMISSIONER PESTEREV E.V. TO RUSSIA-CHINA (ABAKAN) BORDER DURING 1772^S-1781^S. HIS INFORMATION ABOUT KHAKASS

VALERIY K. CHERTYKOV

Border commissioner Pesterev E.V. during 1772s-1817s served at the Russia-China border. During this time he collected valuable information about the life of the native population of Khakass-Minusinsk region. In this article has given the analyse of his work "Notes about inhabitants living near the Chinese border", published in 1793.

Key words: Krasnoyarsk and Kuznetsk districts, Russia-China border, boundary markers, Yasak Tatars, animal husbandry, arable farming, hunting.

Ценные сведения о народах Хакасско-Минусинского края оставил пограничный комиссар Егор Яковлевич Пестерев, находившийся там долгое время по делам службы. Обстоятельства его прибытия в этот регион таковы. По Буринскому пограничному трактату от 20 августа 1727 г. с Китаем было проведено разграничение границы. От Кяхты до хребта Шабина-Дабага были установлены 24 пограничных знака; с российской стороны – кресты, высотой в 2 сажени (ок. 4, 3 м – В. Ч.), укрепленные камнями, с китайской – каменные насыпи. Но со временем появилась необходимость в уточнении российско-китайской границы. В некоторых местах пограничные

знаки пришли в негодность, некоторые исчезли. Требовалось привести их в надлежащий вид, отметить пути к ним с российской стороны и нанести их на карту. Часть китайской границы «состояла» в Иркутской губернии, часть – в Тобольской.

Большая протяженность границы приходилась на Красноярский уезд, входивший в то время в Тобольскую губернию. В 1772 г. иркутский губернатор генерал-поручик А. И. фон Бриль отправил красноярскому коменданту карту, «чтобы на оной означить, где к пограничным караулам дороги». Выяснилось, что в Красноярске нет специалиста, знающего «геодезическую должность». Тогда комен-

дант обратился к тобольскому губернатору генерал-поручику Д. И. Чичерину с просьбой предоставить геодезиста для обследования границы. В Иркутск был отправлен сержант геодезии Е. Я. Пестерев [1, с. 60-61].

Обследование границы он начал с Иркутской губернии. От пограничного знака Ергис Таргаса он со своими помощниками двигался к знакам, находившимся в Красноярском ведомстве. На этом пути он пересек Большую и Малую Оки, Ию, Уду. Затем по вершинам рек Бирюсы и Кана прибыл на вершину Шимды; по течению этой реки дошел до Шадатского пограничного караула [1, с. 62].

В 1773 г. Е. Я. Пестерев отправился для изыскания пограничной черты к Западным Саянам. Через Кебежский караул пересек р. Ус и направился к знаку на хребте Хоин Дабага. Не дожидаясь к знаку китайских пограничников, Е. Я. Пестерев пошел описывать лежащие к знаку Кем Кемчуг Бом места. Некоторые пограничные знаки, обозначенные на карте, он найти не смог. По этой причине, пограничную линию определить было сложно. Встретившиеся ему китайские пограничники отказались помочь в определении этой линии и преградили путь в свою землю, в сторону Кемчика. Е. Я. Пестерев был вынужден вернуться в Кебеж [1, с. 72-73]. Позже выяснилось, что в Туве был страшный голод и среди сойотов наблюдались факты людоедства [2, с. 56].

В 1774 г. через Шадатский караул он отправился в Абаканский пограничный караул, который находился при впадении двух Арбатов (имевших общее устье) в Абакан. Здесь он занимался сочинением карты, для донесения губернатору фон Брилю. Вернувшись в Иркутск, он исполнял различные поручения по своей специальности («при принадлежащих моему званию должностях»).

В следующем году фон Бриль дал ему поручение следовать через г. Кузнецк (Колыванской области) по линии до Повиковского форпоста и оттуда, по двоеданническим алтайским волостям пробираться к знаку Шабине Дабаге. При встрече с китайскими пограничниками ему следовало именоваться пограничным комиссаром. Но командир Си-

бирского корпуса генерал-поручик И. А. Деколлонг запретил Пестереву двигаться предписанным путем и распорядился отослать его из Кузнецка обратно в Иркутск. Пестерев писал, что «зная, что в Иркутске делать нечего, для того и отправился из Кузнецка на Абаканскую границу к порученной должности, наняв на свои деньги лошадей и вожатых; деньги же по прозбе моей в Иркутске мне возвращены» [2, с. 63-64].

Из Таштыпского пограничного караула он отправился с казаками в обыкновенный пограничный разъезд к знаку Шабине Дабаге. Перейдя р. Кантегир он шел по речке Тосле до самых ее вершин. Осмотрев знак на Шабине Дабаге, дошел до верховья Кантегира и оттуда возвратился в Абаканский караул.

После своих поездок он сочинил новую карту, которую отправил в Иркутск новому губернатору – бригадиру Ф. Г. Немцову. Остаток 1775 г. пробыл он на Абаканской границе, где занимался обустройством пограничных караулов. В 1776 г. из Саянского острога описал р. Енисей до знака Кем Кемчуг Бом. Новая карта с описанием была отослана им в Иркутск. Губернатор Немцов, ознакомившись с отчетом, поручил Пестереву в 1777 г. продолжить службу по Удинской и Абаканской границам. Вернувшись в Красноярский уезд, он распорядился отремонтировать обветшалые пограничные караулы. На Абаканском карауле была построена новая крепость [3, с. 37, 39, 40]. По его представлению абаканской границы казаков велено было поселить при караулах: Шадатского караула казаки поселены при р. Каратус, впадающей в р. Амыл; кебежские казаки поселены на р. Ое, саянские – при Саянском остроге на р. Енисее; абаканские – выше речки Арбат, таштыпские – при речке Таштыпе. Таким образом, бывшие командированные (временно пребывавшие – В. Ч.) из Красноярска казаки осели в этих местах [4, с. 25-26].

Зимой 1778 г. Е. Я. Пестерев отправился по Енисею для осмотра знака Кем Кемчуг Бом; но так как в этом году выпало много снега и под снегом был тонкий лед, то предприятие окончилось неудачей – пришлось возвращаться назад. Е. Я. Пестерев описал удоб-

ные под поселение казаков земли, отвел под пашни и сенные покосы места. Составленные планы этих мест он отправил в Иркутск и Тобольск [3, с. 40].

В начале 1780 г. Е. Я. Пестерев был вызван правителем Колыванской области генерал-майором Б. И. Меллером в Барнаул «как для изъяснения пограничного местоположения, так равно и для донесения о прикосновенных к границе жителях». Вернувшись из Барнаула, он снова находился в пограничных разъездах. При встрече с китайскими пограничниками споров о границе уже не было, только просили они разрешения копать корни сараны поблизости российской границы, что и было им позволено [3, с. 52].

В начале 1781 г. он составил еще одну карту российско-китайской границы и с ней отправился в Иркутск к новому губернатору генерал-майору Ф. Н. Кличке. Губернатор, рассмотрел отчеты Е. Я. Пестерева, и его предложения по обустройству границы. Ввиду того, что Абаканская граница (Красноярского уезда) находилась теперь в ведении генерал-губернатора Пермского и Тобольского наместничеств¹, то составленные Е. Я. Пестеревым рапорты требовали его резолюции. Генерал-губернатор Пермский и Тобольский генерал-поручик Е. П. Кашкин, изучив представленную генеральную карту, «усмотреть изволил», что Е. Я. Пестерев со своей задачей успешно справился и ему надлежит сдать Абаканскую границу, команду и все дела старшему из казачьих старшин [3, с. 53-54].

Е. Я. Пестерев по результатам своей службы на Абаканской границе составил описание приграничных жителей: русских и ясашных татар. Немного сведений он дал о китайских монголах и сойотах. В том же, 1781 г. это сочинение он преподнес Е. П. Кашкину. В 1793 г. оно было опубликовано в четырех номерах журнала «Новые ежемесячные сочинения»² [1, 2, 3, 4]. Как писал сам Е. Я. Пестерев, в

¹ Это наместничество образовано в 1781 г., ликвидировано в 1788 г.

² Журнал выходил в Санкт-Петербурге в 1786–1796 гг. Вышло 120 частей. Издатель – Академия наук. Это издание стало продолжением научно-популярного журнала «Ежемесячные сочинения» Г. Ф. Миллера.

1786 г. он находился на службе в Екатеринбурге [4, с. 28].

В своих «Примечаниях...» Е. Я. Пестерев описал жизнь и быт коренного населения Красноярского и Кузнецкого уездов, живших поблизости от Абаканской границы. Сам автор объясняет, с какой целью написана им эта работа: «... за надобное счел я, для сведения донести правительству и о кочующих, по близости Абаканской границы пограничных караулов, Красноярского и Кузнецкого уездов ясашных татар, где они имеют свои кочевья, какие у них обыкновения, и от чего имеют пропитание» [4, с. 7].

Здесь, в приграничных с Китаем районах жили различные родоплеменные группы, которых Е. Я. Пестерев обобщенно называет «ясашными татарами». Из этих «татар» им упоминаются камасинцы, кандынцы, моторы, котовцы (Канской земли ясашные) качинцы и койбалы, находившиеся в ведении Красноярского уезда. Сагайцы, бельтиры, две Каргинские, Кабинская, Коинская и Шорская волости находились в составе Кузнецкого уезда.

От реки большого Кана до вершины речки Шимды обитали таёжные камасинцы-оленоводы, которые не имели никакого скота, кроме оленей. Их было не более 20 ясачных (мужчин). Занимались они и охотой на пушного зверя. Здесь, в Канской тайге водились соболи «добротной» цены [1, с. 68-69].

По речке Рыбной, и по реке малому Кану, жили степные камасинцы. Прежде эта Камасинская земля была многолюдной, но свирепствовавшие здесь оспенные болезни унесли много жизней. В небольшом количестве степные камасинцы занимались скотоводством. Некоторые из них стали жить оседло по-русски, занимаясь хлебопашеством. Питались они и от звериных промыслов. Ясак отдавали соболями и деньгами ясачным сборщикам, присылаемым из Красноярска.

Канская земля располагалась недалеко от Канского острога, и вверх по р. Кану. Е. Я. Пестерев не дает название народу, здесь проживавшему. (Здесь жили канские «татары», т. е. котовцы – В. Ч.). Часть жителей занималась хлебопашеством и жила «по русскому обыкновению». Имели они и немалое количество

разного скота. Остальные котовцы, жившие выше по Кану и по другим речкам вели кочевой образ жизни. У них имелись кочевые стойбы, и сверх скотоводства занимались охотничьим промыслом. Они охотились на сохатых, маралов, диких коз и бобров. Выдр и посредственного качества соболей отдавали в ясак Красноярским ясачникам.

По реке Кезиру располагалась Кандынская земля. Кандынцы (позже вошли в состав койбалов – В. Ч.) вели оседлый образ жизни. Летом жили в берестяных, а зимой – в войлочных юртах. Е. Я. Пестерев писал, что прежде Кандынская земля в Красноярском уезде считалась самой богатой (по сбору ясака), но оспенные болезни сделали её выморочной. Нынешние жители живут в крайней бедности; за промыслом ходят вверх по Кезиру, и по р. Шимде в берестяных лодках. С промыслом «выходят обратно пешком: соболей хотя и выносят, но весьма худой доброты, так что и во всем Красноярском уезде таких худых зверей нет. В другой раз те ясачные ходят за промыслами в феврале месяце на лыжах, и бывают в лесах до последних числах мая, а в мае обратно в оставленных осенью лодках приплывают, и привозят сохатинные, маральи и олени шкуры и соболей, и довольно ловят в реке Кезири и в других речках рыбы, от чего и пропитание имеют; хотя же некоторые из них пашут и пашни, но главной пахарь пашет не более десятины». Имели они понемногу лошадей и коров. Ясак от них деньгами принимали присылаемые из Красноярска сборщики [1, с. 69-72].

Около Шадатского пограничного караула кочевали моторы. Хлебопашество им было неизвестно; питались они сараной, кандыком, марьиным кореньем. Муку и крупу в небольшом количестве покупали у русских и употребляли их в пищу на охотничьих промыслах. На охоту ходили по реке Амылу и ее притокам. Рогатого скота и лошадей было мало, и жили в крайней бедности. Ясак отдавали Красноярским сборщикам деньгами [1, с. 72].

Красноярского уезда Койбальская земля располагалась на степях правого берега Абакана, по речкам Бие, Табату и Уту. Раньше среди койбалов было много богатых скотово-

дов, но оспенные болезни уничтожили много людей, а из-за плохого ухода скот почти весь перевелся. Однако лет двенадцать тому назад койбалы начали поправляться как скотоводством, так и прочими потребностями.

Во время посещения их Е. Я. Пестеревым у них было в достатке всякого скота, но богатых людей было немного. Койбальские лошади были хотя и не рослые, но к работе весьма пригодные; из них немало выходило рысаков, иноходцев и скакунов. Некоторые койбалы занимались земледелием, «однако и главный пахарь не более полудесятины имеет: сен ставят весьма много для мелкого скота; а лошади и рогатый скот всю зиму ходят на степях», потому что там выпадает мало снега. Все койбалы, по его сведениям, считались крещенными.

На охотничий промысел ходили на правый берег Енисея, где находились их родовые охотничьи угодья. Охотились по рекам: трём Кебежам, Ое, Амылу, Кандату, Шадату и по их притокам. Соболи в тех местах были «не хороши» (т. е. шкурки малоценные – В. Ч.) [4, с. 12-13].

Красноярского уезда Качинская земля была многолюдная и богатая. Кочевья её распространились по степям левого берега Абакана до самых вершин речки Камышты; от устья Абакана по левую сторону Енисея, по имеющимся степям и по впадающим в Енисей речкам, до реки Июса, и вверх и вниз по Июсу реке.

Среди качинцев было мало крещеных, но многие овладели русской грамотой – умели читать и писать. Лошадиных табунов некоторые имели от 30 до 50 табунов; но рослых, прятких рысаков и иноходцев бывает мало; на деньги же лошадей очень мало продают, за тем, что покупать некому: рогатого скота и баранов у них много. Некоторые качинцы каждый год могли продавать от 50 до 100 быков.

Качинцы, уделяя больше внимания скотоводству, мало занимались охотой. Лишь немногие ходили за промыслом соболей; хлебопашеством не занимались и всё своё пропитание имели от скотоводства. Качинцы одедали своих работников в такое же платье, какое носили сами, и весьма хорошо их содержа-

ли; к русским относились доброжелательно. «Прежде сего Качинцы многим Руским по немалому количеству давали скота и денег на ссуду без писем; а ныне некоторые берут и писма, ибо за Рускими много пропадало их денег», – писал Е. Я. Пестерев [4, с. 14-15].

Автор приводит интересные сведения о религиозных верованиях качинцев, в частности «жертвоприношение небу» («тигир тайыг»). Он писал, что среди качинцев есть такие люди, которые ездят на белых лошадях. Эгих лошадей называют Магом Адъ (хак. Маган ат – В. Ч.); и те, которые на них не ездят, приносят их в жертву богу. Есть вверх по речке Уйбату одна высокая гора, на которую почитатели белых лошадей собираются в одно время года и, поймав из табуна необъезженного белого жеребца, приводят его на ту высокую гору, и обвесив его разных материй лоскутками. Затем вводят в нарочно приготовленное место, которое похоже на стойло, где того жеребца колнут, и держат, чтоб из него стоячего вышла вся кровь. Часть мяса съедают все присутствующие, а остаток сжигают. Кто из них заколет белого жеребца, тот должен взять себе часть бывших на нем лоскутков, из которых, сделав пучок, носит несколько дней на своей шапке [4, с. 15].

Е. Я. Пестерев описал семейно-брачные отношения, бытовавшие у татар. Жених не должен был искать себе невесту в своем улусе, а должен брать из другого; ибо все одних улусов люди считают себя братьями (небольшие улусы основывались родственниками – В. Ч.). Если умирала жена, то вдовец мог жениться на сестре своей умершей жены. Двоюродной брат мог жениться на двоюродной сестре, дядя – на родной племяннице, но только с женской стороны. Существовал обычай избегания: «Свекор свою невестку никогда не должен видеть: ежели случится свекру нечаянно наехать на степи, или в гостях свою невестку, то невестка должна пасть на землю; а свекор бежать от нее как сумасшедший» [4, с. 16].

Любой некрещеный татарин мог бросить свою жену и взять другую; только таким, которые бросают своих жен, не скоро других давали. Женщина могла уйти от мужа и жить

у родного отца или у других родственников по отцовской линии. Пестерев пишет, что женщины и дети у татар очень своенравны, «ежели что бабе поглянется купить, то, как бы дорого ни было, муж непременно должен исполнить женино желание»; также что понравится сыну, или дочери, то уже отец непременно должен исполнить их волю, чтобы они не плакали [4, с. 17, 18].

Жившие в Кузнецком уезде бельтиры имели много лошадей, рогатого скота и овец. Летники их располагались на степях левого берега Абакана, выше и ниже устья речек Таштыпа, Еси и Теи, до села Амыскаго (Аскыского – В. Ч.); а иногда по речкам Сосу, Кендырле и Табату. Зимой жили в зимниках на островах по р. Абакану, где имелись сенные покосы. Пашни у них были общие с пограничными казаками, по речкам Саражулю, Арбатам, Моноку и Сосу. В пищу они продолжали употреблять сарану и кандык: «ныне же хотя сарану и кандык промышляют, но употребляют вместо конфетов» [4, с. 8].

Е. Я. Пестерев ошибался, когда писал, что белтиры хлебопашеством и заготовкой сена начали заниматься не более пятнадцати лет тому назад (т. е. около 1765 г.). С. Г. Плаутин еще в 1745 г. писал, что белтиры, сагайцы и койбалы сеют хлеб¹. Возможно, Е. Я. Пестерев имел в виду переселившихся к ним бирюсинцев, о которых он дает следующие сведения: «Того же уезда две Каргинские, Кабинская, Коинская и Шорская волости, летними и зимними стойбами располагаются по речкам Таштыпу, Исе и Тюе, из которых по большей части имеют изрядные скотоводства Каргинцы; но не более лучший из них продает в каждой год скотины, как от пяти до десяти быков, а другие весьма имеют мало скота; ибо они, назад тому не более двадцати пяти лет (около 1755 г. – В. Ч.), выкочевали с Мрасы реки и из других мест Кузнецкого уезда, и были в весьма бедном состоянии; а ныне, как они имеют часть хлебопашества, для овец и телят довольно ставят сен, а особливо для скотоводства довольствуются правильностью тамошних мест, время от времени изрядно

¹ Исторический архив Омской области. Ф. 1. Оп. 2. Св. 190. Л. 62-63.

поправляют свое состояние» [4, с. 9-10].

Все перечисленные волости Кузнецкого уезда за промыслом зверей ходили в верховье Абакана и по его притокам, в другие отдаленные места Кузнецкого уезда. За промыслом соболей «хорошей доброты» ходили вверх по Енисею до устья Уса реки. Охотились на соболей, рысей, выдр, росомах, бобров, белку, кабаргу, сохатых и других, водившихся в тех местностях зверей;

Сагайская земля располагалась по степям левого берега Абакана, по речкам Аксысу (Аскизу – В. Ч.), Базе, Сырам и Нене. Среди сагайцев было немало «достаточных» людей, много у них всякого скота. Особенно ценились их лошади, о которых еще Г. Ф. Миллер писал: «Сагайские лошади – лучшие во всей Сибири» [5, с. 215]. Е. Я. Пестерев писал, что сагайские «лошади бывают к службе и ногами крепки, из которых выходят изрядные рысаки, легкие скакуны и иноходцы, которых они друг у друга покупают от 30 до 50 р.». «Рогатый скот у них издревле бывает велик, – писал он, – которого и продают довольно; со своими работниками поступали презрительно; промыслы всякого зверя имеют по лежащим горам в вершинах реки Томи, и по прочим по близости их землицы речкам; зверей промышляют тех же, о которых выше сего объявлено; но соболи их не так добротны» [4, с. 11-12]. Богатые сагайцы и белтыры, в отличие от качинцев, со своими работниками обходились грубо, «... пища их работников состоит в самых стервах; одеждою зиму и лето служат им одни кожаны...» [4, с. 10].

Местные жители свой скот продавали приезжающим из городов Кузнецка, Томска, Красноярска и Енисейска купцам. Самые большие быки стоили от 4 до 5 рублей, бараны большие по 30 и по 40 копеек, лошади простые, то есть не рысистые и не иноходцы, от 6 до 8 рублей лошадь [4, с. 27-28].

Е. Я. Пестерев обратил внимание на трезвый образ жизни татар: «Из всех родов здешних татар молодые люди, а именно до 30 лет, совсем не пьют вина, а упражняются в скотоводстве и промыслах. Если же кто из молодых будет пить вино прежде тридцати лет, то считают его негодным человеком; и если молодой

человек будет пьяный в компании со стариками, то они с ним ничего не говорят, кроме как беспрестанно его бранят, называя его мотом, ленивцем и пьяницей» [4, с. 19]. Он считал наиболее добродетельными и гостеприимными качинцев, койбалов и сагайцев.

Большой урон местному населению наносили оспенные болезни. Из письменных источников известно, что эпидемии оспы случались в Хакасско-Минусинском крае с 30-х гг. XVII в. [6, с. 100]. Суеверные жители по-разному реагировали на эту болезнь. Белтыры, сагайцы и другие татары Кузнецкого уезда оставляли заболевших людей в юрте без всякого призрения и убегали в отдаленные горы, чтобы не заразиться. Если у русских, или у других татар дети заболевали оспой, то белтыры, приезжающих из тех мест людей к себе не пускали, угрожали убить из ружья; почему к ним во время оспы никто и не ездил, даже по крайней необходимости [4, с. 8-9].

Качинцы и койбалы вели себя иначе. Когда они услышат, что есть в народе ниже их кочевий оспенная болезнь, то приезжали в те места, где есть оспа, со своими детьми, чем показывают ей свою покорность, чтобы она не пожирала тех, которые не были в оспе. Этой болезни они варили с маслом каши, и лучших лошадей на арканах ставили перед юртой до тех пор, пока в том доме продолжается оспа, и тем показывали оспе свою преданность [4, с. 17-18].

У качинцев Е. Я. Пестерев записал легенду о происхождении названия горы Изык (Ызык, Изык), расположенной на правом берегу Абакана. Они сказали ему, что Изык по-русски значит жаркую гору: «Она имя свое получила от того: когда еще владели лежащими по обе стороны Абакана реки степями Киргизцы, то для очищения тех мест посылались из городов Красноярска и Кузнецка Казаки, и на той горе имели многие с Киргизцами сражения, от чего та гора и названа ныне обитающими жителями Изык» [4, с. 26-27]. Как видно, его информаторы не знали, что гора именовалась Изыком задолго до «жаркого» сражения русских с кыргызами. Так, летом 1701 г. на урочище *Изык* (курсив мой – В. Ч.) отряд красноярских служилых людей по-

терпел поражение от кыргызов и был вынужден уйти обратно в Красноярск [6, с. 52, 207]. Информаторы Е. Я. Пестерева не знали, как правильно переводится название горы (Ызыхтаг – «священная гора», а не «жаркая гора», как они думали – В. Ч.). Этот факт говорит о том, что нельзя принимать на веру легенды, сочиняемые людьми.

Статья Е. Я. Пестерева представляют большую ценность для истории региона второй половины XVIII века. В его работе о пограничных с китайской границей жителях имеется много информации, дополняющей сведения, собранные руководителем Второй Академической экспедиции (1768–1774 гг.) П. С. Палласом.

Литература

1. [Пестерев Е.] Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях, как российских ясажных татар, так и китайских мунгалах и сойотах, деланные Егором Пестеревым, с 1772 по 1781 год, в бытность его под названием пограничного комиссара при сочинении карты и при отыскании пришедших в неизвестность трактованных пограничных
2. [Пестерев Е.] Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях ... // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Кн. 1, ч. XXIX. С. 59-82.
3. [Пестерев Е.] Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях ... // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Кн. 1, ч. XXX. С. 35-73.
4. [Пестерев Е.] Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях ... // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Кн. 1, ч. XXXI. С. 31-55.
5. [Пестерев Е.] Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях ... // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Кн. 2, ч. XXXII. С. 7-28.
6. Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше / Пер. с нем. А. Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
7. Чертыков В. К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хака. кн. изд-во, 2007. 336 с.

ВЗГЛЯДЫ НИКОЛАЯ И ПЕТРА БАСНИНЫХ НА НАЗНАЧЕНИЕ КОММЕРЦИИ И ОБЯЗАННОСТИ КУПЦА

Е. В. КОМЛЕВА

УДК 94(571.1/5) «1800/1850»

В статье вводятся в научный оборот прошения известных иркутских и кяхтинских купцов Николая и Петра Басниных на имя генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского, содержащие жалобы на московского торговца И. И. Ливенцова. Данные документы, относящиеся к 1820–1821 гг., позволяют получить представление о взглядах наиболее состоятельных и образованных представителей сибирского купечества дореформенного периода на назначение коммерции, место в обществе и обязанности купца. Рассматриваемые тексты свидетельствуют о том, что сибирские купцы не просто действовали в своих корыстных интересах, но считали торговлю важной составляющей благосостояния государства, высоко оценивали значение купеческого предпринимательства в деле колонизации окраин. Среди поднимаемых Басниными тем – морально-этические основания коммерческой деятельности, организация купеческого бизнеса, региональная самоидентификация. Высказанные авторами прошений соображения расширяют существующие представления о деловой этике и мировоззрении сибирского купечества.

Ключевые слова: сибирское купечество, дореформенный период, мировоззрение, коммерция, деловая этика

NIKOLAY AND PETER BASNIN'S VIEWS ON THE PURPOSE OF COMMERCE AND THE MERCHANT'S DUTIES

EVGENIYA V. KOMLEVA

The article introduces into scientific circulation the petitions of well-known Irkutsk and Kyakhta merchants Nicholas and Peter Basnins written to the General-Governor of Siberia Michael M. Speransky and containing complaints on the Moscow merchant Ivan I. Liventsov. These documents referring to 1820s–1821s give an idea of the views of the most wealthy and educated representatives of Siberian merchantry of the pre-reform period on the purpose of Commerce, a merchant place in society and his duties. The texts under consideration show that Siberian merchants acted not only in their own selfish interests, but considered trade an important component of the state welfare, highly appreciated the importance of merchant entrepreneurship in the colonization of remote areas. Among the topics raised by Basnins are moral and ethical grounds of commercial activity, organization of merchant business, regional self-identification. The views expressed by the authors of the petitions expand the existing ideas about business ethics and outlook of Siberian merchant class.

Key words: Siberian merchantry, pre-reform period, outlook, Commerce, business ethics.

Многие исследователи отмечали, что во второй половине XVIII в. в мировоззрении российского купечества (прежде всего, конеч-

но, наиболее образованных его представителей) появляются новые черты – в частности, убеждение в важной роли коммерции для раз-

вития общества и государства [1, с. 621–622; 2, с. 191]. Тогда же становится распространенным представление об образе «совершенного купца» как некоем идеале, к которому следует стремиться, чему в немалой степени способствовали издававшиеся в России с 1740-х гг. переводные иностранные издания – практические руководства по ведению торговли [3, С. 354–355]. Насколько глубоко укоренились подобные взгляды, оставались ли они присущими только столичным негоциантам или пользовались популярностью и на отдаленных окраинах – на эти вопросы отчасти позволяют ответить интересные документы, отложившиеся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и до сих пор еще не вводимые в научный оборот. Это составленные в 1820–1821 гг. прошения иркутских и кяхтинских купцов Н. Т. и П. Т. Басниных на имя генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского с жалобами на крупного московского торговца И. И. Ливенцова¹.

Николай и Петр Баснины – представители широко известной сибирской купеческой династии. Унаследовав капитал от отца, Тимофея Петровича, они вместе с двумя другими братьями совместно продолжили семейное дело и вскоре стали одними из самых богатых предпринимателей Иркутска. В 1814 г. Николай, Петр и Дмитрий Баснины вошли в 1-ю гильдию Кяхты с капиталом в 50 тыс. руб., примкнув к числу наиболее состоятельных сибирских купцов. Основу их коммерции составлял обмен пушнины, отечественной и европейской мануфактуры на китайские товары: шелковые ткани, чай, посуду, украшения. По торговым делам Басниным не раз приходилось бывать в Москве, С.-Петербурге, Китае [4, с. 60–61; 5, с. 17–20].

В 1818 г. братья столкнулись с состоятельным московским купцом Иваном Ильичом Ливенцовым, который чуть было не привел их к полнейшему разорению: взяв в кредит у Николая Баснина крупную партию привезенного им из Кяхты на Нижегородскую ярмарку товара, И. И. Ливенцов объявил себя

банкротом, тем самым заставив своих кредиторов нести весьма ощутимые убытки. В ходе последовавшего выяснения отношений он даже «сделался больным и засыпал сказывать ... что он, вследствие докторского консилиума, находится при последнем издыхании»². Несмотря на подобную уловку, Баснины были уверены, что банкротство И. И. Ливенцова ложное – к такому иногда прибегали некоторые торговцы, желавшие за счет других увеличить свой капитал [6; 7, с. 140–160]. В частности, на фиктивном банкротстве «нажил себе солидное состояние» ачинский купец второй половины XIX в. И. Б. Бородавкин [8, с. 91], а в начале XX в. подобным образом поступал забайкальский предприниматель Радимович [9, с. 197].

В историю с И. И. Ливенцовым, кроме Басниных, доверивших ему «почти все свое имущество в сумме около 300 т[ысяч] рублей состоявшей»³, оказались втянуты московские купцы А. С. Корзинкин, Гусев, Асеевы, тотемский Холодилов, иркутские Медведниковы и Трапезниковы, а также Российско-Американская компания, приказчик которой купец Прокофьев угрожал Ливенцову преследованием⁴. Сообщниками Ливенцова, ручавшимися за него и тем самым введшими в заблуждение прочих кредиторов, стали «приятели его московский купец и городской глава Савельев и купцы Чероков и Жильцов»⁵ – «богатейшие московские граждане ... люди, известные отличною осторожностью и аккуратностью в собственных делах»⁶.

Поступок И. И. Ливенцова заставил претерпевших от него «жестокое притеснение и разорение», едва не доведенных «до совершенной крайности»⁷ Басниных искать помощи у М. М. Сперанского – «истинного исполнителя воли ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕГО ГОСУДАРЯ нашего, истинного благотворителя человечества, которого имя с восторгом благодарности произносим мы, обитатели отдален-

² РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2893. Л. 29.

³ Там же. Л. 7 об.

⁴ Там же. Л. 6 об. 8 об., 9 об. – 10 об.

⁵ Там же. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 32.

⁷ Там же. Л. 2.

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2893.

нейшей Сибирской страны!»¹, особы, «сведениями и добродетелями обогащенной»², защитника вверенных его управлению граждан и ходатай за них «пред Священным Престолом»³. Сначала, 30 июля 1820 г., с жалобой обратился Николай Тимофеевич Баснин, а через полгода подробное описание всех проступков И. И. Ливенцова изложил младший брат Николая – Петр. Последнему удалось собрать в Москве исчерпывающие сведения о деятельности И. И. Ливенцова, опросить соучастников его «в хитростях», которые «откровенно изъяснили ... подробности дел своих»⁴. В письме от 14 марта 1821 г., приложенном к «Записке о умышленной несостоятельности купца Ливенцова», подготовленной и лично поданной П. Т. Басниным М. М. Сперанскому, в которой ставилась задача раскрыть «истину, закрытую хитростью и коварством»⁵, говорилось: «С прискорбием изобразивши Вашему Высокопревосходительству несправедливые его (т.е. Ливенцова. – *Е.К.*) с нами поступки, ныне ободренный моею уверенностью в правосудии Вашем, дерзаю представить общее описание поступков помянутого Ливенцова, а тем открыть в полной мере неблагонамеренную его при оных цель и если, по рассмотрении частно дел его с нами, остается некоторое сомнение, то взгляд вообще на все дела его представит Вашему Высокопревосходительству открытие явного ухищрения ко вреду других»⁶.

Помимо изложения существа дела сохранившиеся прошения Басниных содержат фрагменты с изложением взглядов авторов – состоятельных и образованных представителей сибирского купечества – на смысл коммерческой деятельности, место в обществе и обязанности купца. Прежде всего, Баснины настойчиво проводили мысль о том, что коммерция – источник благосостояния государства, и поэтому ее развитие нуждается в особом попечении. Подобное представле-

ние, характерное для популярного в Европе в XVII – первой половине XVIII в. меркантилизма, сохраняло свою актуальность в России и на рубеже XVIII–XIX вв. К этому времени в западноевропейской философии был решен и вопрос о соотношении стремления к личному богатству с богатством государственным – очень важная проблема для общества, основанного на христианских ценностях с традиционным негативным отношением к стяжанию земных благ. Уверенности в высоком назначении коммерции и важности своей социальной миссии сибирским купцам придавало и то обстоятельство, что население Сибири воспринимало их иначе, чем жители европейской части страны, где долгое время «в сознании широкой общественности купец по-прежнему оставался представителем «подлого» сословия», неполноправным членом социума ... человеком невежественным и необразованным» [10, с. 208]. В письме П. Т. Баснина есть слова: «Дерзну заметить, что дела его (т.е. И. И. Ливенцова. – *Е.К.*) вообще рассматриваемые, представляют не одно частное, умышленное разорение наше и других людей от него пострадавших; но должны обратить особенное внимание, как дела, вообще имеющие влияние на коммерческие виды нашего Отечества»⁷.

Если коммерция так необходима государству, то занимающиеся ее купцы – полезные члены общества, радеющие не только о своей корыстной выгоде, но об интересах государства. «Почетным сословием» названо купечество Н. Т. Басниным⁸. Оно «правотою дел своих» доставляет пользу Отечеству и заслуживает «не только доверенность общества», но и обращает «на себя и особенное внимание начальства ... во изъявление признательности»⁹. Состоять в купечестве – честь¹⁰, а «почтеннейшие негоцианты» с многолетними крупными оборотами – добрые и полезные граждане¹¹.

В том, что они действуют на благо все-

¹ РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2893. Л. 4 об.

² Там же. Л. 42 об. – 43.

³ Там же. Л. 2 об. – 3.

⁴ Там же. Л. 2 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 2–2 об.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 42 об.

⁹ Там же. Л. 42 об. – 43.

¹⁰ Там же. Л. 42 об.

¹¹ Там же. Л. 5 об.

го общества и страны, убеждали купцов и полученные от властей награды, и само российское законодательство первой четверти XIX в., в котором, несомненно, отразилась личная позиция Александра I по отношению к купечеству и производившейся им торговле. Вероятно, именно это хотел подчеркнуть П. Т. Баснин, когда упоминал «благодетельное, отеческое попечение Всемилостивейшего ГОСУДАРЯ нашего о клане купечества»¹.

Особо следует подчеркнуть то значение, которое Баснины придавали часто употребляемому в рассматриваемых источниках слову «гражданин». Думается, что его написание в большинстве случаев с заглавной буквы не было случайным – авторы стремились подчеркнуть вложенный в него смысл и донести его до адресата. Лишь несколько раз «гражданин» было написано с маленькой буквы: в широком значении человека вообще, а также и тогда, когда речь шла об обидчике Басниных – И. И. Ливенцове. Надо сказать, что во второй половине XVIII в. слово «гражданин», существовавшее в русском языке с древнейших времен [11, с. 117], приобрело новые смысловые нагрузки: под гражданином подразумевался уже не только житель города, но «член общества, народа, состоящего под одним общим управлением, подчиненного общему для всех закону», а после Французской революции появилось и такое значение – «член общества с республиканской формой правления в противоположность подданному при правлении монархическом» [12, с. 213]. И хотя, конечно, нет никаких оснований подозревать Басниных в симпатии к республике, тем не менее, показательным, что в прошениях они себя ни разу (за исключением устоявшейся формулы окончания официальных писем и прошений) не назвали подданными, очевидно, осознавая себя в первую очередь именно членами общества, а не слугами государя.

Интересен также и выход авторов прошений за рамки своей страны, что можно увидеть в сделанной одним из них ссылке на «обязанности общества и человечества». Это выражение перекликается со словосочетанием «гражданин мира», начавшим исполь-

¹ РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2893. Л. 3.

зоваться в эпоху Просвещения, когда происходило расширение мировосприятия отдельного человека: преодоление его сознанием границ не только небольшого мирка своего города, но и государства, появление чувства сопричастности всему человечеству.

Одна из ключевых тем в рассматриваемых текстах – описание пути, ведущего на вершину купеческой пирамиды. В частности, о начале торгового дела говорится: «Излишне описывать Вашему Высокопревосходительству, с каким трудами начинается промышленность Гражданина, основывающего свое стяжание и упрочить желающего достояние, – того Гражданина, который трудами и, можно сказать, в поте лица достигает чести, сопричисляющей его к почетному сословию; с какими опасностями вручает он непостоянству времени, колеблющимся случаям и самому изменяющемуся счастию все плоды долговременных своих трудов и забот, а вместе с тем жизнь и благосостояние свое, как равно и семейства своего [...] я с двумя младшими братьями моими Дмитрием и Петром, воспитываясь при отце, оставившем нам по смерти своей весьма посредственной капитал, старались увеличить оной потовыми трудами, и основать право гильдейцов на прочности»². И вот «многими годами и заботливейшими трудами»³, «часто ... чрезвычайными усилиями трудолюбия, даже с опасностью для жизни»⁴ купец наконец-то достигал достатка, создав «упроченное [...] счастье детей и семейств своих»⁵. Баснины подчеркивали, что этот достаток служил не только им лично, но и государству: «...мы, состоя в гильдии сряду 15 лет, оставаясь всегда, как и доньше, в нераздельной между собою коммерции, от одного производства кяхтинского торгова доставили Казне пользы взносом с 1811-го года пошлинных денег около миллиона рублей, кроме вносимых по гильдии и по прочим повинностям ежегодно без малого по 5000 рублей»⁶. Отмечали они и такой важный аспект обще-

² Там же. Л. 42 об. – 43.

³ Там же. Л. 40–40 об.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 4–4 об.

⁶ Там же. Л. 43 об.

ственной деятельности купечества, как службу в органах городского самоуправления: «...неоднократное служение наше по выборам общества в почетных должностях, и старание наше о выгодах общественных»¹. Все это неоспоримо доказывало полезность купцов, которые «как по местному жительству и промышленности, так и по внутренней в России торговле, в столицах и на ярмонках» сумели приобрести «всеобщее одобрение»².

В прошениях приводятся подробности ведения купеческого дела, из которых можно узнать о качествах и навыках, необходимых купцу для достижения успеха. Прежде всего, коммерция требовала «вообще всегдашней и неусыпной деятельности»³. Степенный купец должен быть «честен, справедлив и осторожен»⁴, руководствоваться «долгом совести, обязанностями общества и человечества», в делах соблюдать «осторожность и аккуратность»⁵. Категорически осуждались «нарушение чести и совести, бесстыдная алчность к захватам чужого имени и крайняя наглость»⁶.

Следовало избегать простоя и уменьшения торговых оборотов, поскольку они вели к потерям: «...одна остановка значущей части капитала делает купцу величайшее расстройство во всех делах его и причиняет неисчислимы убытки»⁷. Однако достичь этого представлялось невозможным, не прибегая к взаимному кредитованию, получившему широкое распространение среди сибирских купцов уже во второй половине XVIII в., когда многие из них, по словам В. П. Бойко, выступали одновременно в роли кредиторов и кредитруемых [13, с. 141]. Важную роль взаимного кредитования сибирских купцов в дореформенный период при чрезвычайно слабом развитии кредита банковского подчеркивал также другой крупный исследователь истории сибирского купечества В. Н. Разгон [1, с. 221]. Обычно при получении кредита выписыва-

лись векселя, но нередко хорошо знакомые друг с другом торговцы верили друг другу на слово. Об этой характерной для Сибири черте упоминал в своих воспоминаниях известный тюменский и московский купец Н. М. Чукмалдин, противопоставляя ее обычаям, царившим среди москвичей [14, с. 163–164].

Одну из обязанностей купцов Баснины видели в обязательном ведении внутреннего делопроизводства: «Здесь представляется открытие важной истины: каждый купец, даже при малом торге обязан собственной и общему пользою, вести подробный счет и баланс своей торговли, дабы всегда видеть состояние капитала своего и располагать оборотами его»⁸.

Интересы государства ставились выше своих личных: на первом месте у добросовестного купца находилась забота о соблюдении выгод «высочайшей» казны. Так, отказ от перевода пошлин в Московское остаточное казначейство «к явному ущербу казенного интереса», даже «если бы происходил и не от умышленного предприятия, должен причинить справедливое нареkanie производителю его»⁹. Надо сказать, что как ориентация на общественную пользу, так и все другие упомянутые Басниными черты личности и практические навыки были неизменными атрибутами сформировавшегося в XVIII в. образа «совершенного купца» [3, с. 357–358].

Баснины указывали также на зависимость купцов друг от друга, когда в интересах каждого было сохранение благосостояния других торговцев, упадок же в делах одного из них мог привести к краху его партнеров: «...если изволите рассмотреть связи людей коммерческих, между которыми упадок одного значущего торговца, имевшие обширные дела, влечет за собою падение многих других!»¹⁰ В одном из прошений говорилось: «Ливенцов сделал подрыв вообще доверию между торгующими – и на кого можно надеяться, если человек, бывший в таком уважении, явно не дорожит добрым своим именем, бесславит

¹ РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2893. Л. 43 об.

² Там же. Л. 43 об. – 44.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 44.

⁵ Там же. Л. 32.

⁶ Там же. Л. 66 об.

⁷ Там же. Л. 8 об.

⁸ Там же. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2893. Л. 21.

⁹ Там же. Л. 14 об. – 15.

¹⁰ Там же. Л. 4.

наше сословие и – остается ненаказанным!»¹ Купец был обязан «при усмотрении малейшего расстройства, остановкой дел предупредить вредные следствия и не допускать до бедственного разорения и себя и других людей»². Поступки же, вызванные умышленным покушением «ко вреду многих», представлялись «совершенно противными закону, как соблазнительные, разрушающие общественный порядок» и заслуживающими должного возмездия «от власти Правительства»³.

Потеря капитала воспринималась как страшное несчастье, однако неумышленное разорение при честности и стремлении поправить ситуацию не было пороком, иное дело – намеренное объявление себя банкротом. По словам Басниных, «между торгующими людьми, подверженными несчастию упадка» существовала большая разница, «ибо потеря имения не наносит бесчестия потерявшему его в таком случае, когда неожиданные и неотвратимые силами человеческими бедствия вдруг разрушают его благосостояние; в прочем же, не одно умышленное завладение чужого имения, но даже неосновательное покушение поправить свое состояние на счет ближнего, отваживаясь за кредитованием, без надежды верного каждому воздаяния, делается преступлением для коммерческого человека»⁴. Авторы прошений взывали к М. М. Сперанскому: «Сколько людей с потерей имений соединили потерю благополучия, здоровья и надежды...»⁵, «внемлите «гласу людей, оскорбленных гражданином, непокорным долгу совести, презирающим обязанности общества и человечества...»⁶, «...таковые его злодеяния ... вопиют горестно к законному правосудию, им оскорбленному!»⁷, заслуживают «пример-

ное наказание от ВЫСОЧАЙШЕЙ власти, ибо ненаказанность дерзкого хитреца ободряет и других подобных ему к таким же предприятиям и чрез то, в самом основании подрывает общее доверие между торгующими и тем разрушает коммерческие дела целого Отечества, не упоминая уже о разорении невинных, лишаящихся имений своих и средств быть полезными себе и другим»⁸.

Ряд употребленных в текстах прошений выражений свидетельствует о региональной самоидентификации авторов. Баснины указывали на принадлежность их к «отдаленнейшей Сибири», путь в Центральную часть страны настолько, что уже одно это должно было вызывать уважение, снисхождение и поддержку. Вместо ожидаемого отношения к приезжим сибирякам И. И. Ливенцов внушил им доверие «обширности дел своих», а затем обманул, «нарушая доверие и честность»⁹.

Таким образом, рассмотренные прошения иркутских купцов Басниных позволяют утверждать, что сформировавшиеся в среде российского купечества во второй половине XVIII в. представления о важном назначении коммерции и исключительной полезности купцов для общества и государства, глубоко укоренились на сибирской почве. Баснины не подвергали сомнению выдающуюся роль купеческой торговли в деле освоения отдаленных территорий Российской империи, а себя осознавали исполнителями важной государственной миссии. Подтверждающие эти взгляды высказывания наряду с вкрапленными в тексты сведениями о характерной для купечества деловой этике, о трудностях и региональных особенностях, связанных с их торговой и предпринимательской деятельностью, – все перечисленное в совокупности делает прошения Басниных ценным свидетельством о мировоззрении сибирских купцов дореформенного периода.

¹ РГАЛИ Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2893. Л. 3.

² Там же. Л. 21–21 об.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Там же. 21 об.

⁵ Там же. Л. 4–4 об.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 66 об.

⁸ Там же. Л. 11 об. – 12.

⁹ Там же. Л. 14–14 об.

Литература

1. Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 660 с.
2. Нилова О. Е. Московское купечество конца XVIII – первой четверти XIX века. Социальные аспекты мировосприятия и самосознания. М.: Изд. центр Ин-та рос. истории РАН, 2002. 252 с.
3. Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М.: Археографический центр, 1999. 384 с.
4. Зуева Е. А., Жиров А. А. Баснины // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 60–61.
5. Шахеров В. П. Предпринимательская деятельность купцов Басниных // Связь времен: Баснины в истории Иркутска: сб. статей. Иркутск, 2008. С. 17–21.
6. Кошенова Н. Ю. Банкротство как способ накопления капитала купцами во второй половине XIX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2003. Кн. II. С. 207–211.
7. Киселев А. Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Ханты-Мансийск: изд-во ЮГУ, 2008. 243 с.
8. Погребняк А. И., Киселев А. Г., Башкатова З. В. Бородавкин Иуда Васильевич // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 91.
9. Гаврилова Н. И. Радимович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 197.
10. Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореволюционного периода). СПб.: Полторак, 2014. 440 с.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 4. 403 с.
12. Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. Вып. 5. 255 с.
13. Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в.: Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. 424 с.
14. Чукмалдин Н. М. Записки о моей жизни. М.: Типо-литография А.В. Васильева и К°. 1902. XV, 197 с.

ПРОБЛЕМЫ ВОДНЫХ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОСВЕЩЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Т. А. КИСКИДОСОВА

УДК 94(571.5)

В статье на основе материалов сибирских газет рассматриваются проблемы водных путей сообщения в Енисейской губернии во второй половине XIX в. Региональная пресса подробно информировала читателей о проведении строительных работ, движении пароходов, перевозке грузов. Особое внимание уделялось освоению Северного морского пути, с которым связывали развитие торговли и промышленности в регионе. В газетах указывались трудности в проведении изыскательских и строительных работ, недостаточность финансирования, нехватка людских ресурсов. Авторы публикаций отмечали важность освоения водных коммуникаций для дальнейшего хозяйственного освоения края в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Енисейская губерния, транспортная инфраструктура, речной транспорт, периодическая печать, Енисейское пароходство, Северный морской путь, канал.

PROBLEMS OF WATERWAYS OF COMMUNICATION IN THE YENISEI PROVINCE IN THE INTERPRETATION OF THE REGIONAL PERIODICAL PRESS OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

T. A. KISKIDOSOVA

The article based on materials of the Siberian newspapers examines the problems of the waterways in the Yenisei province in the second half of the XIX century. The regional press gave detailed information to the readers about the construction, the movement of ships, the carriage of goods. Particular attention was paid to the development of the Northern sea route, which was associated with the development of trade and industry in the region. The newspapers indicated difficulties in conducting survey and construction works, lack of funding, lack of human resources. The authors of the publications noted the importance of the development of water communications for further economic development of the region in the period under review.

Key words: Yenisei province, transport infrastructure, river transport, periodical press, Yenisei shipping company, Northern sea route, canal.

Большое значение для хозяйственного освоения региона имеет транспортная инфраструктура. Благодаря устроенным и непрерывным коммуникациям происходит взаимодействие между различными экономическими районами. В современной отечественной историографии данная тема является всегда

актуальной. Особый интерес для исследователей представляет система транспортной инфраструктуры в Сибири. В последние годы вышел ряд работ, посвященных данной проблематике [1; 2; 3; 4; 5].

Во второй половине XIX в. транспортная инфраструктура в Сибири была не развита.

Основным видом транспортной коммуникации являлся гужевой транспорт, приходившийся в основном на долю Московско-Сибирского тракта. Внутри Енисейской губернии действовало несколько почтовых трактов, которые соединяли важные в экономическом отношении населенные пункты. Московский тракт проходил через всю губернию с запада на восток и имел большое значение для хлебной торговли в регионе. По нему отправлялось значительное количество груза. Московский тракт в Ачинске переходил в Староачинский тракт (между Ачинском и Бирюлюсом), но в конце XIX в. по данному пути стали редко передвигаться обозы с товарами, т.к. по р. Чулым было открыто пароходное движение. К этому времени развитие получила дорога из Бирюлюса в Енисейск. С давних времен Староенисейский тракт соединял Енисейск с Томском. Ачинско-Минусинский тракт оказался единственной дорогой, связывавшей юг губернии с центром, но после открытия пароходства по Енисею этот путь потерял свое былое значение [6, с. 57]. Природно-географические условия Енисейской губернии не позволяли повсеместно использовать один вид транспорта. Кроме гужевого транспорта существовали речные перевозки. Внутри Енисейской губернии периодически по речным путям осуществлялось движение товаров на лодках и судах. Во второй половине XIX в. с развитием парового судоходства начинается освоение водных путей сообщения в регионе. В связи с развитием парового судоходства требовалось усовершенствование водных путей и строительства судоходных каналов.

Сибирская периодическая печать («Восточное обозрение», «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни», «Енисей», «Енисейские губернские ведомости» и др.) уделяла большое внимание проблемам транспортных коммуникаций в регионе во второй половине XIX в. Основными вопросами на страницах периодики были строительство или улучшение качества дорог, поиск и освоение новых путей сообщения, способы доставки товаров, виды транспорта и др. Авторами публикаций были сибирские предприниматели, чиновники и обществен-

ные деятели, которые были заинтересованы в улучшении состояния транспортной инфраструктуры региона. Среди них были такие известные личности, как С. В. Востротин, И. П. Кытманов, А. И. Кытманов, С. Я. Елпатьевский и др.

Гораздо большее внимание сибирские газеты уделяли освоению водных путей сообщения, чем сухопутных. Открытие пароходного движения в Енисейской губернии имело огромное значение для экономического развития региона. С 1862 г. начала действовать «Енисейская компания пароходства и торговли». Компания владела пароходами «Игнатий», «Енисей», «Святой Николай», «Гленмор», «Скотия». Пароходы курсировали по Енисею в навигационный период. Предприниматель Н. Г. Гадалов купил у фирмы Л. Г. Кнопа пароход и открыл пароходный рейс Енисейск – Красноярск. К началу XX в. грузоперевозки по Енисею осуществлялись по рейсам: низовья Енисея (о. Гальчиха) – Енисейск – Красноярск – Минусинск¹.

Авторы газетных публикаций отмечали важность грузоперевозок по главной водной артерии Енисейской губернии – Енисею. О значении открытого водного пути свидетельствует то, что в «Енисейских губернских ведомостях» подробно описывались пароходные рейсы. Впервые отправка грузового парохода из Енисейска в Туруханский край состоялась 31 мая 1863 г. Проводить пароход с пристани собралось большое количество горожан. Пароход следовал до Брюховского острова и за время пути останавливался на 15 пристанях для сдачи казенного хлеба и соли. 22 июня была сделана конечная остановка. Обрато в Енисейск пароход, нагруженный рыбой, вернулся 16 июля. Второй рейс начинался через две недели и окончательно пароход возвращался 19 сентября. Таким образом, за один навигационный период пароход успевал сделать два рейса. В будущем Енисейская компания предполагала увеличить количество до трех рейсов в навигационный период. «Благодаря пароходному сообщению, удавалось доставить в отдаленные северные районы большие партии хлеба, соли, спирта и других

¹ Енисей. 1902. 12 июля.

товаров и вывезти рыбу»¹.

В газетных материалах корреспонденты отразили устремления владельцев первых пароходов, которые возлагали большие надежды на открытие пароходного движения по Енисею. Крупные предприниматели, отправлявшиеся в Туруханский край на собственных пароходах с целью торговли, были уверены, что они будут вне конкуренции и им удастся устранить торговцев, прибывших на лодках. В отличие от мелких судов и лодок, уходивших с низовьев Енисея с 20 июля, пароходы оставались там до октября. В 1880-е гг. ежегодно из Енисейска в Туруханский край и обратно передвигались 5 пароходов, 5 судов и более 30 лодок. Торговля в отдаленном Туруханском крае была выгодной и позволяла получать высокие прибыли благодаря «свободному ввозу спирта и невежеству местного населения». С пароходным движением вывоз рыбы с Туруханского края существенно увеличился. Ежегодно на пароходах, судах и лодках вывозилось до 50 тыс. пуд. соленой и малосоленой рыбы².

Енисейск стал перевалочным центром для торговцев, туда свозились товары на пароходах и лодках из Туруханского края, что позволяло делать закупки приезжим скупщикам. Грузы с северной части Енисейской губернии везли мелкие торговцы, преимущественно крестьяне из селений, расположенных в районе низовья Енисея. У скупщиков спросом пользовались такие товары, как соленая рыба, орехи, брусника. В город съезжалось много торговцев не только из городов Енисейской губернии (преимущественно из Красноярска и Минусинска), но и из других губерний. За товарами приезжали предприниматели даже из Владивостока. Соленая туруханская рыба из Енисейска переплавлялась в Красноярск. В начале XX в. Енисейск перестал быть рыбным рынком. Крупные партии стали отправлять в Красноярск, минуя Енисейск, там устанавливались цены на рыбу³. В это же время английские торговцы купили

дом в Енисейске, где организовали собственную торговую контору. Ранее они совершали торговые поездки в низовья Енисея с целью закупки пушнины из первых рук, минуя перекупщиков⁴. В Минусинск специально приезжали китайские торговцы с целью покупки маралых рогов в любом виде: сырые, сухие, костяные или с эссенцией. Цены на них были достаточно высокие⁵.

Региональная пресса наглядно описывала выгоду грузовых перевозок для перекупщиков, получавших максимальную выгоду от торговли. С открытием навигационного сезона в Красноярск приходили пароходы из Минусинска и Минусинского округа. Пристань заполняли перекупщики, которые не давали возможности торговцам сделать оптовые закупки. Перекупщики даже отправлялись на пароходах и по дороге скупали все, что должен был доставить пароход⁶. Из Минусинска и его окрестностей в губернский центр приходило до 200 плотов. На всем протяжении городского берега располагались плоты и балаганы с катанками, шубами, мукой, крупой, орехами, пенькой, арбузами и дынями. Большим спросом пользовались арбузы, которые ежегодно вывозились на сумму до 2700 руб. Средний арбуз стоил 10-12 коп., крупный – 20-25 коп. Мелкие арбузы скупали партиями по цене от 2 до 4 руб., средние от 5 до 7 руб., крупные от 8 до 12 руб. Высокие цены на арбузы были из-за дороговизны перевозки. Получила распространение перевозная торговля арбузами, перевозимыми по городу и деревням, предлагали на базарах⁷. Перевозка товаров длилась на протяжении нескольких дней. Большие партии мяса поставляли в Красноярск из с. Шелаболинского Минусинского уезда в течение 7 дней⁸.

К концу XIX в. в Красноярск и Енисейск из Минусинского округа на плотах и барках переплавляли до 2 млн. пуд. хлеба. Из всего перевозимого хлеба около 50 тыс. пуд. хлеба оставалось в Красноярске. Большая часть

¹ Енисейские губернские ведомости (ЕГВ). 1864. 4 января.

² Восточное обозрение. 1885. 5 декабря.

³ Красноярск. 1908. 15 октября.

⁴ Там же. 1908. 21 сентября.

⁵ Минусинский вестник. 1916. 23 июля.

⁶ Красноярск. 1908. 21 сентября.

⁷ Енисей. 1895. 17 сентября.

⁸ Красноярский вестник. 1910. 1 января.

хлеба отправлялась в Енисейск, а оттуда в Енисейский округ, на золотые прииски и в Туруханский край. Для доставки 1 тыс. пуд. требовалось заплатить 100 руб. Пароходные компании брали за перевозку по 9-10 коп. с пуда.

Другой важной темой на страницах газет стало пароходное движение по р. Чулым, которая являлась единственной водной артерией, соединявшей Енисейскую губернию с Западной Сибирью. В начале 1860-х гг. открылось пароходное движение по р. Чулым, притоку р. Обь. Ежегодно пароходы курсировали из Ачинска в Томск и обратно. Открытие пароходной пристани в Ачинске означало соединение водным путем Восточной Сибири с Западной. Инициаторами пароходного движения стали тюменские и томские предприниматели, заинтересованные в отправке товаров на прииски Восточной Сибири. 12 июня 1864 г. в Ачинск прибыл пароход «Сибиряк» (с мощностью 120 л.с.), принадлежавший тюменским купцам Н. А. Тюфину и В. Гладышеву, которые объединились в компанию «Дружба». В город прибыли 2 баржи, нагруженные солью (67,5 тыс. пуд). Первоначально пароходы привозили только соль, но позднее стали ввозиться разнообразные товары с учетом потребностей местных жителей. Из Ачинска предполагалось вывозить партии чая, доставленные из Кяхты. Для сибирских чаоторговцев открытие пароходства по Чулыму стало неожиданностью. Они не предполагали, что у них появилась возможность удобной и дешевой перевозки чая. В тот приход парохода предприниматели не успели доставить чай на склады Ачинска и поэтому «Сибиряк» ушел порожним¹.

В последующие пароходные рейсы ассортимент привозных товаров становился разнообразнее. 13 мая 1867 г. в Ачинск прибыл пароход «Сибиряк», принадлежавший компании тюменских купцов Тюфина и В. Гладышева². Пароход привел одну баржу груженную 22 тыс. пуд. соли, 2 тыс. пуд. муки, 2 тыс. пуд. стекла и 30 бочек спирта. На «Сибиряке» было задействовано 40 служащих

¹ ЕГВ. 1864. 25 июля.

² Там же. 1867. 20 мая.

и рабочих. Через три дня пароход отправился обратно в Томск с грузом до 700 цыбиков (7,3 тыс. ящиков) чая. В следующие рейсы в Ачинск доставлялись товары, закупленные на Ирбитской ярмарке для ачинских, красноярских и енисейских купцов³.

Енисейские купцы были в деловых соглашениях с владельцами пароходов Тюфиным и Плотниковым, которые привозили товары из Ирбитской ярмарки. Весной с открытием навигации пароходы двигались по р. Чулым до Бирюлюской пристани. Обычно пароходы прибывали с 20 мая по 5 июня. Перевозка грузов до Бирюлюской пристани стоила от 20 до 35 коп. за пуд. Товар складывали в пакгаузы и оттуда до Маковской пристани на р. Кеть. Приемкой товаров занимались купцы или приказчики. Купленные зимой товары доходили до Енисейска в лучшем случае только летом, т.е. через пять месяцев. Доставка товаров могла затянуться до девяти месяцев⁴.

На Чулыме пароходчики брали фрахт (плата за провозку груза) до Мелецка тот же, что из Ирбита, Томска или Тюмени. Скупщик хлеба из Бийска Щукин и енисейский купец Востротин обсуждали вопрос о покупке одноколесного парохода американской системы. Для енисейских хлеботорговцев большую роль играло установление связей с западно-сибирскими предпринимателями и покупка парохода на Чулыме⁵.

К концу XIX в. происходило постепенное обмеление и пересыхание Чулыма. Пароходы стали все реже приходить в Ачинск. В 1892 г. в город не пришла треть пароходов. Торговцам удалось вывезти всего 200 тыс. пуд. хлеба⁶. Основной причиной обмеления и пересыхания Чулыма стала активная вырубка лесов в бассейне Чулыма и его притоков. Кроме того малоснежные зимы способствовали мелководью реки. Однако торговцы надеялись на дальнейшую перевозку грузов по Чулыму. Недалеко от Ачинска были построены 4 баржи, из них 2 принадлежали красноярскому купцу Корнилову, 2 – местным купцам. Они предпо-

³ ЕГВ. 1867. 3 июня.

⁴ Сибирский вестник. 1887. 8 марта.

⁵ Восточное обозрение. 1887. 9 июля.

⁶ Енисейский листок. 1892. 28 июня.

лагали отправить в последнюю навигацию до 200 тыс. пуд. хлеба¹.

Во второй половине XIX в. стала актуальной проблема соединения водных путей сообщения в стране. В правительственных кругах полагали, что создание бесперебойных и бесперевалочных соединений между сибирскими реками станет надежным транспортным сообщением. В 1870-е гг. по инициативе Министерства путей сообщения стал рассматриваться вопрос транспортного соединения Оби и Енисея. Считалось, что соединение двух крупнейших сибирских рек позволит охватить пространство от Урала до озера Байкал. По мнению исследователей, Обь-Енисейский канал должен сыграть большую роль в установлении торговых связей юга Енисейской губернии не только с Западной Сибирью, но и центром страны. Современники полагали, что новый канал удешевит грузоперевозки из Сибири и позволит увеличить объемы русско-китайской торговли. В ходе проведения строительных работ вышла масса публикаций, посвященных соединительному каналу. С самого начала проведения строительства сибирские газеты доказывали бесполезность проекта и высказывали сомнение в необходимости соединения рек. Корреспонденты иронично, а порой негативно относились к самой идее соединительного водного пути. Они доказывали бесполезность и трудоемкость проведения канала. Авторы многочисленных публикаций полагали, что, прежде всего, средства необходимо направить на улучшение судоходства по естественным путям сообщения или на железнодорожное строительство [1, с. 25].

Сибирская печать, ориентируясь на стратегическое направление проведения Обь-Енисейского канала, постоянно информировала о проведении исследовательских и строительных работ. Изыскательские работы по Обь-Енисейскому каналу предполагалось проводить одновременно с освоением Ангарского пути, что позволило бы установить водную связь между Западной и Восточной Сибирью. Изучение Ангары для судоходства проводилось неоднократно в течение не-

¹ Восточное обозрение. 1893. 9 мая.

скольких лет. Экспедиция Чернцова описала Ангарский путь и препятствия для паромных рейсов. Исследователи установили, что на реке 7 порогов, заграждавших свободное движение. С начала 1880-х гг. стали проводиться работы по устройству шлюзов и строительству Обь-Енисейского канала². Построенный канал практически не соответствовал замыслам, вложенным в него. Работы по устранению порогов на Ангаре по урезанному проекту не проводились, канал обеспечил выход только на р. Енисей со сравнительно узким рынком. Предполагалось, что канал будет обеспечивать товарами такой город, как Енисейск, однако, с течением времени канал, как сооружение, не удовлетворяющее потребностям торговли и судоходства, начал выпадать из системы путей сообщения [1, с. 23].

Провоз товаров через устья рек Оби и Енисея заинтересовал крупных предпринимателей. В 1883 г. иркутский купец А. М. Сибириков предполагал плыть в устье Енисея, он отправил доверенного за товарами в Центральную Россию и рассчитывал на закупку хлеба. Местные газеты оповестили о том, что А. М. Сибириков «на своем ручном пароходе предполагает осуществлять рейсы между гаванью и портом Диксона на Енисее». Он планировал арендовать пароход Сотникова с целью перевозки товаров по реке³. Предприниматель и исследователь А. М. Сибириков попробовал продвижение туерного парохода, однако его движение закончилось неудачно⁴. Эксплуатация Обь-Енисейского канала началась с окончанием строительных работ и продлилась короткое время.

Особое место в местных газетах занимал вопрос о Северном морском пути, который позволил бы связать Западную Европу с Енисейской губернией. В 1880-1890-е гг. газета «Енисейские губернские ведомости» посвятила популярной теме прохода кораблей через Карское море целую серию статей. Местные газеты, удовлетворяя интересы читателей, публиковали материалы о приходе кораблей, проблемах перевозки груза, прове-

² Восточное обозрение. 1888. 9 октября.

³ Там же. 1883. 21 апреля.

⁴ Восточное обозрение. 1888. 9 октября.

дении гидрографических работ и др. [7, с. 40]. Освоение морского пути в Сибирь началось в 1870-е гг. английскими мореплавателями, заинтересованными в появлении нового рынка сбыта товаров. Они попытались организовать компанию, занимавшуюся грузоперевозками между Европой и Сибирью. В 1875 и 1876 гг. в устье Енисея были доставлены первые образцы иностранных товаров. Первая попытка добраться из Европы в Енисейск по Северному пути была предпринята в 1876 г. английским капитаном и неогоциантом Д. Виггинсом на пароходе «Луиза». Пароход благополучно прошел Северный Ледовитый океан, однако на пути в Енисейск по Енисею сел на мель. Попытки снять пароход с мели, были безуспешно предприняты капитаном А. Э. Норденшельдом. Д. Виггинс продал «Луизу» енисейским купцам за 6 тыс. руб. Как утверждал корреспондент «Сибирской газеты», они не смогли «воспользоваться громадным и длинным пароходом: когда нужно было принять меры для спасения «Луизы» от крушения во время весеннего ледохода». Российское правительство с целью стимулирования коммерческого судоходства в Северном Ледовитом океане удовлетворило ходатайства о праве на беспошлинную торговлю в устьях Оби и Енисея в 1877-1883 и 1885 гг. Однако, несмотря на льготные условия торговли, неудачные условия полярной навигации 1879-1883 гг. привели к тому, что в 1885-1886 гг. экспедиции не проводились. Большая часть иностранных коммерсантов отказалась принимать участие в рискованных плаваниях. Освоение Северного морского пути было отложено на несколько лет. В то же время существование «свободной экономической зоны» в северной части Сибири и поддержка со стороны британского правительства способствовали тому, что зарубежные предприниматели возобновили коммерческие перевозки по Карскому морю. В 1887 г. Д. Виггинс отправил из Лондона в Енисейск телеграмму с целью ознакомления цен на сахар и пшеницу на местном рынке. Английский неогоциант обещал прибыть в Енисейск к августу 1887 г.¹

1 декабря 1887 г пароход «Феникс» при-

¹ Сибирская газета. 1887. 26 апреля.

был в Красноярск. Капитан «Феникса» Д. Виггинс утверждал, что это «надежный путь» из Лондона до Красноярска, длившийся по времени два месяца. Основными товарами, привезенными английскими коммерсантами, были сталь и железо, проданные енисейским золотопромышленникам. Обратный английский пароход возвращался груженный солью. Иностранные коммерсанты заключили договора с местными купцами по закупке хлеба, льна, кости, кожи и др. сырья. В Енисейске пароход пополнил запасы масла и керосина. Приход «Феникса» имел огромный резонанс в обществе, появилась надежда на установление постоянных рейсов по Северному морскому пути².

В 1888 г. правительство России продлило право беспошлинного ввоза товаров в Сибирь, что способствовало развитию Северного морского пути и установлению торговых связей Европы с сибирским регионом. Первый рейс оказался неудачным для предпринимателей. В 1888 г. английский пароход «Феникс», зимовавший в устье Ангары, отплыл из Енисейска и за с. Назимовское оказался на мели. Капитан корабля Д. Виггинс получил указание постараться снять пароход, чтобы принять 3 тыс. пуд. груза из Гальчихи в Енисейск. До «Феникса» один из пароходов Гадалова был оставлен в Казачинском пороге и стоял без действия³. Позднее вода прибыла и «Феникс» вернулся в Енисейск⁴.

В 1893 г. в Енисейск прибыл английский пароход с товарами для енисейских и красноярских магазинов. С ним прибыли суда морского ведомства с специальными грузами (рельсы и другие железнодорожные принадлежности) для строительства Транссибирской магистрали. По этому поводу енисейцами была подготовлена торжественная встреча судов и чествование моряков. Для местного населения, возлагавшего большие надежды на крупный торговый обмен между Восточной Сибирью и Западной Европой, приход иностранного парохода было знаменатель-

² Сибирский вестник. 1887. 24 декабря.

³ Восточное обозрение. 1888. 28 августа.

⁴ Там же. 1888. 16 октября.

ным событием¹.

Право на беспошлинный ввоз товаров в Сибирь англичане регулярно получали до 1897 г. Они являлись единственными грузоперевозчиками в Карском море. Беспшлинная торговля на Севере была прекращена в 1898 г. Политика российских властей в отношении торговли по Северному морскому пути вызвала недовольство со стороны представителей сибирской буржуазии. В начале XX в. коммерческий интерес к Северному морскому пути пропал. Следовательно, газеты прекратили публиковать материалы по данной теме.

Таким образом, материалы региональной печати второй половине XIX в. позволяют получить представление о состоянии транспортной инфраструктуры в регионе. Проблемы водных путей сообщения в Енисейской губернии активно обсуждались на страницах сибирских газет. Пресса живо откликнулась на потребности и интересы читателей и публиковала материалы по различным вопросам освоения транспортных коммуникаций. Авторы публикаций интересовал не только потенциал и польза проведения того или иного пути, а также перспективы дальнейшего хозяйственного освоения края.

¹ Восточное обозрение. 1893. 24 октября.

Литература

1. Агеев И. А. Обь-Енисейский канал в транспортной системе Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник ТГУ. 2010. № 1(9). С. 22-26.
2. Сафронов С. А. Развитие системы речного транспорта Восточной Сибири в годы Столыпинской реформы (1906-1917 гг.) // Известия АГУ. 2010. № 4(2). С. 190-197.
3. Гилько М. А. Транссибирская магистраль и проблемы городского хозяйства дореволюционного Красноярска // Вестник Крас. ГАУ. 2011. № 12 (63). С. 256-263.
4. Гончаров А. Е. История коммерческих экспедиций Северного морского пути: 1870-е -1890-е гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 33 с.
5. Гонина Н. В., Аксенова А. В. Проблема Северного морского пути в диалоге имперского и регионалистического дискурсов развития Восточной Сибири на рубеже XIX – XX вв. // Технология развития социальных, экономических и логистических процессов Арктической зоны России: история и современность. Красноярск, 2017. С. 61-66.
6. Кискидосова Т. А. Торгово-промышленное предпринимательство Ачинско-Минусинского края во второй половине XIX – начале XX в. Абакан: Изд-во ГОУ ДПО «ХРИПК и ПРО». 2009. 186 с.
7. Комлева Е. В. Туруханский край на страницах «Енисейских губернских ведомостей» (вторая половина XIX – начала XX в.) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 4. С. 36-43.

ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА РАБОЧИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В. Н. ФАРОНОВ

УДК 94 (47). 083/084.5

В статье рассматриваются некоторые вопросы начального образования и самообразования рабочих, источники финансирования начальной школы, уровень грамотности, характер получаемого образования. Выявляется присущее рабочему классу стремление к получению образования и знаний. По мнению автора, образование играет роль не только для профессиональной области, но и для становления классового сознания. Вместе с тем, отмечается и ограниченность образованности рабочих, догматичность и не критичность мышления большинства из них.

Ключевые слова: рабочие, Западная Сибирь, система образования, самообразование, догматизм.

THE IMPORTANCE OF EDUCATION IN SHARPING THE SOCIO- CULTURAL IMAGE OF WESTERN SIBERIAN WORKERS AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES

VYACHESLAV N. FARONOV

The article deals with some issues of primary education and self-education of workers, sources of funding for primary school, literacy level, the nature of the education received, the desire for education and knowledge inherent in the working class, as well as the importance of the role of education not only in the professional field, but also for the formation of class consciousness. At the same time, there is also a limited education of workers, dogmatism and uncritical thinking of most of them.

Key words: workers, Western Siberia, education system, self-education, dogmatism.

Усложнение технико-технологической составляющей производственного процесса требовало соответствующего интеллектуального и профессионального развития обслуживающего персонала, в том числе и рабочих кадров. Эта проблема, в условиях почти поголовной неграмотности населения, решалась развитием системы образования и прежде всего начальной школы. Со второй половины XIX в. российское государство начало делать некоторые шаги в этом направлении, впрочем, как всегда половинчатые и не до конца проду-

манные. Так, закон 1882 г. предоставлял хозяевам предприятий право открывать школы для малолетних детей рабочих, «которые не имеют свидетельства об окончании курса, по крайней мере, в одноклассном народном или равном ему училище» [1, с. 182]. При этом закон ничего не говорил о том, кто обязан был нести расходы по открытию и содержанию таких школ [2, с. 74]. Таким образом, предоставлением этого «права» государство, по сути, хотело максимально переложить на плечи предпринимателей организацию начального

образования, т.е. открытия одно- и двухклассных школ, создаваемых согласно положению от 15 мая 1872 г. [3, с. 371] Разумеется, все подобные постановления о школьном обучении оказались в основном безрезультатными [1, с. 182].

Тем не менее, кое-что все-таки делалось для того, чтобы дать образование детям рабочих. Например, администрация Алтайских заводов содержала начальные профессиональные школы, в которых обучались дети рабочих кабинетских предприятий. Так, в 1892 г. на Гурьевском заводе обучалось 40–50 чел., на Локтевском – 20, на Сузунском – 37 и на Барнаульском – 50 [4, с. 103]. Также и некоторые владельцы предприятий на собственные деньги организовывали общеобразовательное и профессиональное обучение детей рабочих. Так, в 1891–1892 гг. один из предпринимателей затратил 2425 руб. на содержание школы для детей рабочих своего завода [5, с. 113]. Однако частное финансирование образования в Сибири не носило массового характера, и было мизерным. Это видно хотя бы из его доли в бюджетах западносибирских начальных школ, составившей в 1911 г. всего 4,5% от общей суммы вложений (основная доля была у государства – 50,8%, затем шли земские, городские и сельские общества – соответственно: 15,1, 11,1 и 14%, меньшим был вклад церкви и монастырей – 1,3%) [6, с. 172]. Частный капитал играл ведущую роль в открытии и содержании школ только на приисках. Здесь хозяева, обладавшие для этого достаточными средствами, чтобы закрепить рабочие кадры, старались создавать школы для детей рабочих в приисковых поселках. Например, на свои средства в 1906 г. промышленник Михельсон открыл в Судженских коях одноклассное училище, в котором в 1909 г. обучалось 58 мальчиков и 36 девочек¹. Положительная тенденция в развитии образования на приисках наблюдалась в 1895–1916 гг. За этот период количество школ увеличилось более чем в полтора раза, учителей – в три раза, учеников – более чем в четыре раза [7, с. 34]. Однако

¹ Горнозаводская промышленность Сибири в 1909 году // Горные и золотопромышленные известия. 1910. № 4–5. С. 64.

школ все равно не хватало. В 1913 г. лишь каждый шестой ребенок из рабочей семьи мог учиться в школе, кроме того, по наблюдениям врача Е. Н. Коренева, окончить школу могли только единицы из учащихся, что было связано с большой текучестью рабочих кадров на приисках [7, с. 37].

В это же время в целом по Сибири количество начальных школ увеличивалось. Если в 1894 г. в самой экономически развитой в Сибири Томской губернии школ было 624, то в 1910 г. их было уже 1632, т.е. прирост за 15 лет составил 162,3%. Число учащихся, соответственно, возросло с 18603 в 1894 г. до 92778 в 1911 г., что составило прирост в 410% [6, с. 147]. Если обратиться к социальному составу учащихся, то мы увидим, что в 1911 г. в Западной Сибири мещан среди них было 11,12%, крестьян – 79,15% [6, с. 154]. Конечно, эти цифры ничего прямо не говорят об удельном весе среди учащихся детей рабочих. Но вполне закономерно предположить, исходя из того, что подавляющая часть рабочих происходила из сословий крестьян и мещан, то и удельный вес детей рабочих должен был соответствовать удельному весу рабочих среди всего населения.

Однако, несмотря на значительный рост количества школ и учащихся в Сибири, в целом охват детей школьного возраста (8–11 лет) к 1 января 1915 г. по Западной Сибири едва достигал 31,4% [8, с. 14]. Обратимся опять к данным по Томской губернии: так, на 1 января 1916 г. здесь насчитывалось 595230 детей школьного возраста, при этом количество школ достигало 1905. Исходя из того, что в среднем в одной школе обучалось 59 чел., для полного охвата всех детей школьного возраста необходимо было открыть еще 8184 школы, т.е. более чем в четыре раза больше имевшихся², что являлось непосильной задачей для администрации.

Кроме недостаточного количества школ, проблема была и в далеко не блестящем их состоянии. В качестве примера можно привести данные одного из номеров «Сибирских вопросов» за 1910 г.: «мужское приходское училище города Мариинска дошло до тако-

² Статистический очерк. Томск, 1917. С. 11–12.

го бедственного положения, что, по словам “Сибирской жизни”, местный драматический кружок давал в его пользу спектакль. Не в пользу учащихся, как это обыкновенно бывает, а самого училища и специально – на покупку для него дров»¹. И это далеко не единственный случай.

Особый характер имело образование в горнозаводской системе Алтая. Здесь с 7 лет мальчики обучались в ведомственной школе, затем наиболее способных учеников направляли в Барнаульское училище. Из них отбирались лучшие для обучения в Санкт-Петербурге. Показателен документ, датируемый 19 февраля 1903 г.: «Бывший Управляющий Колыванской шлифовальной фабрикою Коллежский Советник Ивачев обратился в Кабинет Его Величества с ходатайством о помещении в Школу Общества Поощрения художеств или в Центральную школу Барона Штиглица, сына одного из рабочих Колыванской шлифовальной фабрики Дорохова, четырнадцатилетнего мальчика Петра, указывая вместе с сим, что помянутый сын Дорохова обладает большими способностями, почему из него может выйти полезный служащий названной фабрики»². Приведем и другой пример: так, в описи семейно-хозяйственного положения рабочего Сузунского завода Мыльниковой от 1909 г. отмечается, что его сын окончил школу при Земской гласной управе и находится на государственной службе³. По этому поводу В. П. Зиновьев писал: «система горнозаводской службы действовала как социальный лифт, выбирая и поднимая по иерархической лестнице самых способных из горных служителей и их потомков ... появление детей мастеровых и солдат в числе ведущих администраторов и технических специалистов было делом обычным» [9, с. 74].

Недостаточность начальных школ до некоторой, хоть и незначительной степени компенсировали воскресные школы, предназначенные в основном для получения начального

образования взрослыми людьми, но в которых не редко учились и дети. Например, среди учащихся двух томских воскресных школ (мужской и женской) в учебном 1904/1905 году было: 194 малолетних (до 12 лет): в женской – 80 (10,4%), в мужской – 114 (13%); 315 (40,8%) подростков в женской и 328 (37,4%) в мужской; 376 взрослых в женской (48,8%) и 434 в мужской (49,6%) [10, с. 6]. Воскресные школы успешно справлялись с задачей привития элементарной грамотности низшим слоям населения, лишенным в силу возраста или иных причин возможности обучаться в других школах. Так, Д. Д. Вольфсон утверждал, что за 30 учебных дней, т.е. за весь учебный год, учащиеся научались читать и писать, к концу года становились пользователями библиотеки и даже могли писать небольшие сочинения. Перечень предметов был практически таким же, как и в других начальных школах: чтение, письмо, арифметика, закон божий, география, естествознание, история [11, с. 108].

Кроме воскресных школ многие рабочие посещали различные кружки самообразования, занимались самостоятельно. Имели место и уникальные случаи. Вот что писал в воспоминаниях В. Е. Воложанин о рабочем Иване Осиповиче Селезнев: «Селезнев все свободное время пропадал в библиотеках, уезжал для этой цели в Томск. Получая один рубль в день, он значительную часть своего заработка тратил на книги и журналы. Селезнев поражал всех своей начитанностью и умением декламировать стихи, пользовался большим влиянием среди рабочих, которые звали его студентом... он имел колоссальную память и увлекался лингвистикой, изучая английский, немецкий и французский языки, наконец, он увлекся языком эсперанто и изучил его настолько, что он свободно говорил на нем и вел большую переписку с эсперантистами разных стран. Кроме того, он увлекался философией, в рабочих кружках выступал как лектор. Умер он в Париже, будучи редактором журнала эсперантистов» [9, с. 93–94.]. Конечно же, это очень редкий единичный случай, но, тем не менее, весьма показательный.

Самообразованию и культурному росту рабочего способствовало и то, что в конце

¹ Л.К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1910. № 6. С. 19.

² Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 232.

³ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1070.

XIX – начале XX в. в крупных городах Сибири начали открываться публичные библиотеки, некоторые из которых были бесплатными. В это же время появлялись российские издательства, специализирующиеся на печатании дешевой литературы в массовых масштабах. Все это позволило широким народным массам, в том числе и рабочим, приобщиться к книжной культуре. В целом по России основная масса грамотных рабочих предпочитала дешевую лубочную литературу. Квалифицированные рабочие предпочитали классику, в первую очередь Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, М. Горького. Меньше всего у рабочих пользовалась популярностью религиозно-нравственная литература, а наибольшей – исторические рассказы и романы [12, с. 230–231]. Д. Д. Вольфсон приводил такой пример относительно выдачи книг в библиотеке одной из воскресных школ Томска: «Более всего работает беллетристика; почти всегда полочки, занятые ею в шкафу, опустошены. В период всего уч. года, моей группе были выданы такие книги: “Записки охотника” И. С. Тургенева, “Принц и Нищий” М. Твена, “Рассказы о великих и грозных явлениях природы” Рубакина (была прочитана 5 раз), “Тарас Бульба”, “Ревизор”, “Женитьба”, “Нос” Н. В. Гоголя, “Князь Серебряный” А. Н. Толстого, “Бедность не порок” А. Н. Островского, “Дети капитана Гранта”, “Последние дни Помпеи”, “История Пугачевского бунта” Пушкина, “Георгий Стеферсон”, “Ньютон”, “Роберт Фультон” и др. Всего было прочитано 110 книг, так что на каждого учащегося в среднем выводе приходилось 10,2 книги» [11, с. 134–135]. О характере литературных предпочтений рабочих свидетельствуют также и слова одного из учителей томской женской воскресной школы: «Ученицы осаждают меня просьбою дать им почитать М. Горького, А. П. Чехова, К. М. Станюковича, В. Г. Короленко и др.» [11, с. 135].

Образование, предоставляемое начальной или воскресной школой, значительно повышало грамотность рабочего класса. Рассмотрим удельный вес грамотных рабочих по регионам Западной Сибири. Согласно дан-

ными В. Серебренникова, в 1907 г. наибольший удельный вес грамотных рабочих среди мужчин был в Акмолинской области – 46,24% (1730 чел.). Можно предположить, что основное количество грамотных рабочих проживало в Омском уезде, где в целом уровень грамотности был выше, чем в остальных уездах области. Затем шла Тобольская губерния, в которой грамотных рабочих было 42,03% (4402 чел.). На третьем месте располагалась Томская губерния с показателем 39,14% (7972 чел.). Грамотность среди работающих женщин была ниже и распределялась немного иначе. Наибольший удельный вес грамотных женщин здесь также был в Акмолинской области – 24,4% (61 чел.), затем шла Томская губерния – 22,39% (259 чел.) и наконец, Тобольская губерния – 16,21% (231 чел.)¹.

Можно предположить, что рост грамотности рабочих не был однозначно поступательным, но, скорее, волнообразным, с периодами роста и понижения. Обратимся к статистическим данным по Томской губернии. Согласно материалам переписи населения 1897 г., грамотность рабочих Томской губернии составляла среди рабочих мужчин 46,6%, среди женщин 36,9% [13, с. 210], т.е. она была выше, чем в 1907 г. Конечно, различие данных может быть следствием какого-либо несоответствия подсчетов, но, на наш взгляд, велика вероятность того, что эти данные отразили негативное воздействие процесса значительного вливания крестьянских масс в рабочие ряды в начале XX в., отрицательно сказавшемся на культурном уровне рабочих. Впрочем, в любом случае, это было временное понижение уровня грамотности.

По России удельный вес грамотных среди рабочих, согласно переписи 1897 г., составил 51,9%. Процент грамотных рабочих мужчин достигал 59,9%, женщин – 34,9% [14, с. 280–281]. Как видим, удельный вес грамотных среди рабочих Западной Сибири был значительно ниже общероссийского показателя. Это являлось следствием гораздо менее развитой экономики по сравнению с экономически развитыми губерниями России, что, в свою

¹ Серебренников В. Грамотность в Сибири // Сибирские вопросы. 1907. № 17. С. 22.

очередь, определяло и отставание в культурном развитии. Однако грамотность квалифицированных рабочих была выше среднего показателя. Например, в монопольных складах Томской губернии в 1907 г. все рабочие машинных отделений были грамотными, но общая грамотность занятых рабочих составляла 52,7% [15, с. 222].

Если сравнить рабочих по показателю грамотности с сельским населением Западной Сибири, то мы увидим превосходство рабочих над жителями сел (среди мужчин) в среднем в 2,5 раза¹. Отметим, что и другие слои общества не обладали стопроцентной грамотностью. Например, среди дворян Томской губернии грамотных было всего 78,94% мужчин и 68,98% женщин, среди духовенства 80,94% мужчин и 67,21% женщин². На таком общем фоне грамотность рабочих отнюдь не являлась низкой для своего времени.

По этому поводу В. А. Скубневский отмечал: «Грамотность рабочего населения росла быстрее, чем населения в целом. Решающую роль здесь сыграло стремление самих рабочих к грамоте» [15, с. 219]. Последнее подтверждается многими источниками, отмечавшими тягу рабочих и их детей к знаниям и учению. Рабочий Н. К. Култышов писал о своем детстве: «Семилетним мальчуганом я впервые направился в школу, отстоящую от селения в 1,5 верстах... Регулярно в течение трёх лет я мерил это расстояние вместе с другими товарищами – детьми рабочих нашего завода»³. Далее автору строк из-за нужды пришлось прервать учение, которое он называет своим «сокровенным желанием». Именно материальная нужда становилась основной причиной прекращения учения детей рабочих в школе. В своих автобиографиях рабочие часто указывали на этот факт: «Работать начал с 15 лет, после смерти родителей, а до того учился»; «Было мне лет 8-мь меня отдали в железнодорожное училище, где я проучился два года. Но потом, как объявили плату за учение, меня пришлось взять, ибо средств за

учение было взять негде»; «Один год учился в школе. В 14 лет отец умер, и я пошел в работники»; «Образование, помимо двух классов сельского училища, три класса высшего начального училища в г. Барнауле, окончить какого не пришлось ввиду болезни отца... Расставшись со школой в 1913 г. я поступил на службу мальчиком в контору»⁴. Также о стремлении детей из рабочих семей получить образование свидетельствует, например, факт очень низкого процента выбывших из числа учащихся фабрично-заводских школ. В 1911 г. по разным причинам из подобного типа школ в городах выбыло только 13,8% учащихся мальчиков. Этот показатель был на тот год ниже только в «Школах Императорских Воспитательных Домов Министерства Внутренних Дел», где он составил 13,5%, и в школах с незначительным количеством учащихся, отмеченных в графе «Прочие начальные школы», где он равнялся 12,8%, в остальных случаях процент выбывших был более высоким⁵.

Образование и самообразование рабочих становилось также важным фактором формирования самого рабочего класса. Изучаемые в школе предметы, самостоятельно читаемая литература, увеличение технических знаний явились мощными факторами формирования сознания рабочего. В рассматриваемый период рабочий являлся уже человеком модерна, с сохранившимися архаическими ментальными пережитками. Он позиционировал себя членом обособленной категории населения, передовой частью социума, с высокомерием взирая на прочие отсталые, с его точки зрения, слои общества и прежде всего, на крестьян [5, с. 114; 9, с. 96; 16, с. 87].

Однако, говоря об образовании рабочих, об их стремлении к знаниям мы не можем обойти вопрос результатов этого стремления, качества и характера, обретаемых, прежде всего квалифицированными рабочими, знаний. На наш взгляд, этот вопрос лучше всего раскрыл В. Зомбарт. Конечно, его слова отно-

¹ Серебренников В. Грамотность в Сибири ... С. 22.

² Там же. С. 22.

³ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 76. Оп. 2. Д. 197.

⁴ ЦДНИ ТО Ф.1. Оп.1. Д.353; Оп.2. Д.1365; Ф.76. Оп.2. Д. 19, 267.

⁵ Однодневная перепись начальных школ Российской Империи, произведенная 18 января 1911 года. Выпуск XVI-й, итоги по империи. Пг., 1916. С. 72.

сились к рабочим индустриальной Европы, но они, на наш взгляд, дают универсальную обобщенную характеристику положения дел в этой области у всех промышленных рабочих вне зависимости от регионального контекста: «"жажда знаний" существует ныне во всех лучших рабочих кругах... "стремление к образованию", причем под образованием понимается при этом главным образом скопление "знаний", которые заимствуются из книг, т.е. знаний, уже переработанных чужим умом. Не созерцание вещей привлекает этих людей, не к инстинктивному пониманию действительности при помощи чувств стремятся они, не действие и творчество сами по себе составляют предмет их страстных желаний, но "познание", т.е. выработка известной системы понятий... "образование" и "критика" у огромной массы останавливается на полдороги. Они теряют свою жизненность, окостеневают в догмы теории, в догмы практики. Они становятся банальностями, которые заполняют ум. Человек, счастливо освободившийся от предрассудков и суеверий и считающий себя "свободным", попадает в неразрывную сеть окаменевших "теорий", в которой он может двигаться не с большей свободой, чем прежде естественный человек в цепях предрассудка и суеверия. Пусть круг понятий, в который он попал, называется атеизмом, дарвинизмом, классовой борьбой, антисемитизмом, интернационализмом, эксплуатацией или социальной революцией, или еще как-нибудь, – все равно: достаточно сказать, что он стоит на месте. Так... достигается в огромной массе пролетариев полного развития опять-таки черта современного человека: догматизм... пролетарий является воплощенным догматиком» [17, с. 90–93].

Этот вывод В. Зомбарта для нас важен по следующей причине. Когда утверждается наличие «пролетарской идеологии», «политического мировоззрения рабочего класса» и подобное, мы должны понимать, что речь

идет не о творчестве самих рабочих, а об интеллектуальном продукте, создаваемом «для рабочих» интеллигенцией. Порог восприятия таких идей, даже у относительно хорошо образованных рабочих, был низким, и они впитывали в себя упрощенные схемы «рабочих» идеологий, соотнося их с остатками архаического мировосприятия и теми самыми «научными догмами», о которых писал В. Зомбарт. Таким образом, рабочие, отошедшие от традиционного мировоззрения, в то же время еще не выработавшие культуры самостоятельного мышления, легко становились объектами манипуляций политических авантюристов, прежде всего радикального толка, из среды образованных социальных слоев [18, с. 244–249; 19, с. 26–30]. Поэтому, на наш взгляд, не столь уж неправомерными выглядят некоторые правительственные сообщения, подобные этому: «Сосредоточивая свое особенное внимание на рабочем классе, представители крайних партий ведут промышленность к закрытию фабрик и заводов и к лишению рабочих средств к существованию. Выброшенные на улицу рабочие являются наиболее подходящим для целей революции, по мнению революционеров, материалом»¹.

Подводя итог, можно констатировать, что, несмотря на многочисленные недостатки в самой системе начального образования и не менее многочисленные трудности в его распространении, образование поднимало уровень сознания рабочего класса и становилось одним из факторов его формирования. Кроме того, в исследуемый период у сибирских рабочих уже присутствовала одна из важнейших типологических особенностей рабочего класса – стремление к знаниям и получению образования. Вместе с тем, образование не возвращало в рабочей среде культуру критического мышления, что делало рабочий класс объектом манипуляции различных политических сил.

¹ ГААК. Ф. 86. Оп. 1. Д. 2.

Литература

1. Литвинов-Фалинский В. П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. М., 1904. 344 с.
2. Бойко Т. В. Рабочий класс России и культура. М., 1997. 158 с.
3. История Сибири. Л., 1968. Т. 3. 371 с.
4. Тужиков В. И. Источники формирования рабочих кадров Сибири во второй половине XIX века // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири: сборник научных трудов. Новосибирск, 1978. С. 103–116.
5. Андриященко Б. К. Экономическое положение рабочих обрабатывающей промышленности Сибири в пореформенный период // Из истории Сибири. Томск, 1998. С. 100–116.
6. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Вып. 1: Общий ход развития школьного дела в Сибири 1703–1917 гг. Ново-николаевск, 1923. 251 с.
7. Зиновьев В. П. Школы на приисках Сибири в конце XIX – начале XX в. // Сибирские исторические исследования. Томск, 2013. № 2. С. 33–41.
8. Шамахов Ф. Ф., Трофимов П. Л. Из истории сибирской школы (1917–1931). Новосибирск, 1976. 150 с.
9. Зиновьев, В. П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. 258 с.
10. Вольфсон, Д. Д. Учащиеся Томских воскресных школ в 1904/5 уч. году. Томск, 1905. 47 с.
11. Вольфсон Д. Д. Сибирские воскресные школы. Томск, 1903. 237 с.
12. Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. 370 с.
13. Бочанова Г. А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1978. 256 с.
14. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. 751 с.
15. Скубневский В. А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е годы XIX в. – февраль 1917 г.). Дисс. ... д-ра ист. наук. Т. 1. Барнаул, 1991.
16. Андреев В. П., Дорофеев М. В. Крестьяне-отходники на угольных коях Кузбасса в начале XX в. // Рабочий класс и рабочее движение в России в условиях радикальных трансформаций XX века. Материалы Всероссийской научной конференции. Прокопьевск, 24–25 сентября 2009 г. Прокопьевск, 2009. С. 86–92.
17. Зомбарт В. Пролетариат. Очерки и этюды. СПб., 1907. 97 с.
18. Фаронов В. Н. Борьба рабочих за свои интересы в Западной Сибири конца XIX – начала XX в. // Известия АлтГУ 2015. 3–2(87). С. 244–249.
19. Фаронов В. Н. Политические предпочтения рабочих Западной Сибири в первой четверти XX в. // Научное обозрение Саяно-Алтая. 4 (20). 2017. Вып. 6. С. 2.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ РОДОВОЙ ЗНАТИ ХАКАСОВ В 1905 Г.

Е. В. САМРИНА

УДК 94 (571.513)

Статья посвящена общественной и политической деятельности родовой знати. Анализируя причины активизации их деятельности, автор приходит к выводу, что подъём был спровоцирован новым правительственным курсом, связанным для Российского государства с задачами имперского строительства, а для коренного населения существенным ущемлением их прав на самоуправление, сокращением земельного ресурса. В ответ родовая знать вырабатывает программные требования, касающиеся автономии, определенных политических прав. В этот период формируются политические идеи, которые будут озвучены в период революций 1917 г.

Ключевые слова: родовая знать, революция 1905 г., реформы, национальное движение, инородческий съезд, общественно-политическая организация.

SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITY OF THE TRIBAL ELITE OF THE KHAKAS IN 1905

ELENA V. SAMRINA

The article is devoted to social and political activities of the tribal elite. The reasons for the revitalization of their activities were provoked by the new government policy. The reforms significantly infringe their right to self-government and reduced their land resources. In response, the tribal elite generates policy requirements for autonomy and certain political rights. During this period, political ideas are formed, which will be voiced during the period of the revolution of 1917.

Key words: tribal elite, revolution of 1905, reforms, national movement, national congress, social and political organization.

В наши дни, когда восстанавливаются традиции рыночной экономики и предпринимательства, в новом ракурсе вырисовывается общественная, политическая жизнь представителей родовой элиты — байства, формирующейся хакасской буржуазии, которая включалась в активную политическую, общественную деятельность на волне революционных событий 1905 г.

Родовая знать хакасов сформировалась к середине XVIII в. после увода большей части родовой аристократии в 1703 г. в Джунгарию. По социальному составу они были как потом-

ками старой потомственной аристократии, так и выходцами из менее родовой среды. В связи с процессами административной интеграции коренного населения в состав Российской империи богатые скотоводы занимают должности низшего аппарата царской власти — князцов (башлыков) в XVIII в., родоначальников (бегов) Степных дум в XIX в. Власть бегов была наследственной и вплоть до второй половины XIX в. передавалась, как правило, от отца к сыну.

Представители родовой знати в конце XIX в. были более образованными, чем их

отцы и деды. Они обладали широким кругозором, сформировались в новой экономической и социальной среде. Знать по-иному расценивала свое значение в общественной и экономической жизни. О политической зрелости родовой элиты свидетельствовали выдвигаемые ею политические требования предоставления национальной автономии, проекта нового управления «инородцами», создания органов общественного самоуправления, обеспечения и реализации избирательных прав, касающиеся выборов в Государственную Думу и в уездное земское собрание.

Одним из болезненных законов принятых правительством в отношении инородцев стал закон 1896 г. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на казенных землях в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской». Закон предусматривал изъятие земельного фонда коренных народов в пользу переселенческого фонда и царского двора (Кабинет его императорского величества) [1, с. 154-156, 168-181]. Реализация закона о землеустройстве предусматривала основательное изменение хозяйства и кочевого быта, поэтому не могла найти поддержку не только у основной массы, но и у родовой аристократии, стоявшей во главе местного национального самоуправления.

В качестве подготовительной меры власти решили провести волостную реформу, которая ликвидировала инородческое самоуправление. В 1898 г. в отношении народов Сибири появился ряд нормативных актов («Временное положение о крестьянских начальниках», распространенное и на коренное население; положение «О видах на жительство для инородцев»; «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственной оброчной и поземельной податями»). Формально законы были направлены на ликвидацию особого статуса отдельных территорий и утверждению единого для всей страны унитарного административно—территориального устройства. Но, по мнению Л. М. Дамешека, нормативные акты 1898 г. связанные с переводом кочевых и бродячих народов в разряд оседлых, введением волостного и сельского управления по крестьянскому образцу

явились началом полного подчинения аборигенов действию общероссийского законодательства. Органы управления «инородцев», основанные на принципах «Устава» 1822 г., заменялись управами, устроенными по русскому типу. Круг деятельности крестьянских начальников был достаточно обширным. Особенно возрастала роль крестьянских начальников в судебных делах коренного населения [2, с.160].

«Временное положение о крестьянских начальниках» хакасами воспринималось как угроза национальной идентичности. В 1907 г. Д. Е. Лаппо юрист, мировой судья, деятель кадетской партии писал «...ни к чему степняки — кочевники не относятся так враждебно, как к распространению на них правила крестьянского управления. Одна мысль о таком распространении поражает кочевого инородца ужасом. В таких реформах инородцы видят посягательство на самое их национальное бытие» [3, с. 4-5].

Впервые вопрос о применении к хакасам правил об управлении крестьянским населением был обсужден на особом административном совещании в Минусинске 22-25 октября 1899 г. Родовая элита выступила против введения законов, существенно ограничивающих права хакасов в самоуправлении. Один из богатых представителей старой родовой аристократии Григорий Политович Чарков, в ноябре 1902 г. на заседании Минусинского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности выступил против «уподобления... инородческого управления русскому» [4, с. 244]. По его мнению, власть, принимая решения в отношении хакасов, не учитывала особенности жизнедеятельности кочевых сообществ. «Следовало бы раньше, чем принять определённое решение, командировать для исследования инородческого быта целую комиссию» [3, с.18].

Отец Григория Полит Чарков был известным и достаточно прогрессивным баем. В его «княжеском дворе», как красноречиво описал П. Островских, находились учителя из поселенцев и фельдшеры [5, с. 312]. У него работали даже некоторые ссыльные, например, Людвиг Цибульский, сосланный в Сибирь как участник польского восстания 1863 г. По ини-

циативе и на средства баев Чарковых была организована школа в конце 1880-х годов в улусе Чарков на Уйбате¹.

Во второй половине 1905 г. в аборигенной среде активно обсуждался вопрос о создании органов общественного самоуправления. В октябре 1905 г. в работе Минусинского уездного крестьянского съезда приняли участие 8 уполномоченных от хакасских ведомств, баи М. Е. Спирин, Н. И. Окунев, А. И. Асочаков, Н. И. Орешков и др. Делегаты съезда высказались за формирование единых земских учреждений для крестьян и «инородцев». Одним из важных решений съезда были требования реализации избирательных прав, касавшиеся выборов в уездное земское собрание двух гласных от каждой земской единицы. Хакасские баи поставили свои подписи под проектом съезда наряду с подписями крестьян [3, с. 86-87].

Активная часть байства стала инициатором проведения инородческого съезда 1 и 2 ноября 1905 г. в с. Аскиз. Состав участников съезда был весьма внушительным: руководители (головы) Усть-Абаканской и Аскизской управы Сатик (Никита Иванович) Окунев, Хара-Билек Чебодаев, родовые старосты, доверенные от 12 родов и делегация от Усть-Абаканской управы, баи Орешков, Паскир Картин, Павел Доможаков, Кыштымыв, братья Чарковы, Чудогашевы и др.

В эти годы проявил себя как организатор национального движения Сатик Окунев. Он был одним из учредителей первой хакасской политической организации «Союз сибирских инородцев». Кроме того он избирался в качестве выборщика депутатов в Государственную думу [6, с. 35]. Впоследствии принял активное участие в первых съездах хакасского народа в период 1917-1918 гг., был председателем I съезда хакасского народа в апреле 1917 г. [7, с. 39].

Сатик Окунев относился к богатым баям и имел возможность финансировать деятельность национального движения. После событий 1917-1918 гг. он был арестован и выслан из Хакасии. Сатик перед арестом зарыл свои

¹ Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Архив А. А. Ярилова. Д. 498. Л. 10, 21-24.

сокровища в трех местах (в улусе, в горах и в лесу). В 1958 г. одно из спрятанных сокровищ нашел тракторист в поселке Капчалы, на месте бывшего улуса Окунев в Усть-Абаканском районе.

В обнаруженном кладе было несколько сот высокопробных серебряных монет времен правления Ивана IV и Лжедмитрия, российские монеты конца XIX - начала XX в. и иностранные монеты второй половины XIX – первой половины XX вв. — пенни и марки Финляндии, рейхмарки Германии, серебряные изделия. Несомненно, клад, состоявший из монет значительного периода (1530-х – 1930-х гг.), являлся накоплением нескольких поколений семьи бая Сатика Окунева. Сокровища семьи накапливались столетиями, формирование клада шло за счет излишков денег, изъятых из финансового оборота. Хозяин клада надеялся, что сокровища пролежат долго в земле, а ему удастся когда-нибудь вернуться домой².

Проведение инородческого съезда стало возможным благодаря объединению родовой аристократии и представителей русской буржуазии, интеллигенции в лице Иннокентия Петровича Кузнецова и Арсения Арсеньевича Ярилова. И. П. Кузнецов, известный также как Кузнецов-Красноярский, был председателем на съезде. Они оба оказались в гуще инородческих событий не случайно. И. П. Кузнецов – выходец из богатейшей семьи сибирских золотопромышленников, являлся крупным исследователем-краеведом. Уроженец Минусинского уезда Иннокентий Кузнецов с детства интересовался историей и культурой хакасов. Он состоял почетным блюстителем Аскизского инородческого училища, построенного его отцом П. И. Кузнецовым. Петр Иванович в Аскизе держал дом и промежуточную базу. В его доме располагалась школа, а книгами Кузнецовых пользовался Николай Федорович Катанов – первый хакасский ученый, российский тюрколог, доктор сравнительного языкознания, тогда еще готовившийся к поступлению в Красноярскую гимназию. Финансовую помощь ему оказывал П. И. Кузнецов, являвшийся тогда городским го-

² Хакасия. 2006. 13 апреля.

ловой Красноярска [8, с. 8].

В свою очередь на формирование личности, взглядов и убеждений другого активного участника инородческого съезда Арсения Арсеньевича Ярилова оказал влияние Н. Ф. Катанов. В годы учебы (1876-1884 гг.) в Красноярской гимназии, талантливый гимназист Катанов из-за материальных затруднений занимался репетиторством. В числе его подопечных по репетиторству были дети купцов, в том числе и Арсений Ярилов. В гимназический период Николай Федорович жил в доме Яриловых в Красноярске, летом часто жил в селе Медведево Новоселовской волости, где родители Арсения имели винокуренный завод. У них сложились теплые дружеские отношения, в течение долгих лет они состояли в переписке. Благодаря Катанову, Арсений Ярилов знал хакасский язык¹. В 1897 г. А. А. Ярилов обследовал хозяйство и быт минусинских, ачинских инородцев, и поэтому был знаком с их положением и нуждами. Неудивительно, что А. А. Ярилов принял самое активное участие и в организации инородческого съезда и в создании политической организации «Союз сибирских инородцев».

На повестке инородческого съезда были вопросы, касающиеся сохранения национальной идентичности: территориальная целостность хакасских ведомств (территория Хакасии делилась между Минусинским и Ачинским уездом), самоуправление, участие хакасов в представительных органах власти, возврат изъятых земельных угодий и передача их в полную собственность соответствующих инородческих ведомств.

На съезде была заявлена идея квотирования мест для представителей от «инородческого» населения Сибири в представительных органах власти, а именно: по два гласных от каждой мелкой земской единицы в губернских земствах и один депутат Государственной Думы от всего хакасского населения [3, с. 32, 88-89].

О сословном политическом неполноправии писал Ярилов: «Тридцать три тысячи инородцев на выборы в Государственную Думу в Минусинск могут отправить двух выборщи-

ков, тогда как каждая волость, даже численностью 2-3 тысячи имеют право послать тоже двух выборщиков. Тогда как численность инородцев позволяла им отправить 8 выборщиков, вместо двух. Тогда они имели бы возможность послать хоть одного выборщика из своей среды в Красноярск; теперь же об их нуждах не узнает не только Государственная дума, а даже своя губерния»².

Ярким документом, принятым на съезде стал «Проект степного земского положения» в котором были изложены основные решения съезда. В основу этого документа был положен проект иркутских бурят. В 1907 г. Д. Е. Лаппо опубликовал принятый на сходе проект земских учреждений с собственными комментариями.

Одним из ключевых решений съезда было повышение статуса инородческого земского участка в российской территориально-политической системе, на основе которой строилась система органов государственной власти, органов местного самоуправления. По мнению участников съезда, «будущий инородческий земский участок не должен подчиняться и зависеть от уездного земства, а должен быть в непосредственных сношениях с земством губернским» [3, с. 32, 88-89]. Согласно «Проекту степного земского положения» власть полностью передавалась «Национальным земским организациям», построенным по «родовому» принципу [3, с. 86]. «Проект» предусматривал ликвидацию института крестьянских начальников в хакасских ведомствах и возрождение Степных Дум³.

Степные Думы позволяли самостоятельно, в пределах своего ведомства решать административные, хозяйственные, судебные (кроме уголовных) вопросы, и рассматривались островками незыблемости традиционного уклада жизни. На протяжении 2-й поло-

² Телеграф и почта. 1906. 27 апреля 1906 г. А. Ярилов

³ Степные думы были учреждены в соответствии с Уставом об управлении инородцами (1822 г.) на территории компактного проживания хакасов (Кызыльская Дума в составе Ачинского уезда, Койбальская, Качинская, Соединенных разнородных племен (Сагайская) в составе Минусинского уезда Енисейской губернии).

¹ Красноярский рабочий. 2002. 5 июля.

вины XIX в. Степные думы реорганизовывались в инородные управы и ликвидировались без согласия хакасов. Например, Койбальская Дума в 1856 г. была упразднена по настоянию Минусинского окружного начальника Стадлера против желания койбалов. Часть населения думы (койбальский род) был причислен к Степной думе Соединенных разнородных племен, другая (Салбино-Койбальский род) – к Абаканской инородной управе.

Абаканская управа прежде была частью Качинской Степной думой, упраздненной одной из первых в 1854 г. Вместо думы были образовались Абаканская и Июсская инородные управы. Формально причинами закрытия думы стали разногласия между улусными старостами (башлыками), возглавлявшими административные рода. Среди качинской знати в меньшей степени, чем среди других этнических групп хакасов, распространялось православие и занятие земледелием, что не способствовало ее активной трансформации в российское пространство. Значительные материальные средства качинских баев позволяли им придерживаться собственной веры и быть приверженцами традиционного образа жизни.

Вместе с ликвидацией степных дум упразднялись должности родоначальников. Административной аппарат думы избирался из байской среды. Как правило, они представляли наиболее передовую часть народа. Члены думы отличались относительно высоким уровнем культуры и образованности.

Потомственный аристократ из древнего правящего рода енисейских кыргызов и наиболее именитый бег Ч. Картин был родоначальником Качинской думы кыргызов. «Особа очень важная, при появлении, которого все его подданные падают ниц» [9, с. 313].

Согласно обычному праву вплоть до второй половины XIX в. должность родоначальника в думе считалась пожизненной и наследственной. Вплоть до закрытия думы родоначальниками в Качинской степной думе становились друг за другом Чирка, Семен и Николай Картины.

Один из сыновей Чирки получил образование у ссыльных декабристов братьев Беляе-

вых в Минусинске. Возможно, сам Чирка общался с декабристами. Сын не только учился в школе, но и жил в доме Беляевых, как когда-то Александр Беляев жил в доме богатого князя В. В. Долгорукова. Представители прогрессивной части русского дворянства в школе преподавали различные предметы (история, география, арифметика и т.д.). Школа имела в разное время до двадцати учеников. Несомненно, выпускники обладали широким кругозором и впитали определённые политические взгляды своих учителей. По мнению Беляевых, «главная наша цель была с развитием ума внушить правила чистой нравственности, разумной религиозности, честности и уничтожения дурных привычек...» [9, с. 297].

Николай Картин сын Чирки уже в 1842 г. имел патент купца 3 гильдии с объявленным капиталом до 100 000 ассигнациями. В Крымскую войну, 1853-1856 гг., он подарил 100 серых жеребцов императору Николаю I, за что тот даровал Николаю Картину морской мундир. Так же царь пожаловал Картиным столовый набор золотых вилок, ножей, ложек [10, с. 10].

Закрытие думы в 1854 г. баями воспринималось болезненно. Последние ее воспринимали не просто как институт самоуправления, а как легитимную структуру власти. Кроме того в составе Степных дум сформировалась знать со значительными материальными средствами. В хозяйствах Картиных общее поголовье скота составляло 11000 голов. Богатство Картиных было так велико, что внук Чирки – Апун говорил: «Прежде чем кончится капитал Картиных, раньше переведётся песок в р. Абакане» [11, с. 74]. Неслучайно, И. Г. (Паскир) Картин представитель семьи Картиных стал одним из лидеров политической организации «Союза сибирских инородцев».

«Союз сибирских инородцев» – первая общественно-политическая организация «инородцев» созданная в октябре 1905 г. для защиты прав коренного населения. Решение о создании инородческого союза было принято на встрече представителей родов «инородцев». В газете «Голос Сибири» был опубликован «Устав сибирских инородцев» и список учредителей организации: А. А. Ярилов,

Н. Т. Спирин, И. Г. Каргин, Е. А. Топанов, Н. И. Окунев, С. С. Поросенов, Н. И. Иссарцев – письмоводитель Абаканской инородной управы. В начале 1906 г. в его состав вошли «50 качинских инородцев, и в степи уже образовались две самостоятельные группы союза»¹. Учредители активно пропагандировали программу Союза среди коренного населения Аскизского и Кызльского ведомств².

Программа союза предусматривала как просветительские цели, так и политические требования. Одной из основных задач назывались установление связи между отдельными племенами сибирских инородцев, консолидация и объединение всех сибирских племен для совместного выбора хотя бы одного защитника инородческих нужд. т.е. квотирование «хотя бы одного общего» депутата Государственной думы от всех «инородцев» Сибири. Кроме того в «Уставе...» было требование «всеобщего, равного, прямого и тайного голосования как единственно обеспечивающего инородцам надлежащую защиту их интересов»³.

В изданной листовке «Союза...» «Гражданская полноправность минусинских инородцев» (автор А. А. Ярилов) отстаивались права «минусинских инородцев» на самоопределение в составе русского государства, залогом которого явилось бы «твердое установление находящихся в их пользовании земель»⁴.

«Союз сибирских инородцев» принял участие в выборах в Государственную думу I созыва. Сатик Окунев избран в качестве выборщика депутатов в Государственную думу [6, с. 35]. Создание «Союза...» ознаменовало собой важный шаг в развитии национального

движения, положило начало оформлению националистической либеральной программы и свидетельствовало о формировании национальной хакасской буржуазии.

За революцией последовала реакция, революционные выступления в России были подавлены. Власти изменили правила выборов в Государственную думу для увеличения числа лояльных монархии депутатов; на местах не соблюдались декларируемые в Манифесте 17 октября 1905 г. свободы; наиболее существенный для большинства населения страны аграрный вопрос не был решён. И конечно царские власти, не приняв, байскую реформу. В 1907 г. начались преследования учредителей «Союза сибирских инородцев». А. А. Ярилов был вынужден эмигрировать за границу, а перед этим полтора месяца он провел в тайге горного Алатау в составе приисковой партии золотопромышленника Иваницкого [12, с. 39]. Сатик Окунев, Хара-Билек Чебодаев несколько лет скрывались за пределами Хакасии.

В конце XIX в. коренное население ожидала кардинальная смена формы жизнедеятельности, неслучайно из народов Енисейской губернии национальное движение коснулось только хакасов. Ликвидация самоуправления, перевод из кочевого разряда в оседлое, существенное сокращение земельного надела, изменение типа хозяйствования, формировавшийся тысячелетиями, рост налогообложения существенно ухудшили экономическое, политическое положение коренного населения. В ответ на значительные изменения основ жизнедеятельности формирующаяся национальная элита выдвигают программу защиты национально-культурной самобытности. Заявление о праве «минусинских инородцев» на самоопределение в составе Российского государства и противодействие переводу на оседлость свидетельствуют о политической зрелости родовой элиты.

¹ Голос Сибири. 1905. 7 декабря.

² Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. П-656. Оп. 1а. Д. 7. Л. 12.

³ НАРХ. Ф. П-656. Оп. 1а. Д. 15. Л. 39.

⁴ НАРХ. Ф. И-2. Оп.1. Д. 1041. Л. 9.

Литература

1. Жидков Г. И. Кабинетское землевладение (1747-1917). Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1973. 264 с.
2. Дамешек Л. М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти (XVIII – нач. XX в.). Иркутск: ЗАО «Восточно-Сибирская издательская компания». 2007. 320 с.
3. Лаппо Д. Е. Степное земское положение: проект земских учреждений, принятый Аскизским инородческим съездом 1-2 ноября 1905 года и Иркутским бурятским съездом 22-24 августа 1905 года. Красноярск: Типо-литография Кохановских, 1907. 98 с.
4. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 54. Енисейская губерния. СПб., 1903, 328 с.
5. Островских П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. СПб., 1885. Вып. I. IV. С. 297-348.
6. Мешалкин П. Н., Шейнфельд М. Б. Революционное движение на юге Енисейской губернии в 1905-1907 гг. // Вопросы истории Хакасии. Абакан, 1977. С. 18-35.
7. Гладышевский А. Н. Степан Дмитриевич Майнагашев. 1886-1920. Очерк жизни и деятельности. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1999. 62 с.
8. Иванов С. Н. Николай Фёдорович Катанов, 1862-1922: Очерк жизни и деятельности. Изд. 2-е. М.: Наука, 1973. 113 с.
9. Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном, 1805-1850. Ч. 1. СПб.: А. С. Суворин, 1882. 507 с.
10. Чепашева А. Ф. Жизнь, отданная народу // Жизнь, отданная народу. Материалы I и II краеведческих чтений, посвященных И.Н. Карачаковой за 2009-2010 гг. Абакан, 2011. С. 7-16.
11. Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1987. 175 с.
12. Ярилова Л. С., Лыткина Е.И. Жизнь и деятельность А. А. Ярилова в Сибири // Жизнь и деятельность А. А. Ярилова в Сибири. Материалы научной конференции 23–24 июня 2005 г., гг. Абакан и Минусинск. Абакан: ООО «Фирма «Март», 2005. С. 21-49.

На фото слева Г. И. Итыгин

ГЕОРГИЙ ИГНАТЬЕВИЧ ИТЫГИН (к 145-летию со дня рождения)

В. Н. ТУГУЖЕКОВА

УДК 930

Статья посвящена жизни и деятельности государственного, политического и общественного деятеля, одного из организаторов национально-государственного строительства в Хакасии Георгию Игнатьевичу Итыгину. Он отстаивал идею объединения Хакасии и Ойротии (Горный Алтай) в одну автономную социалистическую республику.

Ключевые слова: Георгий Игнатьевич Итыгин, государственный и политический деятель, национально-государственное строительство, народное образование.

GEORG IGNATIEVICH ITYGIN

VALENTINA N. TUGUZHEKOVA

The article is devoted to the life and work of the political and public personality of Georg Ignatievich Itygin. He was one of the organizers of the national-state construction, public education in Khakassia. He defended the idea of uniting Khakassia and Oyrotia (Gorny Altai) into one autonomous socialist republic.

Key words: Georg Ignatievich Itygin, state and political personality, national-state construction, public education.

Имя видного политического деятеля Хакасии Георгия Игнатьевича Итыгина не заслужено забыто. В 1934 г. на судебном процессе по делу так называемого «Союза сибирских тюрков» его имя не раз называлось как лидера «буржуазных националистов» [1, с. 126-128]. В 1990-е годы благодаря публикациям, прежде всего К. М. Патачакова¹ [2], общественность Хакасии узнала об Г. И. Итыгине, как об одном из лидеров национального строительства в 1920-е годы. Ранее эта сторона его деятельности замалчивалась.

5 декабря 1998 г. в театре «Сказка» г. Абакан прошел вечер памяти, посвященный 125-летию со дня рождения Г. И. Итыгина. С докладом выступил С. П. Ултургашев, в своем выступлении он сказал: «Георгий Иннокентьевич Итыгин, выдающийся сын хакасского народа, видный общественный и политический деятель Сибири, талантливый педагог, известный журналист. Его имя долгое время замалчивалось, а если вспоминали, то как «либерала с партийным билетом в кармане», «коммуниста с национальным уклоном» и даже как «буржуазного националиста» [3, с. 151].

Г. И. Итыгин родился 2 марта 1873 г. в селе Чебаки Кызыльской управы Ачинского уезда Енисейской губернии в хакасско-русской семье. Егорка, как его звали в детстве, имел благоприятные условия для образования, развития своей личности. Его родное село, с которым он не порывал связи в течение всей своей жизни, было крупным, зажиточным. В селе были почта, школа, больница, церковь и резиденции золотопромышленников и купцов. Родители – отец Игнатий Васильевич, хакас из кызыльцев, и мать Матрена Семеновна, русская, – будучи людьми средней состоятельности и достаточно грамотные для своего времени, стремились дать сыну образование. Как отмечал К. М. Патачаков, родители Г. И. Итыгина считались оседлыми хакасами, занимались скотоводством и земледелием [4, с.76]. В селе русские и хакасы жили смешанно, между ними сложились добрососедские отношения.

Начальное образование Итыгин получил

¹ Хакас чирі. 1998. 12 марта.

в Чебаковской школе. Чебаковское церковно-приходское училище было открыто в 1885 г., в ней тогда обучалось 44 ученика [5, с. 223]. В Чебаках находилась резиденция крупного золотопромышленника купца второй гильдии К. И. Иваницкого. В начале XX в. большая часть добываемого золота в Ачинском уезде принадлежала его предприятиям. К 1912 г. на приисках К.И. Иваницкого было занято 255 рабочих [6, с. 134].

По данным исследователя А. А. Ярилова Чебаковское начальное училище находилось в здании бывшей конторы, пожертвованной золотопромышленником Иваницким. В 1891-1892 учебном году в нем обучалось 27 мальчиков и 3 девочки, из них инородческих детей было 14 человек [7, с. 95]. Позднее Иваницкий построил в Чебаках специальное типовое здание для школы [8, с. 49].

После окончания в 1889 г. Чебаковской школы Георгий Итыгин поступил учиться в учительскую семинарию в г. Красноярске. Учительские семинарии в Красноярске и Минусинске были открыты в конце XIX в., также в этих городах были открыты женские прогимназии с возможностью получения педагогического образования.

Директором Красноярской учительской семинарии работал замечательный педагог, последователь К. Д. Ушинского и других русских педагогов И. Т. Савенков, который читал курсы педагогики, дидактики и методики в Красноярской и Минусинской учительских семинариях. Его воспитанники и ученики Г. Н. Итыгин, К. С. Тодышев, В. Н. Катанов, В. И. Окунев, М. И. Окунев, И. И. Аланов, Г. В. Кирбижеков, Ф. И. Коков и многие другие стали учителями и внесли свой вклад в просвещение своего народа [8, с. 53].

После окончания семинарии в 1892 г. Георгия Игнатьевича отправили учителем в Шалоболинскую школу Минусинского уезда. Затем он работал в Усть-Абаканском одноклассном училище, преподавал в родном селе в Чебаковском одноклассном училище, где учились дети рабочих золотых приисков и местного населения. Г. И. Итыгин обрел большой опыт работы по обучению, как русских, так и детей инородцев [8, с. 54].

Начиная с 1898 г. Георгий Игнатьевич в течение ряда лет работал в разных школах Ачинского и Канского уездов Енисейской губернии. За эти годы он хорошо изучил состояние школ губернии, испытал нелегкую жизнь сельского интеллигента, глубже узнал тяжёлую долю трудящихся масс, познакомился с политическими ссыльными [4, с. 77]. К. М. Патачаков считал, что на формирование политических взглядов Г. И. Итыгина повлияла первая русская революция 1905-1907 гг. [4, с. 77-78].

В 1913 г. Г. И. Итыгин как опытный учитель был приглашен заведовать первой железнодорожной школой г. Красноярска. Здесь он решил издавать педагогический журнал. Вокруг его издания развернулась полемика, но Г. И. Итыгин аргументированно обосновал необходимость издания журнала, который должен способствовать обобщению лучшего опыта передовых учителей и доводить до каждого учителя новые положения, вводимые Минпросом России. Он настоял на издании журнала под названием «Сибирская школа». В 1916 г. журнал выходил регулярно каждый месяц. Г. И. Итыгин стал его издателем и редактором. «Сибирская школа» помогала учителям обмениваться опытом работы, в нем помещались критические заметки, пропагандировались передовые педагогические идеи русских мыслителей-педагогов [8, с. 54].

После февральской революции 1917 г. Г. И. Итыгин вступил в РСДРП(б), позднее в анкетах он напишет, что вступил в партию 10 марта 1917 г.¹ В 1918 г. окончил Красноярский учительский институт, основанный в 1915 г. [3, с. 152]. К. М. Патачаков писал, что Октябрьскую революцию Г. И. Итыгин встретил зрелым коммунистом, страстным борцом за советскую власть [9, с. 196-197].

После падения советской власти в июне 1918 г. Г. И. Итыгина арестовали, два месяца он находился в тюрьме². После выхода из тюрьмы его выселили из Красноярска, друзья железнодорожники Итыгина отправили на станцию Половина Иркутской области. Там

¹ Национальный архив Республики Хакасия (далее НАРХ). Ф.14. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

в декабре 1918 г. он создал партийную ячейку. В 1920 г. по распоряжению Сиббюро ЦК РКП(б) его перевели в Красноярск на прежнюю работу. Весной 1921 г., как знатока хакасского языка и культуры, назначили руководителем хакасской секции при губернском отделе народного образования.

По его инициативе летом 1921 г. в Минусинске впервые были организованы трехмесячные курсы по подготовке учителей национальных школ. Курсы прошли около 20 человек. В их числе Н. Л. Коков, И. И. Коков, А. М. Селигеева, Я. С. Чочиев, К. П. Майнагашева, Е. А. Чаптыкова, Р. А. Майнагашева, А. И. Тороков, А. И. Киштеев, Н. П. Собакин и др. [9, с. 198].

1923 г. был поворотным в жизни Г. И. Итыгина, в связи с образованием хакасского уезда он был избран председателем Хакасского уездного революционного комитета (уревком). Президиум ВЦИК 14 ноября 1923 г. принял постановление о выделении районов с хакасским населением в Хакасский уезд с центром в селе Усть-Абаканск [10, с. 74-75].

10 февраля 1924 г. в селе Усть-Абаканск состоялось торжественное собрание по случаю образования Хакасского уезда. От имени Минусинского уездного комитета РКП(б) выступил товарищ Бородин. Он сказал, что каждый народ должен строить свою жизнь на основе своих традиций и культуры³. Г. И. Итыгин в своем выступлении подчеркнул, что хакасский народ получил статус самостоятельного уездного управления⁴.

В связи с районированием Сибири 25 мая 1925 г. Президиум ВЦИК преобразовал Хакасский уезд в округ. Прошедший в ноябре 1925 г. съезд Советов избрал председателем Хакасского окружного исполкома Г. И. Итыгина.

В 1922-1925 гг. среди интеллигенции Южной Сибири вновь возникла идея об объединении Хакасии, Горного Алтая (Ойротии), Горной Шории и Тувы в одну Тюркскую советскую республику. Г. И. Итыгин также поддерживал эту идею. В марте 1925 г. на втором уездном съезде Советов он выступил с докладом

³ НАРХ. Ф. Р1. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 11.

дом об объединении Ойротии, Хакасии, Тувы в Тюркскую Советскую Социалистическую Федеративную Республику [11, с. 92-93]. В эти годы идея объединения не была реализована, поэтому о ней вновь заговорили в начале 1930-х гг. [1, с. 119-128]. В деле «Союза сибирских тюрков» (1934 г.) указывалось, что в 1923-1924 гг. в Хакасии, Горной Шории и Ойротии зародилось национальное движение за объединение хакасов, шорцев и ойротов в одну автономную социалистическую республику. Лидерами этого движения явились: в Хакасии – председатель уездного комитета Г. И. Итыгин, в Горной Шории – Я. К. Тюльгерев и в Ойротии – И. Н. Михайлов-Очи и Г. И. Чорос-Гуркин [1, с. 120].

Следует отметить, что Г. И. Итыгин, оставаясь во главе уезда, а потом и округа, был верным продолжателем дела С. Д. Майнагашева, который после февральской революции 1917 г. мечтал о ликвидации территориальной разобщенности, объединении хакасов Ачинского и Минусинского уездов и создании органов местного самоуправления [11, с. 27].

В бытность Г. И. Итыгина был совершен «рывок революционный в развитии культуры хакасского народа» [3, с. 155]. Под его непосредственным руководством работала комис-

сия в составе К. К. Самрина, К. С. Тодышева, А. Т. Казанакова, С. И. Кузургашева, П. Т. Штыгашева, И. М. Киштеева, М. И. Райкова по созданию письменности на хакасском языке. На основе русской графики был составлен алфавит. В 1926 г. появились первые учебники.

Однако многое Г. И. Итыгин не смог осуществить, так как был отозван на новую работу в Новосибирск. Передал свои дела Якову Митрофановичу Арыштаеву, бывшему народному судье [13, с. 39], и 2 марта 1927 г., в день своего рождения, отбыл в Новосибирск [3, с. 157]. В Новосибирске он возглавил Совет по просвещению национальных меньшинств Сибирского краевого отдела народного образования. В этой должности Георгий Игнатьевич проработал около двух лет. Во время командировки в Ойротию (Республика Алтай) Г. И. Итыгин заразился брюшным тифом и скоропостижно скончался 5 декабря 1928 г.

Георгий Игнатьевич Итыгин стал знаковой фигурой в политической истории Хакасии XX в. Это первый председатель Хакасского уездного, а затем окружного исполнительного комитета. Его имя прочно вошло в историю Хакасии.

Литература

1. Карлов С. В. Массовые репрессии в 1930 гг. (на материалах Хакасии). Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2011. 206 с.
2. Патачаков К. М. Наа чуртас үчүн. Абакан: Хакасское отд. Красноярского кн. изд-ва, 1990. С. 6-11.
3. Ултургашев С. П. Слово об Итыгине Георгие Игнатьевиче (к 125-летию со дня рождения) // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии. ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Выпуск III. Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1999. С. 151-157.
4. Патачаков К. М. Председатель уревкома // Жизнь, отданная народу. Абакан: Хакасское отд. Красноярского кн. изд-ва, 1969. С. 76-83.
5. Ширинская летопись: от века камня до современности / Отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2007. 336 с.
6. Кискидосова Т. А. Торгово-промышленное предпринимательство Ачинско-Минусинского края во второй половине XIX – XX вв. Абакан: Роса, 2009. 186 с.
7. Ярилов А. А. Кызыльцы и их хозяйство. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1899. 306 с.
8. Мохов А. Н., Мохова Л. А. Краткие очерки истории народного образования Хакасии. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2009. 201 с.
9. Патачаков К. М. Георгий Игнатьевич Итыгин (к 100-летию со дня рождения) // Ученые записки. Выпуск XIX. Серия историческая. № 5. Абакан: Хакасское отд. Красноярского кн. изд-ва, 1974. С. 194-202.
10. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917-1961 годы. Под ред. П. Н. Мешалкина. Абакан: Хаккнигоиздат, 1963. 420 с.
11. Мамышева Е. П. Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917-1941 гг.: история, опыт, проблемы. Абакан: Изд-во «Бригантина», 2011. 244 с.
12. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы этногенеза хакасского народа», посвященной 100-летию первых съездов хакасского народа и возрождения народного имени. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2017. 80 с.
13. Шулекина К.В. Биография судей Хакасии в период новой экономической политики (1921-1929) // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Выпуск № 13. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2012. С. 39-42.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ ГОРНОГО АЛТАЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ФОРСИРОВАННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (КОНЕЦ 1920-Х – НАЧАЛО 1930-Х ГГ.)¹

М. С. КАТАШЕВ

УДК 94(571.15) «1926/1930»

В статье предпринята попытка показать процесс эксплуатации лесных ресурсов в Горном Алтае (Ойротии) на начальном этапе форсированной модернизации, осуществлявшейся советским государством (1928 – 1932 гг.). На примере Ойротской автономной области рассмотрен процесс становления промышленного потенциала в национальных районах Сибири, где отсутствовал опыт промышленного развития. В статье, на основе делопроизводственных документов государственных и партийных органов власти, показаны региональные особенности и проблемы лесопромышленного освоения Горного Алтая. Основное внимание уделено проблеме формирования материально-технической базы и трудовых ресурсов лесозаготовительной промышленности. Сделан вывод о том, что задача создания больших производственных объектов лесной промышленности в Ойротии на тот момент не ставилась.

Ключевые слова: Горный Алтай, первая пятилетка, заготовка леса, проблемы снабжения, рабочие кадры.

INDUSTRIAL EXPLOITATION OF FOREST RESOURCES OF MOUNTAIN ALTAI AT THE INITIAL STAGE OF FORCED MODERNIZATION (IN THE LATE 1920^S – THE BEGINNING OF THE 1930^S)

MAXIM S. KATASHEV

The article makes an attempt to show the process of exploitation of forest resources in the Mountain Altai (Oirotia) at the initial stage of forced modernization carried out by the Soviet state (1928 – 1932). On the example of the Oirot Autonomous Region we considered the process of developing the industrial potential in the national regions of Siberia, where there was no experience of industrial development. In the article, based on clerical documents of state and party authorities, shown regional peculiarities and problems of timber mining in Mountain Altai. A main attention paid to the problem of formation material and technical base and labor resources of timber mining. The conclusion is drawn that the task of creating large industrial objects of the forest industry in Oirotia was not put at that time.

Key words: Mountain Altai, the first five-year period, lumber-camp, supply issues, working footage.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-49-040007 а(р))

Лес всегда играл важную роль в экономической жизни Горного Алтая. Лесозаготовительная промышленность длительное время являлась одной из ведущих отраслей в народнохозяйственном комплексе региона. Отправной момент в ее развитии просматривается в период конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Тема лесопромышленного освоения Горного Алтая в указанные годы не получила отдельного рассмотрения в отечественной историографии. Развитие лесной промышленности изучалось большей частью в рамках фундаментальной темы истории промышленности в национально-государственных автономиях Сибири и непосредственно Горного Алтая.

В советский период указанная тема фрагментарно освещалась в ряде работ историков Бурятии и Горного Алтая [6; 7]. К несомненным достоинствам работ исследователей советского периода следует отнести широкое использование материала центральных и региональных архивов. Это позволило авторам рассмотреть такие важные вопросы, как динамика капиталовложений и капитальное строительство в национальных регионах, в частности, в Горном Алтае, формирование промышленных кадров, решения партийных и государственных органов в промышленной сфере и др.

Вместе с тем, необходимо отметить, что данные по Горному Алтаю в указанных работах носят неполный характер, в силу узости источниковой базы, закрытости ряда важных документов. Кроме того, исследователи советского времени были вынуждены следовать идеологическим установкам. Указанное обстоятельство во многом повлияло на одностороннее освещение процессов социально-экономического развития сибирских регионов в годы социализма.

В 1990-е – 2000-е гг. тема промышленного развития Ойротской автономной области в годы первых пятилеток получила рассмотрение в монографиях и коллективных изданиях горно-алтайских историков [4; 2; 3; 1; 8]. Благодаря привлечению широкого круга архивных источников, авторам удалось расширить картину развития кустарного производства

в области, показать процесс его преобразования в артели промышленной кооперации. Подробно показаны процессы становления материально-технической базы ряда промышленных отраслей Ойротии. Вместе с тем, развитие лесозаготовительной промышленности также не получило отдельного изучения.

В данной статье предпринята попытка, на основе дополнительного круга архивных источников, рассмотреть начальный этап процесса промышленной эксплуатации лесов Горного Алтая, охарактеризовать основные особенности и проблемы становления лесозаготовительной отрасли в регионе.

До революционных событий 1917 г. промышленная заготовка леса осуществлялась в незначительном масштабе, а после гражданской войны – сводилась к удовлетворению насущных нужд населения и организаций области в лесоматериалах. С восстановлением народного хозяйства и стабилизацией политической обстановки встал вопрос о расширении вовлечения в хозяйственный оборот всех видов природных ресурсов Горного Алтая, в первую очередь – лесных богатств региона.

К середине 1920-х гг. Ойротская автономная область вступила в новый период своего развития. К этому времени экономика области, как и всей страны, по основным показателям вышла на довоенный уровень. Перед руководством области стояли новые задачи: реконструкция народного хозяйства, подготовка его к проведению индустриализации.

На заседаниях партийных и государственных исполнительных органов Сибкрая практически ежегодно рассматривались вопросы, связанные с социально-экономическим состоянием автономных областей Хакасии и Ойротии, анализировались перспективы дальнейшего промышленного развития этих двух регионов. Годовые планы экономического развития Горного Алтая, составляемые Ойротским облисполкомом, корректировались и утверждались вышестоящими структурами Сибирского крайисполкома. Введение в промышленную эксплуатацию лесосырьевых ресурсов области называлась одной из на-

сущных задач и условий ее промышленного развития.

К середине 1920-х гг. эксплуатация леса велась в незначительных объемах. Для дальнейшего развития лесной промышленности требовались провести работы по мелиорации сплавных рек для улучшения возможностей транспортировки древесины в больших масштабах. Ставились задачи материального снабжения районов лесозаготовок. Рабочим необходимо было обеспечить продуктами и товарами первой необходимости. Требовалось также наладить бесперебойные поставки фуража для гужевого транспорта¹.

Ввиду слабой разработанности лесосырьевой базы промышленности в области, с 1929 по 1932 гг. проводились работы по учету и инвентаризации лесного фонда Горного Алтая. Они осуществлялись лесозаготовительной экспедицией Западно-Сибирского края, Ленинградской лесотехнической академией. В 1929 – 1931 гг. лесозаготовительными работами были охвачены территории в бассейнах рек Катунь и Бии на площади 625 тыс. га². Но велись работы беспланоно, цели экспедиций заключались в ускоренном обследовании местности. Но все изыскания «не претендовали на значительную точность, а давали лишь приближенное представление о лесных ресурсах» [5, с. 366, 367]. Ввиду ускоренного характера работ, лесные ресурсы Горного Алтая оставались исследованными поверхностно, их детальное изучение переносилось на более позднее время.

В 1930 г. областное руководство предприняло меры по организационному устройству лесозаготовительного производства в Горном Алтае. В этом году в семи аймаках области приступили к заготовке леса участковые аймачные лесхозы, организованные Ойротским облисполкомом. На них возлагалась задача ведения заготовки леса для нужд местного строительства. С этого времени в Горном Алтае начинается освоение лесов

¹ Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГАСПД РА). Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 13. Л. 116.

² Там же. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 296. Л. 111.

региона на промышленной основе. Два года спустя аймачные лесхозы были объединены в Ойротский областной леспромхоз, который перешел в ведение Ойротского управления Сиблесзага Сибирского крайисполкома.

Ведущими потребителями лесоматериалов являлись учреждения, ведомства, строительные объекты области и Майма-Чергачакский лесопильный завод, а также учреждения, ведомства, население областного центра – г. Ойрот-Туры³. Основными видами сортиментов, которые поставляли предприятия Обллеспромхоза, являлась продукция, используемая в строительстве – пиловочник и строительный лес. Так, в конце 1933 г. их удельный вес в структуре сортиментов достигал, соответственно – 56,8 и 23,0 процентов. Доля дров в структуре продукции лесозаготовок составляла 13,5 %⁴.

Лесозаготовки велись большей частью в бассейне р. Бии, на территории Турачакского аймака. С организацией аймачных лесхозов процесс промышленной эксплуатации распространился на всю территорию области⁵.

Развертывание лесозаготовок требовало привлечения значительных средств. В 1931 г. капиталовложения в отрасль составили 1116 тыс. руб. [6, с. 221], а в 1932 г. – 2460 тыс. руб. Большая часть выделенных в этом году средств была направлена на мелиорацию рек для улучшения сплава (763 тыс. руб.), а также – на лесозаготовку (240 тыс. руб.), механизацию транспортных и лесозаготовительных работ (277 тыс. руб.)⁶.

Выделенные средства позволили в 1932 – 1933 гг. укрепить материально-техническую базу лесной промышленности в области: была проведена расчистка русел рек, устроены гавани для подготовки древесины к молевому сплаву; продолжены работы по лесозаготовке и лесозаготовительному обследованию; обустроены зимние дороги для вывозки леса; трудовые коллективы обеспечены

³ Там же. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 663. Л. 27.

⁴ Рассчитано по: ГАСПД РА. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 296. Л. 5.

⁵ Там же. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 344. Л. 25; там же. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 663. Л. 27, 27об.

⁶ Там же. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 222. Л. 12.

инвентарем всех видов, в том числе – механическими пилами, загрузочными механизмами; лесозаготовительные участки оснащены телефонной и радиосвязью для сообщения с леспромхозами¹. Значительные средства вкладывались в культурное, жилищно-бытовое и медицинское обслуживание рабочих: на вложенные средства удалось построить для рабочих-лесозаготовителей 42 барака, 26 жилых домов, 9 столовых, 9 бань [6, с. 221]. Для улучшения обеспечения продуктами питания было устроено подсобное хозяйство. Рабочие также имели возможность приобретать промтовары через сеть ларьков ОРС, число которых к 1934 г. достигло 20².

В 1932 г. лесозаготовки в сравнении с предыдущим годом возросли в 6,5 раза, в этом году лесозаготовительным предприятиям области удалось заготовить 261 тыс. куб. м. и вывезти 261 тыс. куб. м. древесины. На долю лесного хозяйства пришлось более половины всех доходов промышленного сектора автономной области [6, с. 221].

Вместе с тем, достигнутый объем был намного ниже запланированного, убытки на предприятиях составили 2017 руб.³ Лесозаготовительный трест, который объединял всех государственных лесозаготовителей, на тот момент еще не имел материальных возможностей для проведения вырубki и транспортировки леса в широких объемах. Несмотря на рост накоплений, предприятия не смогли удержать достигнутые производственные показатели.

На следующий 1933 год удалось заготовить лишь 111,7 тыс. куб. м. и вывезти 132,9 тыс. куб. м. лесоматериалов. Производственный план был провален – по заготовке он составил 49,8 %, а по вывозке – 53,1 %⁴.

Развитие лесозаготовительного производства сдерживал ряд проблем, которые были обусловлены общим социально-экономическим отставанием Горного Алтая.

Серьезно ограничивали возможности

для развития лесозаготовительной отрасли нехватка в Ойротской области тягловой силы. Лошади являлись основным транспортным средством в осуществлении грузоперевозок. Однако лесозаготовки зачастую не обеспечивались гужевой силой, к концу 1933 г. в леспромхозах области числилось 435 рабочих лошадей, или 40,2 % от общей потребности предприятий в тягловой силе. При этом 140 лошадей из общего их количества являлись колхозными, мобилизованными на лесозаготовки на ограниченный срок.

Остро ощущался недостаток для лесозаготовительной отрасли постоянных квалифицированных кадров. Рабочие для леспромхозов набирались из числа колхозников на ограниченный срок, ряд аймачных леспромхозов не был обеспечен рабочей силой, и лесозаготовки не осуществлялись в запланированных объемах. К концу 1933 г. уровень укомплектованности рабочей силы составлял: на лесозаготовках – 70%, на вывозке леса – 55,3 %⁵. Отмечался также невысокий профессиональный уровень работников аппарата управления и руководителей среднего звена, отсутствие у них необходимого трудового стажа.

При этом финансовое состояние предприятий оставалось слабым, они испытывали острый недостаток оборотных средств. Во многом по данной причине снабжение продуктами и промтоварами осуществлялось с перебоями. Несмотря на организацию широкой сети торговли, и общепита в районах лесозаготовок, система снабжения не обеспечивала полностью потребности рабочих в продовольствии и товарах первой необходимости⁶. Например, уровень обеспеченности мукой, крупой и овсом составил к 1934 г. 65, 87 и 30 процентов соответственно. На низком уровне оставалось и снабжение промтоварами, их количество не превышало 40 % от имеющейся потребности⁷.

В итоге программа лесозаготовок и вывозки леса повсеместно не выполнялась, подавляющее большинство предприятий закан-

¹ ГАСПД РА. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 222. Л. 11; там же. Д. 296. Л. 7

² Там же. Д. 296. Л. 8, 97.

³ Там же. Д. 296. Л. 97об.

⁴ Там же. Л. 4, 97.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 685. Л. 34, 45; Там же. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 296. Л. 97, 97об.

⁷ Там же. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 296. Л. 5.

чивало каждый год с убытками.

В Ойротском облисполкоме проблемы лесозаготовительной промышленности постоянно находились в поле зрения, фиксировались и анализировались соответствующими органами власти. Рассмотрев положение в лесозаготовительной промышленности, Ойротский облисполком и Ойротское управление Сиблесзага предприняли ряд мер по устранению недостатков в отрасли, которые сдерживали ее развитие.

Большое значение придавалось созданию постоянного штата квалифицированных работников. Так, еще в 1932 г. была открыта школа леспромхозных участков, в которой велась курсовая подготовка рабочих кадров для лесной промышленности. В начале 1934 г. был произведен первый выпуск квалифицированных рабочих в количестве 37 чел. Благодаря полной укомплектованности и более качественному подбору кадров, выработка по заготовке леса и по вывозке леса составила 3,8 куб. м. и 2,7 куб. м., что превысило запланированные показатели производительности труда к середине 1934 г., в 1,8 и в 1,7 раза соответственно. Высокий процент выработки в лесозаготовительном производстве удалось достигнуть путем укомплектования предприятий постоянными кадрами и благодаря улучшению снабжения и повышению материально-бытового положения рабочих¹. Велась подготовка работников руководящего и инженерного состава. Она осуществлялась в гг. лесотехнических вузах Свердловска и Новосибирска, как очно, так и на краткосрочных курсах. В 1933 г. в Свердловске на курсах директоров леспромхозов обучалось 2 человека, в Новосибирске – также 2².

В итоге предпринятых мер предприятия отрасли несколько улучшили свое финансовое положение – концу 1933 г. накопление денежных средств составило 138,0 тыс. руб.³ Однако проблемы лесозаготовительного производства в целом сохранялись в прежнем виде: не укомплектованность многих леспромхозов постоянными кадрами; нехват-

ка тягловой силы; слабая обеспеченность инвентарем и оборудованием; невысокий уровень снабжения.

В условиях невысокого социально-экономического уровня народного хозяйства Ойротии разрешить указанные проблемы представляло собой трудноразрешимую задачу. Создание лесозаготовительной промышленности Горного Алтая, которая была бы обеспечена прочной материально-технической базой и укомплектована квалифицированными рабочими кадрами, переносилось в отдаленное будущее.

Итак, эксплуатация лесных ресурсов Горного Алтая долгое время носила простейший кустарный характер и была направлена на удовлетворения насущных нужд населения и организаций в лесоматериалах. С расширением масштабов строительства в годы первой пятилетки (1928 – 1932 гг.) и ростом потребностей в лесоматериалах, перед властями Ойротской автономной области встал вопрос о включении в промышленный оборот ее лесных ресурсов. Органы власти краевого и областного уровней предприняли ряд мер, направленных на интенсификацию лесозаготовок, к числу которых в первую очередь, относились: организация хозяйственно-территориальной структуры – Ойротского леспромхоза и его производственных единиц в аймаках, который находился в ведомственном подчинении крайевым органам власти; проведение работ по лесоустройству лесного фонда Горного Алтая; проведение мероприятий по улучшению речного сплава древесины; обеспечение предприятий отрасли оборудованием, инвентарем и тягловой силой; привлечение на работы по заготовке и вывозке леса рабочих кадров на постоянной основе; организация социально-бытовой инфраструктуры в местах ведения лесозаготовок.

Вместе с тем, ввиду невысокого уровня социально-экономического развития Ойротской автономной области, перечисленные меры носили незавершенный характер и полностью не решили поставленные цели. Лесозаготовительная отрасль испытывала серьезные трудности с обеспечением квалифицирован-

¹ ГАСПД РА. Ф. 59. Оп. 1. Д. 296. Л. 6, 97 об.

² Там же. Л. 113

³ Там же. Л. 97об.

ными кадрами и транспортом, снабжением. В результате планы по лесозаготовкам не выполнялись повсеместно и систематически, а производственные показатели снижались.

Дальнейшее развитие лесозаготовительного производства могло успешно осуществиться в условиях общего роста материально-технического уровня народного хозяйства Ойротской автономной области, которые проявились в последующие годы.

Литература

1. Анкудинова Т. В. История становления и развития города Горно-Алтайска в первой половине XX века. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. 178 с.
2. Иркитова А. А. Экономика Ойротской автономной области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938 – 1945 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 1997. 21 с.
3. История Горного Алтая. В 3 т. Т. 2. 1900 – 1945 гг. / под ред. Н. М. Екеевой, Н. Ф. Иванцовой. Бийск: Изд-во БиГПИ, 2000. 223 с.
4. Казанцева В. П. Горный Алтай в первом послевоенном десятилетии (1946 – 1959 гг.) (Для учащихся и учителей истории). Горно-Алтайское респ. упр. нар. образования. Горно-Алтайск: Б. и., 1992. 54 с.
5. Ойротия. Тр. сессии СОПС по изучению производительных сил Ойротской а. о. / ред. В. Виноградов. М.-Л.: АН СССР, 1937. 477 с.
6. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / под ред. проф. Л. П. Потапова. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отд. Алтайского кн. изд-ва, 1973. 541 с.
7. Санжиев Г. Л. Переход народов Сибири к социализму, минуя капитализм. Новосибирск: Наука, 1980. 367 с.
8. Турочакский район: очерки истории, воспоминания, современность: к 85-летию образования района / Адм. МО «Турочакский р-н», Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова; сост. Н. А. Майдурова. Горно-Алтайск: Б. и., 2009. 256 с.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАКАСИИ (1926-2010 ГГ.)

О. Л. ЛУШНИКОВА

УДК 316.334.55

В данной работе отображена динамика численности сельского населения Хакасии. Основная цель статьи – проследить процесс формирования и развития сельского населения в Хакасии в период с 1926 по 2010 гг. Показано, что значительное влияние на динамику населения оказало развитие промышленности, миграционные процессы, эвакуация в годы войны, а также административно-территориальные преобразования. Выделены следующие тенденции: сокращение численности сельского населения, сосредоточение населения вокруг городов, исчезновение средних и мелких населенных пунктов, а также депопуляция сельских территорий.

Ключевые слова: сельское население, сельское расселение, плотность населения, средняя людность, густота селений.

DYNAMICS OF RURAL POPULATION OF KHAKASSIA (1926-2010)

OLGA L. LUSHNIKOVA

The article explores the dynamics of the rural population of Khakassia. The main purpose of the article is to examine the generation and the development of rural population of Khakassia in the period of 1926-2010. The development of industry, migration processes, evacuation during the war, administrative and territorial reforms had a significant impact on the dynamics of the population. The following trends are emphasizes: the reduction of the rural population, the concentration of the population around the towns, the disappearance of medium and small villages, the depopulation of rural areas.

Key words: rural population, rural settlements, density of population, average population, density of villages.

Актуальность исследования динамики сельского населения объясняется неуклонным сокращением его численности как на общероссийском, так и на региональном уровне. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Хакасии большая часть населения (67,3%) проживала в городской местности [1, с. 272]. Сокращение численности сельского населения, главным образом, связано с кризисом сельского хозяйства, однако неучтенными остаются и другие факторы, влияющие на

динамику численности сельского населения. Поэтому основная исследовательская задача статьи заключалась в том, чтобы проследить динамику сельского населения и понять, какие именно факторы оказали решающее влияние на его формирование и развитие.

Формирование современной территории Хакасии началось в 20-30-е гг. XX в. В 1923 г. был образован Хакасский уезд [2, с. 22], в 1925 г. – Хакасский округ [2, с. 23], а в 1930 г. – Хакасская автономная область, которая

в 1934 г. вошла в состав Красноярского края [2, с. 28]. В Хакасии на тот момент большая часть населения (93,3%) проживала в сельской местности [3, с. 22]. В состав области на тот момент входили 5 сельских районов: Аскизский, Таштыпский, Ширинский (до 1934 г. – Чебаковский), Усть-Абаканский (до 1930 г. – Чарковский) и Богградский [2, с. 25]. Наиболее заселенными были районы, в которых быстрыми темпами развивалась промыш-

ленность. Благодаря строительству железной дороги Ачинск-Абакан, открывшей доступ к природным ресурсам, стали появляться промышленные предприятия и формироваться на их базе новые населенные пункты. Самыми многочисленными были Ширинский и Аскизский районы (табл. 1), где шло активное освоение месторождений по добыче золота (Сарала, Коммунар, Балахчин, Балыкса).

Таблица 1

Численность сельского населения Хакасии по годам переписей населения (тыс. чел.)

Районы	1926	1939	1959	1970	1979	1988	2002	2010
Алтайский	–	–	21,0	19,0	19,2	21,9	23,9	25,5
Аскизский	21,8	30,0	28,1	25,0	22,8	22,4	32,0	30,7
Бейский	–	24,9	20,1	25,6	22,3	21,3	21,1	19,3
Богградский	11,9	21,8	24,0	20,8	19,6	18,5	16,3	15,9
Орджоникидзевский	–	16,2	13,4	13,2	11,7	10,6	10,8	12,8
Таштыпский	14,7	22,0	27,1	22,7	18,5	18,3	16,7	16,6
Усть-Абаканский	12,2	24,9	26,7	30,9	27,0	26,7	24,5	24,8
Ширинский	22,3	21,9	19,6	22,5	17,9	16,7	13,9	28,6
Всего:	82,9	161,7	180,0	179,7	159,0	156,4	159,2	174,2

Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Сибирский край. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 7.; Национальный архив Республики Хакасия. Ф. Р-169. Д. 225а. Л. 14–35.; Численность и состав городского и сельского населения РСФСР по возрасту, состоянию в браке, национальностям, образованию и обучению. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. М.: Издание ЦСУ при Совете Министров ВСФСР, 1960. С. 652.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Статистический сборник. М.: Государственный комитет СССР по статистике, 1972. С. 158–159; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том 1. Численность населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Статистический сборник. М.: Государственный комитет СССР по статистике, 1989. С. 310–311; НАРХ. Ф. Р-169. Д. 2285. Л. 2–22.; Численность и размещение населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 227–228. (Итоги Всероссийской Переписи населения.: В 14 т. / Федер. Служба гос. статистики; Т. 1).; Итоги Всероссийской Переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. Служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 1: Численность и размещение населения. С. 836–838.

Быстро развивались Таштыпский и Усть-Абаканский районы, где процветала лесобработывающая промышленность. Численность населения в этих районах с 1926 г. по 1939 г. увеличилась в 1,5–2 раза. Менее заселены были Богградский район (выделившийся в 1926 г. из Усть-Абаканского района)

и Бейский район (введенный в состав области в 1935 г.) [4, с. 36]. Орджоникидзевский район (выделившийся в 1935 г. из Ширинского района, до 1955 г. носил название Саралинский [2, с. 29]) развивался достаточно быстро, к 1939 г. его численность достигла 16,2 тыс. чел.

Развитие промышленности привело к

появлению множества мелких сельских населенных пунктов (далее – снп), которых к 1939 г. насчитывалось 1300¹. Однако такое большое количество снп было связано с системой их учета: согласно переписи населения в списки заносились не только населенные места, но и все обособленно расположенные хозяйства и строения, не являющиеся самостоятельными снп [5, с. 15]. На территории Хакасии было много таких поселений: связанных с геолого-разведочной работой, с производственными процессами (шахты, горные цеха, бригады, бараки), со строительством железной дороги (будки, сторожки, казармы, станции), с ведением сельского хозяйства (хутора, фермы, кошары, летники, усадьбы, опытные поля, бойни, урочища, зимовья, конюшни, птичники, таборы).

В военные годы численность сельского населения Хакасии увеличилась, что, по мнению В. А. Кышпанаква, было связано с тем, что основная масса эвакуируемых размещалась в сельской местности. В отличие от городов в селах была лучшая обеспеченность продовольствием [3, с. 67]. Изменилось в это время и административно-территориальное устройство региона: в 1944 г. путем выделения нескольких сельских советов из Минусинского, Аскизского, Бейского и Усть-Абаканского районов был образован Алтайский район [4, с. 41]. Однако количество снп сократилось в два раза: по состоянию на 1960 г. их насчитывалось 608². Такое существенное сокращение было связано, главным образом, с изменением системы их учета: мелкие населенные места (блок-посты, будки, сторожки, мелкие фермы и т.п.) числились в составе крупных населенных мест, вблизи которых они были расположены [6, с. 5]. Некоторые снп в связи с прекращением производства, перемещением его в другое место или с переездом жителей действительно опустели и были «списаны» как нежилые.

С 1959 г. по 1970 г. численность сельского населения области сократилась незначительно, хотя в этот период некоторые крупные се-

ления (например, Копьево, Бельтирское) были преобразованы в городские [7, с. 8]. Вместе с тем в отдельных районах численность сельского населения продолжала расти. Это происходило там, где развивалась промышленность и создавались благоприятные условия для жизни (строилось жилье, появлялись рабочие места, улучшалась инфраструктура). Например, в Усть-Абаканском районе численность населения увеличилась на 15,7%, в Бейском районе – на 27,3%. В Ширинском районе сельское население увеличилось на 14,8 %, в основном за счет прибывших на освоение целинных и залежных земель (табл. 1). Всего за период освоения целины в области было создано шесть целинных совхозов: Абаканский, Боградский, «Борец», им. XX съезда КПСС, Сарагашский и Ширинский [8, с. 15]. В это время, с одной стороны, расширился ареал сельского расселения: в незаселенных ранее местах появились новые населенные пункты, но, с другой стороны, общее количество снп сократилось в два раза: к 1970 г. их количество составило 252³.

В период с 1970 г. по 1979 г. началась активная миграция сельчан в город, что было связано с развитием Саянского территориально-производственного комплекса (ТПК). Строительство объектов ТПК (Абаканвагонмаш, Саянский алюминиевый завод, Саяно-Шушенская ГЭС) требовало привлечения трудовых ресурсов, которые пополнялись как за счет внешней, так и за счет внутренней миграции. Кроме того, численность сельского населения уменьшилась также по причине административно-территориальных преобразований: в 1971 г. из п. Майна выделился п. Означенное, который позже получил статус города и был переименован в г. Саяногорск.

Изменение численности сельского расселения Хакасии с 1979 г. по 1989 г. происходило под влиянием демографических процессов, продолжающихся процессов урбанизации, а также в связи с административно-территориальными преобразованиями. Нехватка трудовых ресурсов для строительства объектов Саянского ТПК продолжала восполняться за счет миграции сельского населения, числен-

¹ Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 225. Л. 12–24.

² НАРХ. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 225а. Л. 16–19.

³ НАРХ. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 613. Л. 213–235.

ность которого в этот период сократилась на 1,6% (табл. 1). На сокращение численности сельского населения также повлияло преобразование некоторых сельских поселений (Коммунар, Пригорск, Жемчужный) в поселки городского типа.

В начале 1990-х гг. произошли следующие административно-территориальные преобразования: в 1990 г.: Хакасская автономная область была переименована в Хакаскую АССР, в 1991 г. – в Хакаскую ССР, в 1992 г. вышла из состава Красноярского края и была переименована в Республику Хакасия.

В период с **1989 г. по 2010 г.** численность сельского населения ненамного увеличилась (на 1,8%) (табл. 1), что было связано в основном с преобразованием пяти поселков городского типа в сельские населенные пункты: Балахчин, Балыкса, Бельтирский, Бирикчуль и Кызлас. Однако именно в этот период увеличилась миграция из села в город: в период с 1992-2002 гг. миграционный прирост в городской местности составил 22171 чел.¹. Увеличение миграционного потока из села в город было связано с ухудшением экономической ситуации как в стране в целом, так и в республике. Проводимые в этот период реформы привели к стойкому кризису промышленно-

сти и аграрного сектора и, как следствие, к увеличению безработицы, особенно в сельской местности: по состоянию на 1998 г. две трети предприятий республики были убыточными [9, с. 132]. Такая сложная социально-экономическая ситуация вынуждала сельчан переезжать в города.

С **2002 г. по 2010 г.** показатели численности сельского населения выросли на 11,4% (табл. 1), однако такое увеличение произошло в основном за счет административно-территориальных преобразований. В этот период семь поселков городского типа получили статус снп: в Ширинском районе – Шира, Туим, Коммунар, Сон, в Орджоникидзевском – Копьево, Приисковый, Орджоникидзевский. В связи с этим численность населения в этих районах увеличилась. В Таштыпском и Усть-Абаканском районах показатели численности сельского населения остались на прежнем уровне, а в остальных районах сельское население продолжало сокращаться (табл. 1).

Последствия реформы местного самоуправления негативно отразились на сельском населении, которое проживало в отдаленных и труднодоступных местах. 19 октября 2009 г. был принят Закон Республики Хакасия № 98 – ЗРХ «Об упразднении муниципального

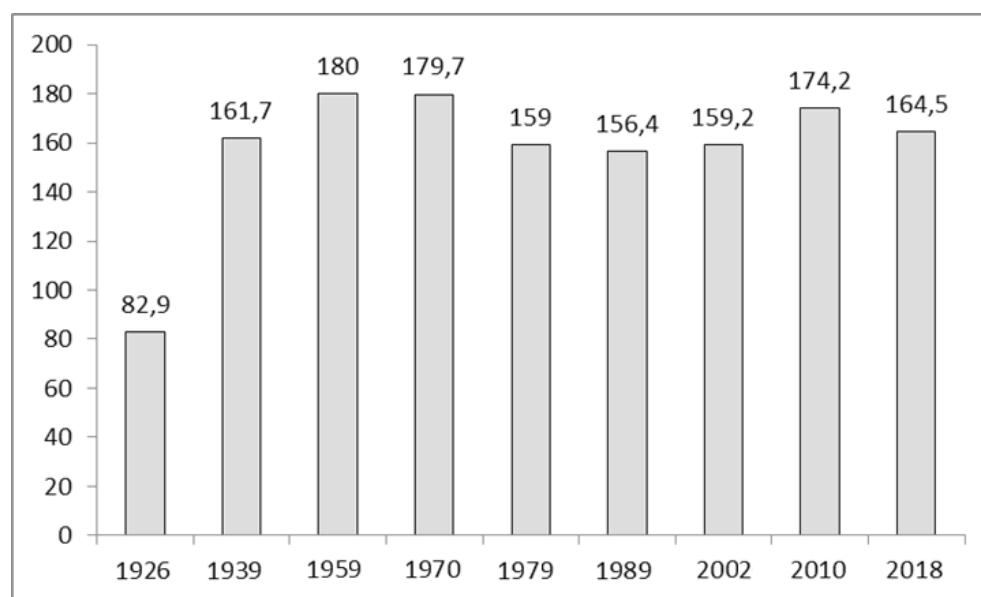

Рис. 1. Динамика численности сельского населения Хакасии (1926-2018)

¹ Вычислено по: Население Республики Хакасия 1992-2002 годы. Статистический сборник. Абакан: Госкомстат России. Комстат Республики Хакасия, 2003. С. 10.

образования Большеонский сельсовет», населенные пункты которого (Кубайка, Большой Он, Малый Анзас) вошли в состав МО Таштыпский район в качестве межселенных территорий.

Подводя итоги, можно резюмировать, что на формирование и развитие сельского населения оказали влияние различные факторы: географические, исторические, демографические, политические, социально-экономические и др. В 20-е гг. XX в. с развитием промышленности и сельского хозяйства численность сельского населения росла быстрыми темпами (рис. 1).

С начала 1970-х гг. в связи с усилением урбанизационных процессов обозначилась тенденция спада сельского населения. По состоянию на 2010 г. было отмечено увеличение численности сельского населения, однако оно было связано не с естественным или миграционным приростом населения, а с административно-территориальными преобразованиями (с переводом городских поселков в сельские). Такое «искусственное» увеличение численности сельского населения было временным. Статистические данные по состоянию на 2018 г. показали, что численность сельского населения существенно сократилась (на 9,7 тыс. чел.).

Можно предположить, что при отсутствии существенных изменений дальнейшее сокращение численности сельского населения приведет к депопуляции сельских территорий, к исчезновению мелких сельских населенных пунктов, к сосредоточению сельского населения в крупных селах, а также в селениях, расположенных вблизи городов.

Литература

1. Итоги Всероссийской Переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. Служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 1: Численность и размещение населения. 1071 с.
2. Кышпанаков В. А. Население Хакасии: 1917–1990 гг. Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1995. 348 с.
3. Кышпанаков В. А. Население и трудовые ресурсы Хакасии. Абакан: Хак. отд-е Красноярского кн. изд-ва, 1980. 188 с.
4. Бейский район: история и современность. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2015. 168 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю. А. Полякова. М.: Наука, 1992. 256 с.
6. Сельские населенные места РСФСР (По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.). М.: Июль, 1961. 756 с.
7. Чуднова В. И., Кожуховская Н. Ф. Население Саянского ТПК (формирование и расселение). Новосибирск: Изд-во Наука Сибирское отд-е, 1979. 120 с.
8. Тугужекова В. Н. Целина в истории страны и Хакасии // Целина и социально-экономическое развитие Хакасии. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 60-летию со дня образования Целинного сельского совета. Абакан: ООО «Кн. изд-во «Бригантина»», 2017. 250 с.
9. Шульбаев В. К. Перерабатывающая промышленность Хакасии. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2018. 200 с.

АМНИСТИЯ 1953 Г. И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ В ХАКАСИИ

В. А. ПЕЧЕРСКИЙ

УДК: 343.293 (571.513) «1953»

В статье рассматриваются вопросы, связанные с Указом Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» на материалах Хакасии. Приводится мнение заключённых о грядущем освобождении. Следствием плохо организованного исполнения данного Указа были беспорядки в исправительно-трудовом лагере «Черногорскстрой». Исследуются вопросы трудоустройства досрочно освобождённых граждан. Анализируется влияние акта амнистии на повышение уровня преступности в области.

Ключевые слова: Хакасия, амнистия, 1953 г., исправительно-трудовые лагеря, заключённые, преступность.

THE AMNESTY OF 1953 AND ITS CONSEQUENCES IN KHAKASSIA

VLADIMIR A. PECHERSKI

The article discusses the questions related to the Decree "On Amnesty" of the USSR of the 27th March 1953 based on the materials of Khakassia. Here given the prisoners' opinion on future liberation. As the consequence of poorly organized realization of this Decree were the riots at the labor camp "Chernogorstroy", where one person died and nine persons were injured. The problems of the employment of early liberated citizens are also researched in this article. There is the analyze for the influence of the act of amnesty on the increase of the crime rate in the region.

Key words: Khakassia, the Amnesty, 1953, labor camp, prisoners, crime.

После смерти И. В. Сталина 5 марта 1953 г. в высшем руководстве партии и государства началась борьба за власть. Соратники умершего вождя стремились к популярности у народных масс, в частности министр внутренних дел Л. П. Берия, который взял на себя роль защитника прав и свобод советских граждан, инициировал Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии». Согласно этому нормативному правовому акту, вступившему в силу 27 марта 1953 г., из мест заключения освобождались осужденные за должностные, хозяйственные и воинские преступления; беременные женщины и женщины, имевшие детей в возрасте до 10 лет; несовершеннолетние; мужчины старше 55 лет и женщины старше 50 лет, а также осужденные, страдавшие тяжёлым неизлечимым недугом независимо от срока наказания.

Освобождению подлежали осужденные по всем статьям уголовных кодексов союзных республик осужденные на срок до 5 лет включительно. Осужденным же на срок свыше 5 лет наказание сокращалось вдвое¹.

По мнению Е. Н. Тязина, главной целью данного акта амнистии было резкое сокращение числа заключённых в преддверии передачи исправительно-трудовых учреждений из ведения МВД СССР в подчинение Министерству юстиции СССР, поскольку последнее являлось сугубо гражданским ведомством и обладало ограниченными материальными и финансовыми возможностями, оно не могло справиться с таким количеством заключённых. Кроме того, производительность труда в лагерях и колониях была низкой, и эти учреждения являлись убыточными [1, с. 55-56].

¹ Ведомости Верховного совета СССР. 1954. № 4.

Содержание людей за колючей проволокой слишком дорого обходилось государству, недавно пережившему страшную войну и ещё не полностью оправившемуся от её последствий. Досрочно были освобождены 1201738 заключённых, что привело к значительному ухудшению криминальной обстановки в стране [2, с. 130].

В Хакасии как сибирском регионе находилось немало лагерей и колоний, откуда большое количество осужденных должны были выйти на свободу до окончания срока наказания. После того, как текст указа об амнистии был зачитан по радио, заключённые местных ИТУ, на которых распространялись его положения, по словам начальника УВД Хакасской автономной области майора внутренней службы Якушева «встретили этот указ с большой радостью, которую выражали поцелуями между собой, слезами (особенно женщины) и высказывали благодарности партии и советскому правительству»¹. Радость этих людей можно считать вполне искренней. На момент подписания указа в стране не происходило событий, которые можно было отметить актом амнистии и столь неожиданные позитивные изменения в их судьбе не могли не вызвать всплеска эмоций.

28 марта 1953 г. в исправительно-трудовых лагерях «Главенисейстроя» МВД СССР, «Черногорскстроя» и Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) УМВД по Красноярскому краю, расположенных на территории Хакасии, состоялись митинги заключённых. На одном из таких митингов заключённый первого лагерного отделения ИТЛ «Черногорскстроя» Т. С. Филонов, осужденный по Указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» на 10 лет лишения свободы сказал: «Дорогие товарищи, как радостно слышать, то историческое событие, когда наша партия и родное советское правительство своим указом представили нам возможность досрочно освободиться и вернуться в могучую семью членов социалистического общества и вместе с ними

¹ Национальный архив Республики Хакасия (далее НАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2007. Л. 65.

рука об руку честно трудиться для построения коммунизма. В ответ на указ, я призываю всех заключённых в оставшееся до освобождения время ещё больше повышать трудовую дисциплину, производительность труда и бережно относиться к государственному имуществу»².

Радость захлестнула и другого заключённого того же отделения А. Н. Немкова, осужденного по тому же указу, что и Т. С. Филонов и отбывавшего восьмилетний срок заключения, что видно из его выступления: «Я от всего сердца, с глубокой радостью благодарю партию и правительство Советского Союза за их большое внимание к народу. Слава Ворошилову! Ввиду своего расстройств этой радостью говорить больше не могу»³.

Заслугу издания указа об амнистии народная молва отдавала К. Е. Ворошилову, в то время председателю Президиума Верховного совета СССР, подписавшему названный акт, а Л. П. Берия оставался в тени.

Отношение заключённых к амнистии выяснялось не только на митингах, но и в неформальной обстановке. В разговорах с информаторами многие также выражали положительное отношение к данному нормативному правовому акту. Заключённый Черногорского лаготделения ИТЛ «Енисейстроя» В. Д. Фролов, осужденный по ст. 58.10 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда» в беседе с другим осужденным сказал: «Хотя я по амнистии не подлежу освобождению, однако указом об амнистии я очень доволен. Правительство много думает о заключённых, даёт им возможность вернуться к своим семьям»⁴.

Василий Дмитриевич, оказавшийся в заключении за «неправильные разговоры», был сдержан в выражениях, прекрасно понимая, что его слова, произнесённые в частном разговоре, могут стать известны лагерному начальству.

Заключённый седьмого лаготделения ИТЛ «Черногорскстроя» В. Ф. Трушелев, отбывавший семилетний срок по п. «г» ст. 193.7 (самовольная отлучка рядового и младшего

² Там же.

³ Там же. Л. 66.

⁴ Там же.

начальствующего состава свыше суток), во время завтрака в лагерьной столовой, разговаривая с другими сидельцами, не смог сдерживать слёз. От него слышали такую тираду: «Благодарю партию и советское правительство за амнистию, я освобождаюсь. Мне дают возможность возвратиться к семье, где я больше буду трудиться на благо нашей Родины»¹.

Скорое освобождение вызвало прилив трудового энтузиазма у части заключённых, многие из них ответили на призыв об укреплении трудовой дисциплины и повышении производительности труда и встали на стахановскую вахту. Так, осужденные женщины третьего лаготделения «Черногорскстроя» 30 марта 1953 г. выполнили дневную норму выработки: бригада № 612 (бригадир Смирнова) – на 128%, № 613 (бригадир Горячкина) – на 152%, № 629 (бригадир Шутилова) – на 182%².

Однако не всем осужденным указ об амнистии пришёлся по вкусу. Лагерные информаторы доносили о негативных высказываниях по поводу грядущего освобождения. 29 марта 1953 г. заключённый одиннадцатого лаготделения УИТЛК УМВД по Красноярскому краю, числивший сразу под тремя именами Владимир Павлович Васиевский, Николай Васильевич Ховинов и Марк Павлович Севаха, осужденный по указу от 4 июня 1947 г. на 10 лет лишения свободы поделился с товарищами по несчастью своими соображениями: «Однако будет война: вы подумайте только, какая забота о «вояках» – почти все освобождаются. Конечно, теперь все они за ним (прим. авт. – К. Е. Ворошиловым), в огонь и в воду»³.

Внимание Васиевского-Ховинова-Севахи привлекло освобождение виновных в воинских преступлениях, в этом он увидел желание государства пополнить ряды вооружённых сил.

Связь амнистии с международной обстановкой высказывали и другие сидельцы. Отбывавший десятилетний срок заключения по указу от 4 июня 1947 г. в седьмом лагот-

делении «Черногорскстроя» Л. Д. Гавего заявил 30 марта 1947 г., что амнистия «Это страх перед американцами заставил дать амнистию. Не верьте этим политикам»⁴.

Заключённая третьего лаготделения «Черногорскстроя» Бандура, осужденная по ст. 58.1 (Измена Родине) сказала другим заключённым: «Эта амнистия для того, чтобы поддержать авторитет новой власти и подготовить людей на пушечное мясо, ибо скоро будет война. Ничего мы и так освободимся и будем жить, и творить дела. Посмотрим, кто лучше жить будет»⁵.

Не верил в добрые намерения властей и заключённый седьмого лаготделения «Черногорскстроя» Турсун Ахмед-гали осужденный по указу от 4 июня 1947 г. на 17 лет заключения и 5 лет поражения в правах. 30 марта 1953 г. в беседе с другими заключёнными он заявил: «Амнистией хотят замазать глаза, но мы знаем, что это сделано не из любви к народу, а из боязни его»⁶.

Отрицательное отношение к амнистии высказывали, те, осужденные, которые утратили всякое доверие к власти, в отличие от тех заключённых, которые ещё считали себя советским людьми или были чрезмерно осторожными в высказываниях, они не выбирали выражений, и, не надеясь, выйти на свободу досрочно, говорили, то, что думают.

Освобождение такого большого количества заключённых была организовано плохо, что привело к трагедии в уже упомянутом ИТЛ «Черногорскстроя».

Первое лагерное отделение данного пенитенциарного учреждения было намечено использовать для размещения амнистированных, которые оставались работать при лагере в качестве вольнонаёмных. 8 апреля 1953 г. начальник ИТЛ «Черногорскстроя» генерал-майор Харченко приказал начальнику первого лаготделения полковнику Хорину передать, не подлежащих освобождению по амнистии заключённых в седьмое лаготделение. Начальнику второго лагерного отделения капитану Сапожкову было приказано пере-

¹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2007. Л. 66.

² Там же.

³ Там же. Л. 67.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

дать в седьмое отделение находившихся в его ведении, осужденных за антисоветские преступления. Начальник седьмого отделения, старший лейтенант Денди должен был передать свой контингент во второе отделение и принять заключённых из первого, создав для них нормальные жилищно-бытовые условия.

Начальник отдела режима и оперативной работы ИТЛ майор Попов обязывался дать указания оперативному составу указанных отделений тщательно проверить весь контингент, переводившийся из отделения в отделение¹.

Поскольку осужденные за антисоветские деяния не подлежали амнистии, можно предположить, что в седьмом отделении было решено собрать именно таких заключённых.

Заклучённые первого и второго отделений находились между собой во враждебных отношениях, и когда 9 апреля 1953 г. 1450 человек из первого отделения были введены во второе и размещены мелкими группами по баракам, возвращавшиеся с производства заключённые второго отделения напали на них. В драке был убит 1 заключённый первого отделения, ещё 1 тяжело ранен, 8 – получили незначительные повреждения².

Погибшим был осужденный по ст. 58.14 (саботаж) на 10 лет лишения свободы И. Е. Белоусов-Тестов, 1927 года рождения. Осмотр его тела, произведённый судебно-медицинским экспертом Прокопьевой, показал, что причиной смерти была рана в области затылочной кости, нанесённая ударом ножа или предметом похожим на него³.

Тяжело ранен был заключённый А. А. Бусоргин 1924 года рождения, осужденный по ст. 59.3 (участие в беспорядках, не связанных с преступными действиями). В драке он получил 3 колотых раны, которые он, по его словам, ему нанесли заключённые, фамилий которых не знал⁴.

Часть осужденных из первого лаготделения оказались в явном меньшинстве во враждебной им среде. Гибель и ранения заключённых произошли по вине администрации,

представители которой не имели опыта столь массового освобождения находившихся в заключении.

При этом сотрудники ИТЛ не предприняли должных мер по предотвращению беспорядков, несмотря на то, что у них имелись сведения о подготовке нападения. Это было связано с тем, что 9 апреля 1953 г. помимо перевода заключённых из отделения в отделения, из лагеря планировалось отправить эшелоном 400 амнистированных⁵. Администрация не справилась с внезапно свалившимся на неё объёмом работ, что и привело к трагедии. Для того чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие командованию лагеря пришлось собрать весь надзирательский состав в 200 солдат, которые развели враждовавшие группы заключённых⁶.

Расследовав это происшествие, прокурор ИТЛ и «Черногорскстроя» младший советник юстиции Балякин пришёл к выводу, что виновниками инцидента являются генерал-майор Харченко и начальник одного из отделов ИТЛ Шептаев. Последний, несмотря на возражения прокурора, допустил встречу заключённых из разных отделений, за что был отстранён от работы министром внутренних дел СССР. Однако Харченко не убоившись самого Л. П. Берия, восстановил Шептаева на работе и повысил в должности, сделав своим заместителем⁷.

Разовое освобождение большого количества заключённых не улучшило положение в исправительно-трудовых учреждениях Хакасии. Хакасская областная прокуратура 25 ноября – 3 декабря 1954 г. проводила проверку законности и условий содержания заключённых в лаготделении № 14 ИТЛ «Черногорскстроя».

На момент проверки в отделении незаконно содержались 4 человека. Двое из них И. Н. Коновалов и Б. М. Кудрявцев подлежали освобождению из мест заключения по определению Хакасского областного суда как страдавшие неизлечимым недугом, а у М. Н. Низамова и В. Н. Сучилина закончились сро-

¹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2012. Л. 92.

² Там же. Л. 107.

³ Там же. Л. 95.

⁴ Там же. Л. 94.

⁵ Там же. Л. 115.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 129.

ки отбытия наказания: у первого 20 сентября 1954 г., у второго 13 сентября 1954 г.

Все четверо по окончании срока заключения подлежали направлению в ссылку, наряды же на ссылку были получены несвоевременно и граждане продолжали оставаться в заключении незаконно¹. Бюрократические формальности и перестраховка лагерной администрации оставили четверых человек за колючей проволокой на несколько месяцев.

Помещения, где содержались заключённые, находились в антисанитарном состоянии, там царили грязь, пыль и копоть, территория вокруг бараков и на входе в них была загажена испражнениями. Особенно плохо дело обстояло в бараках, населённых больными, инвалидами и нетрудоспособными осужденными, полы там были покрыты толстым слоем грязи и мусора, штукатурка отваливалась, баки с помоями своевременно не выносились. Проходившая в холодное время года ревизия зафиксировала неисправные печи в жилых помещениях, отсутствие вторых рам и разбитые стёкла в окнах. Следствием такого отношения к отоплению было то, что матрасы примерзали к подоконникам, а заключённые были вынуждены находиться в помещениях в верхней одежде. Нарушая положение о лагерях и тюрьмах, администрация не изолировала от прочих заключённых осужденных за «контрреволюционные» преступления, бандитизм и убийства, рецидивистов от впервые судимых, взрослых от несовершеннолетних².

Эти факты свидетельствовали о непрофессионализме сотрудников лагеря, не сумевших наладить нормальную жизнь во вверенном им учреждении. Администрация не пользовалась авторитетом в среде заключённых, не могла заставить их поддерживать в порядке жилые помещения.

Плачевное состояние исправительно-трудового лагеря было связано и с тем, что работа лагерной промышленности была нерентабельной. В 1954 г. средняя стоимость человеко-дня заключённого составляла 13 руб. 4 коп., вместо плановых 26 руб. 49 коп. В результате за первые 9 месяцев 1954 г. лагерь вместо запланированных 5039900 руб.

прибыли дал убытков государству на 6160800 руб.³ Причина такой плохой работы лагерной экономики заключалась в переменчивости контингента. За первые 9 месяцев 1954 г. в лагерь поступило 4070 заключённых, а было освобождено или переведено в другие места 4274⁴.

Освобождение большого количества заключённых в результате указа об амнистии 27 марта 1953 г. изъяло из лагерной экономики большое количество рабочих рук, что сделало её ещё более убыточной. При этом ИТЛ «Черногорскстрой» превратился фактически в пересыльную тюрьму, и работать рентабельно не мог.

По традиции, сложившейся ещё в 1930-е гг. в некоторых отраслях советской промышленности подневольный труд играл решающую роль. Поэтому, несмотря на тяжёлое положение с контингентом, в январе 1954 г. различные хозяйственные организации Черногорска заключили с краевым Управлением исправительно-трудовых лагерей и колоний договоры на поставку им рабочей силы. Всего на Черногорских предприятиях должны были трудиться 4700 заключённых. Так, на шахты «Хакасугля» должно было поступить 2000 человек, в строительное управление №16 – 600, «Шахстстрой» – 1100, «Хакасметаллургстрой» – 1000⁵.

Одной из причин амнистии 1953 г. была нерентабельность лагерного производства, однако значение подневольного труда было столь велико, что сразу отказаться от него не представлялось возможным.

Особо актуальной проблемой было возвращение к нормальной жизни освобождёвшихся досрочно граждан. По всей стране было амнистировано 1201738 человек [1, с. 58], в Хакасии к 1 июля 1953 г. было прописано таковых 1768 человек⁶.

Многие из них нуждались в жилье и трудоустройстве, среди амнистированных было значительное количество беременных женщин, матерей с малолетними детьми, престарелых и тяжелобольных.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 35.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2007 Л. 120.

¹ НАРХ. Ф.2. Оп. 1. Д. 2113. Л. 26.

² Там же.

Прописка и трудоустройство граждан, досрочно освобождённых из мест заключения по Указу об амнистии от 27 марта 1953 г. с 27 марта по 1 июля 1953 г. по районам Хакасии

Район	Прописано	Трудоустроено
Усть-Абаканский	147	132
Боградский	75	75
Аскизский	161	146
Таштыпский	98	95
Алтайский	48	34
Бейский	102	68
Саралинский	114	105
Ширинский	257	229

С 27 марта по 1 июля 1953 г. в области было трудоустроено 1212 досрочно вышедших на свободу, в том числе в Абакане – было прописано –188, трудоустроено – 85, в Черногорске получили прописку – 578, работу – 243¹. Прочие амнистированные получили прописку и трудоустройство в районах области, что видно из приведённой ниже таблицы.

Составлено по: НАРХ. Ф. 2. Оп. Д. 2007. Л. 120.

Наибольшее число прописанных и трудоустроенных амнистированных было в Ширинском, Аскизском, Усть-Абаканском, Саралинском районах. Это были наиболее крупные районы области, их экономика развивалась достаточно динамично и именно там была необходима рабочая сила.

Наиболее острым вопросом, связанным с амнистией 1953 г. была криминализация общества, после того как миллионы осужденных разом вышли на свободу. Как отмечает Н. Б. Лебина: «Птенцы Берии» быстро изменили криминогенную ситуацию в стране. За 1953 г. количество преступлений в уголовной сфере выросло больше, в два раза» [3, с. 397]. По мнению В. Н. Земскова, в результате акта амнистии на свободе оказалось значительное число опасных рецидивистов [2, с. 130].

Действительно, после амнистии в стране был отмечен рост преступности, который наблюдался и в Хакасии. Но можно ли это негативное явление отнести только к последствиям амнистии? Преступность в области стала

расти ещё в конце 1940-х годов, что было связано с тем, что в послевоенный период в ХАО происходило интенсивное развитие горнорудной промышленности и, как следствие, рост численности населения. При этом штаты милиции и прокуратуры оставались прежними и к 1953 г. уже не соответствовали реальному положению дел в области.

Указ об амнистии от 27 марта 1953 г. был призван разгрузить места заключения, которые обходились государству слишком дорого. Многие из тех, кто обрёл свободу, были благодарны государству за оказанное доверие и стали вести законопослушную жизнь. Однако другие встали на преступный путь, что способствовало обострению криминальной ситуации в стране. В Хакасии последствия амнистии имели специфические черты, порождённые развитием области в послевоенный период.

Литература

1. Тязин Е. Н. Проблемы укрепления правопорядка в СССР весной-осенью 1953 г. // *Контентус*. 2017. № 9 (62). С. 55-60.
2. Земсков В. Н. Ситуация с заключёнными в первые послесталинские годы // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т. 16. № 3. С. 130-136.
3. Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950-1960-е годы. СПб.: Крига; Победа, 2015. 484 с.

¹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2007 Л. 120

РЕАБИЛИТАЦИЯ РЕПРЕССИРОВАННЫХ В ХАКАСИИ ГРАЖДАН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ¹

М. Г. СТЕПАНОВ

УДК 930 (091)

В статье проанализирована современная теоретическая база (в том числе и законодательство) процесса реабилитации репрессированных граждан в СССР. На основе архивных документов показан начальный этап реабилитации жертв политических репрессий в Хакасской автономной области. Анализ практики реабилитации в Хакасии подтвердил общегосударственные тенденции: объявление массовых амнистий, ликвидация внесудебных репрессивных органов, снятие ограничений в правовом положении депортированных граждан.

Ключевые слова: реабилитация, сталинизм, политические репрессии, террор, депортация, Хакасия.

REHABILITATION OF CITIZENS REPRESSED IN KHAKASSIA: THEORETICAL FOUNDATIONS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

MIKHAIL G. STEPANOV

The article analyzes the modern theoretical basis (including legislation) of the process of rehabilitation of repressed citizens in the USSR. Based on archival documents, the initial stage of rehabilitation of victims of political repression in the Khakass autonomous region is shown. Analysis of the rehabilitation practice in Khakassia only confirmed the nationwide trends: the announcement of mass amnesties, the elimination of extrajudicial repressive bodies, the lifting of restrictions in the legal status of deported citizens.

Key words: rehabilitation, stalinism, political repression, terror, deportation, Khakassia.

Реабилитация советских граждан, пострадавших от политических репрессий является сложным многогранным явлением общественной жизни. В настоящее время отсутствует единое понятие «реабилитация». Дословно термин, происходящий из латинского языка (лат. *rehabilitatio*), означает восстановление. По мнению составителей «Современного словаря иностранных слов», реабилитация – это «1) восстановление (по суду или в административном порядке) в правах; 2) восстановление доброго имени, прежней репутации; 3) медицинское восстановление

(или компенсация) нарушенных функций организма и трудоспособности больных и инвалидов, достигаемое применением комплекса медицинских, педагогических и социальных мероприятий» [1, с. 513].

Как правило, в юридической литературе под «реабилитацией» понимают восстановление в правах. «По праву Российской Федерации реабилитацией лица, которое привлекалось в качестве обвиняемого или было признано виновным по приговору суда либо подвергалось административному взысканию, считается вынесение оправдательного приговора при пересмотре дела, постановление (определение) о прекращении уголовного дела за отсутствием события, состава престу-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ Республики Хакасия в рамках научного проекта №18-49-190002p_a

пления или за недоказанность участия в совершении преступления, а также постановление о прекращении дела об административном правонарушении» [2, с. 852-853].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие «реабилитация» трактуется многопланово и является обобщенным. Реабилитация как социально-правовое явление проявляется в самых различных сферах жизни общества. Если мы говорим о жертвах политических репрессий в контексте юридического исследования, то должны учитывать понятие «реабилитация», содержащееся в действующем законодательстве. Анализ российского законодательства и юридической литературы (с использованием исторического и сравнительного методов) показывает, что термин «реабилитация» широко используется в уголовно-процессуальном праве.

В западноевропейских странах во второй половине XVIII столетия и в России в XIX в. под реабилитацией понималось прекращение на будущее время всех правлишений, связанных с осуждением. Она не имела обратного значения и была направлена на восстановление правоспособности исправившихся преступников досрочно или же отбывших наказание граждан по истечении определенного срока. Данное понятие употреблялось в нормативных источниках, в судебных делах 1960-х гг., когда оно впервые прочно вошло в юридическую практику [3, с. 81]. Пленум Верховного Суда СССР, Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР в своих постановлениях и определениях применяли термины «реабилитируемый» и «реабилитирующие основания» [4, с. 14]. С принятием нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2001 г. впервые на законодательном уровне было дано определение понятию «реабилитация» в уголовно-процессуальном значении. Согласно п. 34 ст. 5 УПК РФ реабилитация – это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального

вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах (ст. 133 ч. 1 УПК РФ). Таким образом, впервые в истории отечественного уголовно-процессуального законодательства включен значительный по объему массив норм о реабилитации невиновных, даны понятия ключевых категорий этого института: реабилитации и реабилитированного, определен порядок и условия возмещения вреда, причиненного невиновному в результате незаконного уголовного преследования. Наконец-то законодатель сказал свое веское слово в давнем споре цивилистов и процессуалистов по поводу отраслевой принадлежности правовых норм института реабилитации невиновных по уголовным делам [5, с. 4].

В юридической практике и общественно-правовом сознании советского периода развития России понятие «реабилитация» употреблялось главным образом в отношении репрессированных по политическим мотивам граждан. В частности, В. В. Бойцова и Л. В. Бойцова отмечают: «Термин «реабилитация» ныне вплетен многими нитями в правовую ткань и социальную жизнь российского общества. Законодатель нашел ему применение в нормативных актах, посвященных увековечению памяти и восстановлению чести, достоинства, имущественных прав жертв репрессий» [6, с. 5].

В юридической, исторической и иной научной литературе до сих пор нет единого понятия «реабилитация жертв политических репрессий». Некоторые авторы реабилитацию бывших политических заключенных относят к разновидности уголовно-правовой реабилитации. В частности, исследователь В. И. Антонов выделяет два вида уголовно-правовой реабилитации: а) реабилитация жертв репрессий общеуголовного характера; б) реабилитация жертв политических репрессий [7, с. 16].

Однако не все исследователи согласны с подобной классификацией. По мнению Г. З. Климовой, политические репрессии были преднамеренной массовой политикой государства, а незаконное привлечение лиц к уголовной ответственности является результатом единичной следственной или служебной

ошибки, т.е. природа этих явлений совершенно различна. Соответственно в корне различаются основания, порядок и содержание предусмотренных законом реабилитационных мер в отношении пострадавших граждан. Если реабилитация жертв политических репрессий регулируется специальным законодательством, то реабилитация лиц, пострадавших от произвола следственных и судебных органов, регулируется Конституцией РФ и отраслевым (прежде всего процессуальным) законодательством РФ [8, с. 43].

Из этого следует, что в само понятие «реабилитация» законодатель вкладывает узкий смысл: под реабилитацией жертв политических репрессий понимается признание лиц, подвергшихся репрессиям, невиновными в совершении инкриминируемых им деяний. И. Л. Петрухин выделяет три формы реабилитации: а) признание невиновности судом, следователем, дознавателем, прокурором; б) реабилитация понесших ущерб от незаконных и необоснованных действий органов расследования, прокуратуры и суда в ходе расследования, судебного разбирательства; в) реабилитация пострадавших от политических репрессий [9, с. 77-78].

Вместе с тем сам автор статьи утверждает, что возмещение ущерба, причиненного незаконным и необоснованным применением мер уголовно-процессуального принуждения, – это, строго говоря, не реабилитация, а другой институт, именуемый возмещением вреда, причиненного гражданам незаконными действиями должностных лиц и органов государства (ст. 1069 ГК РФ), который действует в сфере уголовного судопроизводства. Однако эти оба вида оснований возмещения вреда объединены в ст. 133 УПК РФ и ч. 2 ст. 1070 ГК РФ [9, с. 77].

Схожую точку зрения высказывает Е. П. Чорновил и делает вывод об относительной самостоятельности правовой формы отношений по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями властного характера, применительно к самим правоотношениям по реализации функции административного управления и других видов властной деятельности. Отсюда следует, что перечисленные

нормативные акты, опосредствующие эти социальные связи, по своему функциональному назначению относятся к гражданскому праву. Следовательно, свое дальнейшее развитие они должны получить в гражданском законодательстве [10, с. 66].

С данной точкой зрения нельзя согласиться, так как, по нашему мнению, процесс реабилитации жертв политических репрессий включает в себя признание невиновности лица судом или другим правоохранительным органом, а также возмещение ущерба в результате необоснованных действий органов расследования, прокуратуры и суда.

Ряд исследователей (А. М. Гонов, Б. С. Цой, П. Полян, Г. З. Климова) выделяет различные виды реабилитации, связанные с жертвами массовых политических репрессий. В частности, П. Полян выделяет политическую и гражданско-правовую реабилитацию [11, с. 140]. Б.С. Цой определил пять видов реабилитации народов, репрессированных в СССР: политическую, территориальную, культурную, социальную и возмещение материального ущерба [12, с. 13].

Г.З. Климова в рамках реабилитации репрессированных народов выделяет следующие виды реабилитации: территориальную, политическую, социальную, культурную. По ее мнению, территориальная реабилитация репрессированных народов предусматривает осуществление на основе их волеизъявления правовых и организационных мероприятий по восстановлению национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения; политическая реабилитация репрессированных народов, ранее имевших свои незаконно упраздненные национально-государственные образования, предусматривает восстановление этих образований. Политическая реабилитация репрессированных народов, не имевших своих национально-государственных образований, означает их право на свободное национальное развитие, возвращение в места традиционного проживания на территории РСФСР, обеспечение им равных с другими народами возможностей в осуществлении своих политических прав и свобод, гаран-

тированных законодательством; социальная реабилитация репрессированных народов означает, что гражданам, подвергшимся репрессиям, время их пребывания в спецпоселениях засчитывается в стаж в тройном размере, в связи с этим предусматривается также увеличение размера пенсий по возрасту; культурная реабилитация репрессированных народов предусматривает осуществление комплекса мероприятий по восстановлению их культурного наследия и удовлетворению культурных потребностей, признание за репрессированными народами права на возвращение прежних исторических названий населенным пунктам и местностям, незаконно отторгнутым у них в годы советской власти [8, с. 36].

В предложенной Г. З. Климовой классификации очень трудно найти разницу между территориальной и политической реабилитацией. Если же говорить о территориальной реабилитации, то она должна предусматривать не только восстановление национально-территориальных границ, но и восстановление этих образований, возвращение депортированных народов в места традиционного проживания. Ее формулировка социальной реабилитации ограничивается лишь увеличением размера пенсий по возрасту. Однако автор совершенно опускает Постановление Верховного Совета РФ и Указы Президента РФ об адресной юридической реабилитации репрессированных народов, например Указы Президента РФ «О мерах по реабилитации карачаевского народа и государственной поддержке его возрождения и развития» (от 30.05.1994 г. № 1107) [13, с. 586], «О мерах по реабилитации калмыцкого народа и государственной поддержке его возрождения и развития» (от 25.12.1993 г. № 2290) и др. В этих и других документах дается полная развернутая программа по экономическому и социальному развитию депортированных народов. В своей работе Г. З. Климова отмечает, что политическая реабилитация стала частью глубоких политических реформ и демократизации в России и других государствах бывшего СССР. Она пишет: «Под политической реабилитацией подразумевается восстановление прав граждан и народов, подвергшихся мерам

государственного принуждения по политическим или религиозным мотивам» [8, с. 34]. Ряд исследователей политическую реабилитацию связывает с общественным сознанием граждан, возвращением доброй славы и восстановлением на будущее время осужденного в обществе [14, с. 5].

Таким образом, политическая реабилитация является лишь частью реабилитации жертв политических репрессий.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. был опубликован ряд статей, посвященных реабилитации жертв политических репрессий [3, с. 79-89]. Авторы этих статей на проблему реабилитации взглянули шире, чем их предшественники [15, с. 15-26]. Так, в частности, М. И. Пастухов пишет, что с философской точки зрения реабилитация – это всегда торжество правды и справедливости в уголовном судопроизводстве. Истина рано или поздно становится очевидной. Человек, которого необоснованно привлекли к уголовной ответственности или на имени которого выжгли приговором суда постыдное слово «преступник», признается невиновным, восстанавливается в прежних правах и честном имени [16, с. 57].

Реабилитация представляет собой правовое средство исправления самых тяжелых следственных и судебных ошибок. Каждый случай признания обвиняемого (подсудимого) невиновным – это, как правило, свидетельство грубых ошибок, просчетов, нарушения законов, бездушного и невнимательного отношений к правам и интересам человека, попавшего в сферу уголовного судопроизводства.

С нравственной точки зрения реабилитация – это акт покаяния государства, его органов за ошибку, допущенную в отношении невиновного. Восстанавливая его в нарушенных правах, государство как бы искупает перед ним свою вину. Гражданину возвращается все, что он утратил вследствие незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда: заработок, имущество, жилье; принимаются меры к восстановлению его честного имени.

Реабилитация невиновных, однако, не есть милость государства к жертве неправо-

судия. Требовать возмещения причиненного вреда и восстановления в нарушенных правах – неотъемлемое и естественное право гражданина, признанного в установленном порядке невиновным. Нравственный же долг государства – в полной мере обеспечить реализацию этого права [16, с. 58].

В начале XXI в. научный интерес к проблемам реабилитации невиновно осужденных граждан по политическим мотивам возрос. С философских, мировоззренческих позиций реабилитация, – отмечает профессор Т. Москалькова, – акт покаяния, активная позиция государства по отношению к допущенным ошибкам в этой сфере общественных отношений [17, с. 72]. Схожую точку зрения высказывает М. В. Орлова, которая отмечает, что идея реабилитации базируется на двух категориях: философско-этической категории справедливости, означающей соответствие деяния и воздаяния, вклада и вознаграждения, преступления и наказания, и юридической категории невиновности, означающей, что данное лицо вменяемое ему преступление не совершало» [5, с. 5].

На наш взгляд, данная терминология во многом заимствована из работ зарубежных политологов и социологов. В работах, вышедших в свет в 1960-е – 1970-е гг., зарубежные исследователи (американский социолог Л. Лабедз и др.) различают юридическую, политическую и публичную реабилитацию. Юридическая реабилитация, по их мнению, это снятие обвинений чисто уголовного характера и прекращение уголовного дела. Политическая реабилитация включает восстановление того или иного деятеля в партии и снятие запрета на упоминание его имени в печати, научной литературе. Публичная реабилитация происходила после юридической и политической реабилитации данного деятеля, тогда же происходило публичное «отпущение грехов» [18, с. 66]. По мнению Б. Левицкова, в эти годы в СССР не было разработано законодательство о преступлениях против человечества или хотя бы закон о реабилитации [19, с. 15]. Таким образом, в эти годы в отличие от советских ученых зарубежные исследователи гораздо точнее определяли понятие и сущ-

ность процесса политической реабилитации в СССР. Последние совершенно верно пришли к выводу о том, что в годы «хрущевской» оттепели реабилитация невинных жертв массовых репрессий являлась не столько юридическим, сколько, по существу, политическим процессом.

Большинство зарубежных исследователей совершенно справедливо считало, что полной может считаться только публичная, т.е. социальная, реабилитация. Социальная реабилитация – это возмещение материального ущерба и предоставление достаточно существенных льгот бывшим политическим заключенным.

Таким образом, в США и Великобритании термин «реабилитация» используется чаще всего для характеристики процесса восстановления правового статуса граждан, отбывавших наказание за совершение преступлений. Такое понимание реабилитации равнозначно российскому уголовно-правовому институту снятия судимости.

По мнению Ю. Стецовского, «реабилитация – нравственный и правовой долг общества и государства, если они не утратили чувства самосохранения» [20, с. 31].

В целом, под реабилитацией жертв политических репрессий в прикладном и практическом смысле (контексте) обычно понимают совокупность (систему) конкретных мер и мероприятий, направленных на восстановление утраченных прав и преимуществ невиновных лиц, жертв массовых политических репрессий. Такой терминологический подход имеет право на существование и его нельзя исключать, но он не дает возможности для более глубокого сущностного понимания этого социально-правового явления. При таком узком толковании реабилитации жертв политических репрессий (например, при отсутствии мер и мероприятий) можно сделать вывод об отсутствии данного процесса как такового. Однако реабилитация жертв политических репрессий имела и имеет место не только чисто с теоретических позиций, но и на практике. К сожалению, она не в полной мере выполняет свое функциональное назначение, то есть не полностью восстанавливает все права

жертв политических репрессий. В широком смысле и с научных позиций – это не столько система мер и мероприятий, сколько система правоотношений между государством и жертвами политических репрессий, в центре которых конечная цель всех политических, экономических и социальных реформ – права и свободы человека.

Отсюда мы полагаем, что под реабилитацией жертв политических репрессий как самостоятельным правовым институтом следует понимать совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения, связанные с признанием лиц или народов (наций, народностей или этнических групп и иных, исторически сложившихся культурно-этнических общностей людей, например, казачество) в судебном или ином установленном законом порядке жертвами политических репрессий или пострадавшими от политических репрессий, возвращение утраченных прав и преимуществ, ликвидацию правоограничений, возмещение причиненного материального и морального ущерба, а также восстановление правоспособности.

Решения по уголовным делам, которые выносили суды и иные органы, наделенные судебными функциями, рассматривались органами прокуратуры.

В этом случае правовой основой для реабилитации жертв политических репрессий выступало решение, которым репрессированное лицо признавалось невиновным в совершении преступления на основе уголовно-процессуального законодательства: 1) доказана невиновность гражданина; 2) в виду отсутствия события преступления; 3) недоказанность участия лица в совершении преступления. Однако особенностью реабилитации необоснованно репрессированных лиц по политическим мотивам является тот факт, что миллионы граждан были репрессированы не судебными органами, а такими «органами» советского судопроизводства, как «тройка», «двойка» или «особые совещания». К этим людям применялись репрессии в административном порядке. В этом случае акт о реабилитации, закрепляющий факт официального признания гражданина невиновным,

выдавался Министерством внутренних дел Российской Федерации на основе норм, содержащихся в Законе РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

Одной из главных составных частей сталинских репрессий было выселение (депортация) различных народов. Определяющими особенностями этой репрессии является административный (внесудебный) характер и ее списочность, то есть она была направлена не на конкретное лицо, не на индивидуального гражданина, а на целую группу лиц, подчас весьма многочисленную. Решения о депортации принимались, как правило, руководителями партии и правительства. Это ставит депортацию вне компетенции правового поля советского судопроизводства (при этом ни Уголовный, ни Гражданский кодексы не принимались во внимание). В этом случае правовой основой для реабилитации являются нормы, заложенные в законодательство о реабилитации. В соответствии с этим реабилитируются все репрессированные народы, которые признаются особыми субъектами права.

Также в юридической литературе продолжает оставаться спорным вопрос о юридической природе института реабилитации. С учетом вышеизложенного, можно сделать вывод, что реабилитацию жертв политических репрессий необходимо рассматривать как межотраслевой многоступенчатый правовой институт.

В целом, изменения во внутривнутриполитической ситуации в стране, связанные со смертью И. В. Сталина в марте 1953 г., затронули такой важный механизм советского тоталитарного режима как репрессивную политику. Архивные материалы подтверждают тенденцию первых месяцев после смерти И. В. Сталина, заключающуюся в том, что каких-либо значительных изменений в репрессивной политике в Хакасской автономной области не произошло, не считая наметившейся четкой тенденции сокращения масштабов политических репрессий в регионе.

Такого рода процессы не могли не затрагивать, прежде всего, тех людей, которые непосредственно испытали на себе действие карательной машины советского государства.

Для большинства из них смерть И. В. Сталина ассоциировалась с радикальными изменениями в стране, но на подобные настроения режим реагировал традиционными репрессивными мерами. Так, в апреле 1953 г. была арестована Л. Ю. Моор, эстонка-спецпереселенка, которая «...в силу своего враждебного отношения к Советской власти 10 марта 1953 г. по сговору со спецпереселенцем-эстонцем Ф. М. Клейн сагитировала ученика 5 класса Дмитриевской школы Бейского района эстонца Пялло Аду изготовить антисоветский документ и наклеить его на обрамленный черным крепом портрет умершего вождя советского народа. Под влиянием Моор и Клейн Пялло Аду выполнил их антисоветские замыслы. Кроме того, Моор проводила среди своего окружения антисоветскую агитацию»¹. Судебная коллегия по уголовным делам Хакасского областного суда приговорила Моор и Клейн 7 июля 1953 г. на основании статьи 58-10 ч.1 УК РСФСР к лишению свободы сроком на десять лет каждого с поражением в избирательных правах сроком на пять лет².

Л. П. Берия, став министром внутренних дел начал свою деятельность с пересмотра политических процессов, которые велись в послевоенный период. Он также выступил с инициативой проведения амнистии в стране. В записке, адресованной в Президиум ЦК КПСС 20 марта 1953 г., он сообщал, что в стране в тюрьмах, колониях, исправительно-трудовых лагерях находилось 2526402 человека, в том числе особо опасных элементов - 221435 человек [21, с. 93]. 27 марта 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об амнистии», в котором подчеркивалось: «...не вызывается необходимостью дальнейшее содержание в местах заключения лиц, совершивших преступления не представляющие большой опасности для государства... Освобождению из мест заключения и от других мер наказания, не связанных с лишением свободы подлежали лица, осужденные на срок до пяти лет включительно» [22, с. 70-71]. Однако амнистия не применялась «к лицам, осужденным на срок более пяти лет за

контрреволюционные преступления...» [22, с. 7].

По предложению Л. П. Берии предполагалось отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г., на основании которого особо опасные государственные преступники могли ссылаться в бессрочную ссылку. Министр внутренних дел внес также предложение об ограничении прав Особого совещания при МВД СССР. 4 апреля 1953 г. Берия подписал приказ, в соответствии с которым запрещалось применять «изуверские методы допроса – грубейшие извращения советских законов, аресты невиновных советских граждан... жестокие избиения арестованных...» [21, с. 94].

Появление Указа «Об амнистии» привело к общественному резонансу на местах, в том числе и в среде заключенных. Например, в спецсообщении о настроениях заключенных в лагерях, расположенных на территории Хакасской автономной области, связанном с объявлением по радио Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г., приводилась следующая информация: «Заключенные, на которых распространяется амнистия об освобождении встретили этот Указ с большой радостью, которую выражали поцелуями между собой, слезами (особенно женщины) и высказывали благодарности партии и Советскому правительству. Так, 29 марта 1953 г. в беседе с другими заключенными, заключенный Черногорского лаготделения ИТЛ Енисейстроя МВД СССР, осужденный по ст.58-10 УК СССР на срок 10 лет заключения В. Д. Фролов заявил: «Хотя я по амнистии не подлежу освобождению, однако, Указом «Об амнистии» я очень доволен. Правительство много думает о заключенных, дает им возможность вернуться к своим семьям»³. Кроме положительных оценок Указа, отмечались также негативные, исходившие от заключенных: «30 марта 1953 г. заключенный 3-го лаготделения ИТЛ Черногорскстроя МВД СССР – Бандура, осужденная по статье 58-1 «а» УК РСФСР в беседе с заключенными заявила: «Это амнистия для того, чтобы поддержать авторитет новой власти и подготовить людей на пушечное мясо,

¹ Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф. Р-674. Оп. 1а. Д. П-20430. Л. 2.

² Там же. Л. 324.

³ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2007. ЛЛ. 65-66.

ибо скоро будет война. Ничего мы и так освободимся и будем жить, и творить дела. Посмотрим, кто лучше жить будет»¹.

Вместе с некоторыми послаблениями со стороны властей в отношении огромного контингента заключенных, который находился в учреждениях ГУЛАГа, отмечались меры по активизации деятельности карательных органов в тот момент. Так, например, 2 апреля 1953 г. в постановлении собрания партийного актива органов МВД Хакасской автономной области подчеркивалось следующее: «Совершенно неудовлетворительно решается задача, поставленная перед органами Советской разведки Центральным Комитетом КПСС по выявлению и разоблачению агентуры иностранных разведок и вскрытию антисоветского подполья. При наличии в Хакасской автономной области значительного количества политически сомнительного и враждебного элемента, антисоветских проявлений его, половина районных отделений МВД области за отчетное время не проводили репрессий (Алтайское, Аскизское, Бейское и Боградское), многие районные отделения очень мало заводили оперативных учетов (Черногорское ГО МВД, Бейское и Таштыпское районные отделения). По имеющимся в областном Управлении и периферийных органах МВД делам работа ведется примитивно, без наступательных действий, которые бы обеспечивали быстроту и полное вскрытие антисоветской деятельности разрабатываемых лиц»².

Несмотря на подобные официальные установки со стороны властей, карательные акции в области имели устойчивую тенденцию к снижению, что было отражением общей политической линии центральной власти.

Одновременно с освобождением заключенных по Указу «Об амнистии» государство начинает делать медленные и осторожные шаги в сторону ослабления карательной функции советского государства. 1 сентября 1953 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении Особого совещания при Министерстве внутренних дел СССР» [22, с. 71]. Этим Указом была ликви-

дирована внесудебная репрессивная инстанция, сыгравшая значительную роль в проведении массовых карательных акций в стране.

Отсутствие закона о реабилитации повлияло на законодательное обеспечение процесса восстановления прав бывших жертв политических репрессий. Следует подчеркнуть, что термин «жертва политических репрессий» не фигурировал в официальных документах. Это свидетельствует о том, что партийно-государственный аппарат, проводивший политические репрессии, не брал на себя ответственность за массовые карательные акции в стране.

Одной из форм реабилитации помимо массового освобождения из лагерей и тюрем политзаключенных стало снятие ограничений со спецпереселенцев. Красноярский крайком в апреле 1954 г. в Президиум ЦК КПСС сообщил: «В настоящее время на спецпоселении находится 2819776 человек, в том числе членов и кандидатов в члены КПСС около 7000 и детей в возрасте до 16 лет – 884057 человек. Несмотря на то, что новые категории граждан на спецпоселение не направляются, количество спецпоселенцев с каждым годом увеличивается за счет их детей. Так, за период с 1945 по 1952 год включительно взято на посемейный учет 360545 родившихся детей и на персональный учет 332739 детей, достигших 16-летнего возраста. По существующему положению дети спецпоселенцев не призывались в Советскую Армию, были лишены права выезжать за пределы мест поселений на учебу, лечение, каникулы, для участия в спортивных соревнованиях и т. п. Спецпереселенцы, отбывающие наказания в ИТЛ, колониях и тюрьмах, по отбытии наказания направлялись по месту поселений, где брались на учет спецпоселения. Таким образом, на спецпоселения будет оставлено около 700000 человек»³.

Реакцией на такого рода информацию стало принятие приказа МВД СССР от 16 июля 1954 г. «О снятии ограничений в правовом положении спецпоселенцев», в котором гражданам, состоящим на учете спецпоселения и занимающимся общественно полезным

¹ НАРХ. Л. 67.

² Там же. Л. 80.

³ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 26. Оп.26. Д. 1. ЛЛ. 68-72.

трудом, предоставить право проживания в пределах области, края, республики, а по служебным командировкам – право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях [23, с. 405].

13 декабря 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» [23, с. 168]. В Постановлении ЦК КПСС от 28 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев, членов их семей, находящихся на спецпоселении» говорилось, что: «ЦК КПСС отметил, что существующие ограничения в правовом положении спецпереселенцев-немцев и членов их семей, высланных в разные районы страны, в дальнейшем не вызываются необходимостью. ЦК КПСС снял с учета спецпоселения и освободил из под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, высланных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев-граждан СССР, которые после репатриации были направлены на спецпоселение. ЦК установил, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены»¹.

В соответствии с Постановлением ЦК от 28 декабря 1955 г. бюро крайкома КПСС постановило: «В соответствии с постановлением ЦК от 8 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении», обязать Хакасский обком, окружкомы, горкомы и райкомы партии провести необходимую работу по дальнейшему закреплению немцев в местах их настоящего жительства, для чего: а) провести среди немцев широкую разъяснительную работу о значении и правильном понимании Указа Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев, членов их семей, находящихся на спецпоселении»; б) обратить особое внимание партийных, советских и хозяйственных руководителей на необходимость создания нормальных бытовых

условий, памятуя, что это одно из главных мероприятий по закреплению немцев в местах их настоящего места жительства...»².

Несмотря на восстановление в правах, спецпереселенцам не компенсировалось конфискованное имущество, и в большинстве своем они не получали разрешения на выезд на прежнее место жительства.

В зарубежной историографии выделяют следующие цели, которые преследовала государственная власть в проведении реабилитации. С. Оппенгейм считает, что реабилитация оказалась единственным подходящим средством разрушения прежнего образа Сталина. А. ван Гаудвер отмечает, что помимо тактических целей процесс реабилитации имел и стратегическую – создать впечатление, что партия полностью изменила свое отношение к террору. Это должно было повысить престиж КПСС, но на деле результат оказался, скорее, обратным [24, с. 206].

По нашему мнению, сущность реабилитации граждан заключается в оправдании жертв политических репрессий, совершенных на территории бывшего СССР, восстановлении их политических, социальных, гражданских прав и репутаций, возмещении и восстановлении в имущественных, трудовых, жилищных и других правах, а также возмещение морального ущерба, в том числе в определении правовых основ для устранения других результатов произвола. Реабилитация репрессированных народов заключается в признании и осуществлении их права на восстановление территориальной целостности и национально-государственных образований, существовавших до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ; возвращении народов, согласно их волеизъявлению, в места традиционного проживания на территории России, а также в возмещении ущерба, причиненного государством отдельным представителям этих народов.

С изменением политической ситуации в СССР в связи со смертью И. В. Сталина в реализации репрессивной политики наметился значительный поворот в сторону ее ослабления. С 1953 г. началась трансформация и

¹ ГАКК. Ф. 26. Оп.27. Д. 27. Л. 308.

² Там же. Л. 309.

демонтаж неотъемлемых элементов карательной системы в СССР – объявлены массовые амнистии, ликвидированы внесудебные репрессивные органы, сняты ограничения в правовом положении спецпоселенцев. Также наметилось сокращение уголовного преследования советских граждан по политическим мотивам. В 1954, 1955, 1956 гг. ни один житель Хакасской автономной области не был арестован по обвинению в совершении «контрреволюционного преступления». Вместе с тем, процесс реабилитации жертв политических репрессий в стране изначально был обречен на жесткий контроль со стороны партийных и государственных структур. Помимо этого, данный процесс имел половинчатый характер, так как вне критики была сама политическая власть, которая породила государственный террор в стране.

Литература

1. Современный словарь иностранных слов. М.: Международная литература, 2001. 1152 с.
2. Российская юридическая энциклопедия. М.: Юристъ, 1999. 968 с.
3. Безлепкин Б. Т. Реабилитация необоснованно репрессированных граждан по делам прошлых лет // Советское государство и право. 1990. №3. С. 79-89.
4. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1965. № 1. 1114 с.
5. Орлова М. В. Спорные вопросы реабилитации невиновных по уголовным делам // Российский следователь. 2005. № 2. С. 3-16.
6. Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Реабилитация необоснованно осужденных граждан в современных правовых системах. Тверь: ТГУ 1993. 124 с.
7. Антонов В. И. Институт реабилитации и его уголовно-правовое значение. Автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. юрид. наук. Ижевск, 2001. 24 с.
8. Климова Г. З. Реабилитация как правовой институт (вопросы теории и практики). Дисс. ... канд. юрид. наук. Сочи, 2004. 188 с.
9. Петрухин И. Л. Реабилитация // Законодательство. 2004. № 3. С. 72-84.
10. Чорновил Е. П. Возмещение вреда, причиненного гражданам незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц. Дисс. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1983. 198 с.
11. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: Изд-во «ОГИ-Мемориал», 2001. 328 с.
12. Цой Б. С. Социальные, экономические аспекты реабилитации народов и граждан, репрессированных в СССР по политическим мотивам // Государство и право. 1994. № 12. С. 4-18.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 6. Ст. 500-600.
14. Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Реабилитация необоснованно осужденных граждан в современных правовых системах // Советское государство и право. 1990. № 3. С. 3-18.
15. Бойцова Л. В., Бойцова В. В. Восстановление и охрана прав жертв массовых репрессий: состояние и перспективы законодательного регулирования // Советское государство и право. 1992. № 6. С. 15-26.
16. Пастухов М. И. Институт реабилитации: на пути к законодательному регулированию // Государство и право. 1993. № 12. С. 51-67.
17. Москалькова Т. Новые подходы к содержанию института реабилитации в УПК Российской Федерации 2001 года // Уголовный процесс. 2002. № 2. С. 69-77.
18. Labedz L. Resurrection and Perdition // Problems of Communism. 1963. Vol. 12. № 2. P. 62-81.
19. Levytsky B. The Stalinist Terror in the Thirties: Documentation From the Soviet Press. Stanford, 1974. 212 p.
20. Стецовский Ю. Реабилитация // Право и жизнь. 1994. № 6. С. 28-39.
21. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 446 с.
22. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. 222 с.
23. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Курск: Изд-во Генеральной Прокуратуры РФ, 1999. Т. 1. 510 с.
24. Борисов Ю. С., Голубев А. В. Политическая реабилитация в СССР (1950-1960-е гг.) в освещении западной историографии // Отечественная история. 1992. № 5. С. 199-210.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЮЖНОЙ СИБИРИ В XX В.

В. П. БАРАБАШ

УДК 78.078: 377(571) «19»

Статья посвящена историко-хронологическому анализу становления и развития системы музыкального образования в южной Сибири на материалах Хакасии, Тувы, Бурятии и Красноярского края. Автор показывает последовательную политику государства в создании ресурса музыкального образования, сети учебных заведений среднего профессионального образования.

Ключевые слова: Южная Сибирь, музыкальное образование, государственная политика, кадры.

STATE POLICE IN THE DEVELOPMENT OF VOCATIONAL MUSIC EDUCATION IN SOUTH SIBERIA IN THE XX CENTURY

VALENTINA P. BARABASH

The article is devoted to the historical analysis of the formation and development of musical education in Southern Siberia on the materials of Tuva, Khakassia, and Krasnoyarsk region. The author shows in stages a consistent policy of the state in the development of human resource in musical education, educational institutions network.

Keywords: Southern Siberia, musical education, state policy, personnel.

Формирование системы музыкального образования в Южной Сибири шло в контексте государственной политики в этой области. Приоритеты этой политики зависели в значительной степени от идеологии правящей коммунистической партии. Существовала неравномерность открытия учебных заведений по районам Сибири в хронологическом контексте. Во многом такая политика зависела от планов социально-экономического развития региона, конкретных решений партийных съездов, дипломатического лавирования политического руководства в поддержке тех или иных руководителей регионов. Не секрет, что руководство регионов стремилось открыть учебное заведение специализированного профиля, но многое определялось строчкой

в государственном плане и «пробивными» способностями руководства той или иной республики или области.

Министерство культуры СССР расставляло приоритеты в области художественного образования таким образом, чтобы в каждом регионе были музыкальные училища, культурно-просветительные училища; специализированные учебные заведения: художественные, хореографические театральные училища были открыты лишь в некоторых регионах. Эта административная практика осуществлялась в зависимости от конкретных планов развития каждого региона, поэтому учебные заведения появлялись по мере возможностей регионов.

Мы исследуем лишь часть Южной Си-

бири – Саяно-Забайкальский район, который географически включает в себя Республику Хакасия, Республику Тыва, Республику Бурятия, Забайкальский край.

Целеустремленная работа активных музыкальных деятелей в Бурятии привела к открытию в 1931 г. техникума искусств в г. Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), на базе которого начали работу театральное и музыкальное отделения. Техникум (позже был переименован в театральное-музыкальное училище), стал учреждением, в котором были подготовлены кадры для первого бурятского театра и для музыкальных учреждений Бурят-Монгольской АССР. Началась подготовка преподавателей в открывавшиеся музыкальные школы. Большое внимание уделялось подготовке педагогических кадров для самого техникума – в 1933 г. при нем была открыта музыкальная школа. В 1936 г. музыкальное отделение техникума окончило 26 чел. Открытие специализированного учебного заведения сыграло большую роль в появлении в республике в 1938 г. государственной филармонии с симфоническим оркестром [1, с.297].

В 1957 г. начало свою работу Читинское музыкальное училище. Его появление на карте культурных учреждений Читинской области было важным событием: началась большая работа по пополнению специалистами с музыкальным образованием известных в городе коллективов: оркестра, ДМШ, театра. Музыкальное училище внесло существенную лепту в развитие в Читинской области сети музыкальных школ: к 1990 г. в области их насчитывалось 86: из них 7 – в г. Чите. В 1936 г. в регионе была одна музыкальная школа [2, с. 56-57].

Кадровая проблема в музыкальном художественном образовании остро чувствовалась в таких национальных районах южно-сибирского региона, как Тува (ТАССР) и Хакасская автономная область (ХАО). Проблему открытия в этих регионах музыкальных училищ поднимали видные музыканты и общественные деятели. Так, в Туве к этому призывал руководство автономной республики первый профессиональный композитор Алексей Боктаевич Чыргал-оол. По его инициативе и

благодаря его организаторским способностям в Кызыле в 1960 г. открылось музыкальное училище (впоследствии – Кызыльское училище искусств, сейчас – колледж искусств им. А. Б. Чыргал-оола) [3, с. 22-23]. В Хакасской автономной области эту проблему озвучивал на страницах местной печати, сессиях областного совета трудящихся известный композитор и музыкант А. А. Кенель. Он писал в газете «Советская Хакасия»: «Области нужны свои музыкальные кадры, нужна своя филармония, плохо с музыкальными инструментами. Нет методической практической помощи центра самодеятельным коллективам» [4, с. 22].

Усилиями общественности было найдено понимание руководства этих национальных районов и вышестоящих федеральных органов. В результате в южной Сибири в 1960 г. появилось сразу два музыкальных училища: в г. Кызыле (Тува) и в г. Абакане (Хакасия).

Эти учебные заведения стали базовыми по подготовке кадров для музыкальных школ и клубной самодеятельности. Появление музыкальных училищ дало толчок к расширению сети детского музыкального образования, возникновению оркестров и ансамблей различного уровня.

В конце 1960-х гг. Сибирь становится мощной базой для развития производительных сил страны. Приоритеты индустриального развития региона были зафиксированы в важнейших партийно-правительственных документах. Постепенно продолжали развиваться не только ведущие отрасли: энергетика, металлургия, лесная отрасль, но и города, их социальная инфраструктура. Возникает потребность в учреждениях культуры и искусства молодых сибирских городов, например, таких, как Братск, Норильск, Усть-Илимск и др.

К концу 1960-х годов основа среднего профессионального музыкального образования в восточносибирском регионе сложилась в следующем виде:

- 1920 г. – Красноярское музыкальное училище (Народная консерватория, музыкальный техникум, музыкальное училище, училище искусств, краевой колледж искусств им. П. И. Иванова-Радкевича);

- 1931 г. – Улан-Удэнское музыкальное училище (Бурят-Монгольский техникум искусств, музыкальное училище им. П. И. Чайковского, музыкальный колледж им. П. И. Чайковского, колледж искусств им. П. И. Чайковского);

- 1937 г. – Иркутское музыкальное училище (музыкальный колледж им. Ф. Шопена);

- 1957 г. – Читинское музыкальное училище;

- 1960 г. – Кызыльское музыкальное училище (колледж искусств им. А. Б. Чыргал-оола);

- 1960 г. – Абаканское музыкальное училище (музыкальный колледж ХГУ им. Н. Ф. Катанова);

- 1967 г. – Норильское музыкальное училище (колледж искусств);

- 1969 г. – Братское музыкальное училище (музыкальный колледж).

Четыре музыкальных училища действовали и готовили кадры преподавателей, музыкальных работников на юге Восточной Сибири.

Безусловно, музыкальные кадры готовили не только 8 музыкальных училищ. Подготовку музыкальных работников для детских дошкольных учреждений, учителей музыки для школ готовили музыкально-педагогические училища и музыкальные отделения педучилищ в Красноярске, Иркутске и других городах. Руководителей музыкальной самодеятельности готовили культурно-просветительные училища в Минусинске, Иркутске, Улан-Удэ, Чите. Клубные отделения для подготовки таких специалистов были открыты в Кызыле, Абакане, Норильске на базе музыкальных училищ.

Свой вклад в формирование ресурсной кадровой среды вносили высшие учебные заведения региона: с 1964 г. – Восточно-Сибирский государственный институт культуры (с открытием факультета культурно-просветительной работы), с 1978 г. – Красноярский институт искусств, а также вузы Западной Сибири, в первую очередь, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, с 1969 г. – Кемеровский государственный институт культуры. Большой вклад в подготовку музыкально-педагогических кадров для сред-

них школ и учреждений культуры внес музыкально-педагогический факультет Иркутского педагогического института. В учреждениях культуры и искусства, музыкальных коллективах, учебных заведениях работали выпускники высших и средних специальных учебных заведений всего Советского Союза. Но музыкальные училища сыграли важную и определяющую роль в укреплении кадрового состава учреждений музыкального направления. В первую очередь это касается развития сети музыкальных школ и школ искусств.

Как отмечает красноярский музыкант-исследователь, профессор Красноярской академии музыки и театра В. А. Аверин: «... в 1960-е гг. процесс формирования школ пошел в два раза быстрее по сравнению с 1950-ми гг.». В 1971 г. в 80 музыкальных школах Красноярского края (включая Хакасию), обучалось 9615 учащихся [5, с. 148]. В Туве в 1944 г. не было ни одной музыкальной школы, а в 1985 г. действовало 27 музыкальных и школ искусств [6, 494-495].

Все музыкальные училища сибирского региона наряду с развитием классического исполнительского музыкального образования придавали большое значение подготовке специалистов игры на народных инструментах, в том числе на национальных.

Так, благодаря целенаправленной деятельности государственных органов – управлению культуры крайисполкома, руководству и педагогическому коллективу Красноярского музыкального училища в Красноярском крае с 1950 по 1959 годы открылись 4 музыкальные школы в краевом центре, в городах Канске, Ачинске, Норильске, Минусинске, Енисейске, Заозерном, Уяре, Ужуре, Черногорске. Всего в 1959 г. в крае насчитывалось 18 музыкальных школ (в 1940 г. – одна музыкальная школа в Красноярске). За этот же период музыкальное училище выпустило 52 баяниста и 16 домристов, которые дополнили педагогические коллективы музыкальных школ и работали в творческих коллективах исполнителей. К 1980 г. в Красноярском крае работало более 120 музыкальных школ и школ искусств и специалистов для них готовили три музыкальных училища: Красноярское, Норильское и Абаканское. Причем, в

1970 - 1990-е гг. в музыкальных школах увеличивается количество детей, обучающихся игре на народных инструментах. Доминирующее место среди обучающихся занимали баянисты [1, с. 186-188].

Более сложно развивалась подготовка кадров музыкантов-народников в Читинском музыкальном училище. Отдаленность региона от центра порождала острую нехватку кадров, но эти проблемы решались постепенно, с 1960-х гг. в училище начали обучать учащихся на всех группах народных инструментов. Однако перекос в сторону подготовки баянистов существовал всегда. Так, с 1957 по 1967 гг. среди 94 выпускников, окончивших народное отделение училища, было только 3 струнника. Тем не менее, благодаря энтузиазму преподавателей – народников в училище более 40 лет существует учебный оркестр народных инструментов, в городе - любительский оркестр народных инструментов, проводилась и проводится огромная музыкально-просветительская деятельность.

С 1976 г. в Чите на базе музыкального училища проводится конкурс оркестров и ансамблей народных инструментов им. Н. П. Будашкина, получивший широкое признание музыкантов всей страны и сибирского региона Читинское музыкальное училище способствовало развитию сети музыкальных школ в регионе и в центре области. Так, только в г. Чите было создано 6 музыкальных школ и школ искусств. Первая из них – Центральная детская музыкальная школа им. Б. Г. Павликовской выросла из Народной консерватории и превратилась в крупнейший методический центр для учреждений дополнительного образования музыкальной направленности. В школе обучаются дети по 18 специальностям. Примечательно, что более половины преподавателей школы – выпускники школы и Читинского музыкального училища. В отчете музыкального училища за 1961 г. отмечалось, что в Читинской области уже открыто 11 музыкальных школ, которые нуждаются в кадрах преподавателей [7, с. 55-58].

Для таких регионов Сибири, как Бурятия, Тува, Хакасия важным направлением сохранения и развития народной художественной

культуры являлась поддержка образования в сфере национальной традиции тех народов, которые исконно населяли эти территории. В советские годы идеологизация всей политической системы привела к значительным перекосам в развитии культуры народов Сибири. Единая унифицированная система подготовки кадров в художественном образовании игнорировала развитие национального звена. Увлеченность народными инструментами привела к тому, что все учащиеся, вне зависимости от национальности обязаны были осваивать баян, аккордеон, балалайку, домру, при этом, не умея играть на традиционных народных инструментах. С большим трудом открывались классы обучения игре на традиционных инструментах в музыкальных школах и училищах. Так, в Хакасии класс чатхана в Абаканской музыкальной школе открыл ленинградец, выпускник Ленинградской консерватории А. А. Кенель. Он же создал первый в Хакасии ансамбль национальных инструментов и написал методическое пособие для обучающихся игре на чатхане [8, с. 145-148]. В музыкальном училище национальные хакасские инструменты преподавать в 1960-е гг. было некому. Лишь в 1970-е гг. уроки игры на национальных инструментах станет вести Г. И. Челбораков.

В Бурятии в музыкальном училище в 1968 г. были открыты классы хура, чанзы, позже - иочина. Много сделали для обучения учащихся преподаватели С. Л. Балдаев, А. Ф. Захаев – родоначальники школы исполнительства на национальных инструментах. В 1971 г. в училище было открыто первым среди музыкальных училищ Сибири отделение национальных инструментов. С 1978 г. открылся класс ятаги. Большую роль в популяризации этого уникального инструмента сыграли преподаватели В. Ц. Дамбуева, Э. Доржиева, О. Иванова. Стараниями преподавателей и выпускников Улан-Удэнского музыкального училища классы национальных инструментов стали открываться в музыкальных школах республики. В настоящее время большое значение имеет образовательная деятельность Восточно-Сибирской академии культуры и искусств по подготовке специалистов игры на

национальных инструментах [9, с. 92-93].

В Туве профессиональное обучение связывают с организацией музыкально-театральной студии в 1936 г. и приездом советских специалистов в 1940-е гг. Оркестр тувинских национальных инструментов был создан И. Г. Мининым в 1960 г. В Кызыльском музыкальном училище национальные инструменты преподавались в рамках учебного плана оркестрово-народного отделения. Отделение национальных народных инструментов было открыто только в 1991 г. по классу чадагана, дошпулуура, игила, бызанчи, чанзы. В настоящее время в Кызыльском колледже искусств им. А. Б. Чыргал-оола и Бурятском колледже искусств им. П. И. Чайковского преподавание игре на национальных инструментах ведется планомерно, целенаправленно, с пониманием той большой миссии, которую выполняют при этом педагоги и студенты.

Безусловно, в 1990 – 2000-е гг. изменилась парадигма музыкального образования с точки зрения контента. Вызовы времени не позволяют игнорировать потребности населения регионов Восточной Сибири в освоении накопленных многими поколениями сибириков духовных богатств. Эти же вызовы сталкиваются с мощным противодействием массовой культуры всему самобытному и народному. Учебным заведениям всех уровней нелегко работать в контексте новой эпохи. Не секрет, что в художественном образовании существует огромное количество проблем, которые все труднее становится решать. Падает интерес к традиционной народной культуре. В деле подготовки музыкантов народного направления учебные заведения сталкиваются с проблемой нежелания родителей обучать детей игре на музыкальном инструменте. Свою роль сыграло огромное социальное расслоение общества, и невозможность значительной части родителей приобрести детям музыкальные инструменты, студентам и исполнителям – качественные концертные инструменты. Из года в год во всех учебных заведениях падает конкурс при поступлении студентов на народное отделение. В 2010-2012г.г. в большинстве музыкальных училищ нашего региона был недобор студентов на народные струнные ин-

струменты. При таком положении мы скоро «днем с огнем» будем искать балалаечников и домристов, не говоря уже о гуслирах и гармонистах. Идеология рыночной экономики диктует обществу нормы престижности профессии, занятий, увлечений.

Учебные заведения культуры и искусства сибирского региона: вузы, средние профессиональные учебные заведения, музыкальные школы, обладают значительным потенциалом, чтобы не сдаваться и не поддаваться трудностям. Очень важно, что есть большая часть нашего общества в лице преподавателей, руководства учреждений, родителей, отдавших своих детей к нам на обучение, студентов и учащихся, которые понимают колоссальность задач по сохранению и развитию народной культуры, любят свою культуру, гордятся ею и уважают свои корни.

Литература

1. Очерки истории культуры Бурятии. Т. II. Советский период / Под ред. Г. Л. Санжиева. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1974. 647 с.
2. Белоносова И. В. Музыкальная культура Читы. Красноярск: КГАМиТ, 2007. 167 с.
3. Чыргал-оол жизнь и творчество / Авт.-сост. З. К. Казанцева. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2003. 187 с.
4. К 100-летию со дня рождения А. А. Кенеля. Абакан, 1999.
5. Аверин В. А. Таланты народные. Красноярск: ПИК «Офсет» 1998. 352 с.
6. Карелина Е. К. История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней. М: «Композитор», 2009. 552 с.
7. Белоносова И. В. Музыкальная культура Читы. Красноярск: КГАМиТ, 2007. 167 с.
8. Барабаш В. П. Влияние хакасских сказителей на творческую деятельность А. А. Кенеля // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия: Филология. 2011. №2. С. 145-148.
9. Барабаш В. П. Из истории обучения на национальных инструментах в учебных заведениях культуры и искусства // Чатхан: история и современность. Материалы IV Международного симпозиума. 1-4 июля 2010 г. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2010. С. 91-95.

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ТУВЕ И ХАКАСИИ)

З. В. АНАЙБАН

УДК 316 (571.51/52)

Статья посвящена исследованию нравственных ценностей современной молодежи Республики Тыва и Республики Хакасия, выявлению и определению их ценностных ориентаций и установок. При этом внимание акцентируется не только на отличиях в ценностных предпочтениях молодежи, представляющих основные этнические группы названных республик, но в той же мере исследуется уровень их сходства. Работа основана на результатах этносоциологического опроса, осуществленного автором в названных регионах в 2015 г.

Ключевые слова: молодежь, Тува, Хакасия, ценностные ориентации и установки, нравственные ценности, результаты этносоциологического опроса.

MORAL ASPECTS OF VALUE ORIENTATIONS CONTEMPORARY REGIONAL YOUTH (ON THE MATERIALS OF ETHO-SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE REPUBLIC OF TUVA AND THE REPUBLIC OF KHAKASSIA)

ZOYA V. ANAYBAN

The article is devoted to the study of moral values of contemporary youth of the Republic of Tuva and the Republic of Khakassia, the identification and determination of their of their value orientations and attitudes. The article is devoted to the study of spiritual and moral values of modern youth of the Republic of Tuva and the Republic of Khakassia, the identification and determination of their value orientations and attitudes. At the same time, attention is focused not only on the differences in the value preferences of young people, representing the main ethnic groups of these republics, but also researched the level their same. This work is based on the results of an ethno-sociological survey carried out by the author in these regions in 2015.

Key words: youth, Tuva, Khakassia, value orientations and attitudes, moral values, results of ethno-sociological survey.

Как известно, трансформационные процессы, начавшиеся в 90-е годы прошлого столетия, правда, с разной степенью интенсивности, по сути продолжают и в наши дни. Понятно, что все эти перемены, происходящие

во всех сферах жизни российского общества, не могли не затронуть и соответственно повлиять на изменение духовно-нравственных ценностей его жителей. В этой связи немаловажным аспектом исследования, на наш

взгляд, является изучение нравственных основ ценностных приоритетов именно у молодежи, ибо в обозримой перспективе благоприятное и успешное развитие и состояние не только этнической группы, которую непосредственно представляют молодые люди, но и всего российского социума в должной степени будет зависеть и от содержания, сути ценностных установок и предпочтений, сформированных у молодого поколения сегодня.

Данная работа базируется на анализе результатов этносоциологического исследования по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет», осуществленного в 2015 г. [1]. За основу анкеты этого исследования был взят вопросник, выполненного нами десять лет назад проекта «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни», в процессе реализации которого был осуществлен опрос населения Республики Алтай, Республики Тыва и Республики Хакасия (2006 г.) [2]. Проект был выполнен по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и технологическим трансформациям». В отличие от предыдущего опроса в данном случае для эмпирического исследования в 2015 г. была выбрана молодежь Республики Тыва и Республики Хакасия. В итоге опрос в Туве был осуществлен среди жителей столицы (г. Кызыл) и Пий-Хемского кожууна (района) республики, в Хакасии – среди жителей столицы (г. Абакан) и Ширинаского района.

Итак, анализ ценностных ориентаций молодежных возрастных групп Тувы и Хакасии показал, что в целом по многим аспектам их установки и мнения практически идентичны, т.е. в данном случае у них много общего. Так, например, у молодежи как Тувы, так и Хакасии, представителей основных этнических групп данных регионов, полностью совпадают взгляды и установки на такую ценность, как свобода и права человека. Молодежь, независимо от этнической принадлежности и региона проживания, также высказала единое мнение в понимании того, что нужно человеку, чтобы чувствовать себя счастливым. В

этом плане в числе доминанты названа хорошая семья, дети и здоровье. Здесь уместно вспомнить, что десять лет назад в данном перечне, как у старших возрастов, так и молодого поколения, кроме указанных, были названы образование и материальный достаток. Вместе с тем, несмотря на достаточно высокое сходство во взглядах по этому вопросу, у представителей титульной национальности обеих республик – тувинцев и хакасов, в сравнении с местными русскими, немного выше значимость семьи и ниже значимость здоровья¹.

В этой связи следует отметить, что в данном случае результаты нашего исследования практически совпали с результатами Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), который проводит регулярные построения индексов счастья россиян. Так, согласно полученным им данным, в числе основных маркеров счастья жители России главным образом назвали те же три позиции. Между тем, на вопрос: «Вы счастливы или нет?», – в абсолютном большинстве россияне ответили «определенно да» и «скорее да» (81%), что, на наш взгляд, не совсем соответствует действительности². С нашей точки зрения, фактически удельный вес «счастливых людей» в нашем обществе по разным объективным и субъективным факторам все же значительно меньше, нежели демонстрируют опросы ВЦИОМ.

Бесспорным свидетельством ценности и важности семьи, близкого окружения, по убеждению молодежи, является то, что им обычно помогает переносить жизненные трудности, прежде всего, семья, друзья, близкие люди. Об этом заявили почти две трети опрошенных нами в обеих республиках (от 61% до 65%). Сравнение этих и других показателей с данными предыдущих исследований позволяет говорить о тенденции посте-

¹ Материалы опроса 2015 г. по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет». Текущий архив Отдела истории Востока Института востоковедения РАН.

² Индекс счастья. Опрос ВЦИОМ. 2017. Электронный ресурс: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_schastya/ (Дата обращения: 12.04. 2017 г.).

пенного возрастания в жизни молодых людей авторитета семьи и близких родственников. В отличие от прошлых лет, среди молодых респондентов в ценностных ориентациях на семью не прослеживается ни этнических, ни гендерных различий. А вот на то, что в случае житейских трудностей они рассчитывают на коллег и работу, ответили в среднем 15%. Показательно, что больше всего таких среди русских Хакасии – на это из них указал каждый четвертый (25%).

Почти половина опрошенной тувинской и почти столько же русской молодежи в Туве считают, что чувство уверенности в завтрашнем дне им придает опять же поддержка семьи, родственников и друзей (48% и 43% соответственно). Однако, среди них немало указавших на «собственный оптимизм» (19% и 25% соответственно). Уверенность в завтрашнем дне молодежи Хакасии придает наравне с поддержкой семьи профессия, способность заработать. Из них на семью указали среди хакасов 31% и на работу – 23%, среди русских – 27% и 29% соответственно. С другой стороны, как среди тувинской и хакасской, так и среди русской молодежи Тувы и Хакасии немало признавших, что у них нет уверенности в завтрашнем дне (от 7% до 15%). При этом, если среди молодежных групп Хакасии численность придерживающихся этой установки примерно одинакова, то в Туве разница во мнениях между русскими и тувинцами довольно заметная: 15% и 7% соответственно.

В данном случае заслуживают внимания материалы соцопроса по изучению социального самочувствия местной республиканской молодежи, проведенного в 2012 г. преподавателями-экономистами Тувинского государственного университета по заказу Министерства молодежной политики и спорта Республики Тыва. Так, анализируя полученные результаты, авторы резюмируют, что на уровне ценностных установок в сознании молодежи наблюдается переход от патерналистских ожиданий к индивидуалистическим ценностям – у молодых он проявляется наиболее ярко. У них гораздо шире распространены ориентации на собственную самостоятельность, инициативу, активность, предприимчивость и готовность к риску. Они в меньшей

степени надеются на помощь государства и полагаются в основном только на себя и на своих близких. Хотя большинство молодых людей сохраняют традиционные моральные ценности, свойственные поколению их родителей, – ориентации на семью, хорошую работу, получение добротного образования и т.д., многие из них менее разборчивы в достижениях собственного благополучия [3, с. 142].

Об этом же свидетельствуют материалы нашего исследования. Согласно данным опроса 2015 г., более половины респондентов из числа молодежи обеих республик убеждены, что улучшение их жизни, в первую очередь, зависит от них самих. Сравнивая эти данные с десятилетней давностью, можно констатировать, что численность таковых среди молодежных групп заметно увеличилась, и это, кроме всего прочего, говорит не только о дальнейшей активизации их жизненной позиции, но и росте социальной мобильности¹. В то же время, среди них, особенно среди городской молодежи, прослеживается тенденция сокращения численности тех, кто улучшение своей жизни связывает с городскими (сельскими) или республиканскими властями (см. табл. 1). При этом, в отличие от старших возрастных групп, и тогда их процент (по опросу 2006 г.) был не столь значителен. Если взять во внимание этнический срез, то хакасская молодежь в данном вопросе проявила несколько меньшую активность, что, на наш взгляд, в определенной мере объясняется характерным для представителей титульной национальности традиционным спокойствием и неспешностью во всех начинаниях.

В рамках нашего исследования представляет особую значимость установки, действия молодых людей, направленных на улучшение своего материального положения. Молодежь обеих республик, независимо от этнической принадлежности, больше других указали на то, что ради этого они готовы «очень много работать» и готовы «повысить квалифика-

¹ Материалы этносоциологического исследования по проекту «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни» (2006-2008 гг.). Текущий архив Отдела истории Востока Института востоковедения РАН.

**Мнения молодежи
относительно того, от кого зависит улучшение их жизни (%)***

№ п/п	Варианты ответов	Республика Тыва		Республика Хакасия	
		тувинцы	русские	хакасы	русские
1.	От нас самих	51	62	45	58
2.	Членов моей семьи, родственников	7	2	5	4
3.	Начальства на работе	4	3	2	6
4.	Городских (сельских) властей	7	5	12	9
5.	Республиканских властей	22	17	25	17
6.	Другое	0	0	7	5
7.	Затрудняюсь ответить	9	11	4	1
8.	Итого	100	100	100	100

*Материалы опроса 2015 г. по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет».

цию и свою профессиональную подготовку». Удельный вес придерживающихся этой точки зрения среди титульной молодежи Тувы составил 63%, среди русской молодежи – 73%, среди молодежи Хакасии соответственно 65% и 81%. При этом, если русская молодежь этих республик чаще выбирала позицию «очень много работать», то тувинская и хакасская молодежь – «повысить квалификацию и свою профессиональную подготовку».

Важно, что по данным нашего опроса, подавляющее большинство опрошенных из числа работающей молодежи, включая тувинцев, хакасов, русских обеих исследуемых регионов, считают, что работа для них «значима» и «очень значима» (в среднем 80%). Эти данные свидетельствуют, что работа для них является ценностным приоритетом. Несомненно, здесь не следует «сбрасывать со счетов» то обстоятельство, что для каждого из них трактовка «значимости» может быть различна: для кого-то это интересная и востребованная работа, для другого – достойная зарплата и т.д.

В понимании того, что для молодежи означает «хорошо жить», по результатам исследования 2006 г., в отличие от представителей старших возрастов, считавших, что для этого важно «иметь хорошую семью» и «интересную работу», молодежь же гораздо чаще указывала на то, что надо «жить обеспеченно, в достатке», а также «иметь власть, положение

в обществе». В настоящее время данные приоритеты молодежи, как в Туве, так и в Хакасии несколько сменились, точнее, стали более «размытыми», более разнообразными, а именно – теперь они наряду с достатком и властью практически в равной мере называют семью и работу. Таким образом, можно сказать, что в молодежной среде сегодня приобретают все большую важность и значимость эти два понятия, символизирующие достойные условия жизни.

Вместе с тем, наши респонденты, как тувинцы и хакасы, так и русскоязычные обоих регионов, в большинстве своем признали, что для них быть богатым «значимо» и «очень значимо». Совершенно незначительна во всех этнических группах численность считающих, что быть богатым «малозначимо» и еще меньше, кто убежден, что это «совсем не значимо». Что касается разницы в ответах, то здесь, пожалуй, прослеживается следующая закономерность: указавших на первые две позиции немного больше в основных этнических группах молодежи Хакасии, на две последние – чуть больше в аналогичных группах Тувы. Наблюдаемый разброс во мнениях и взглядах молодежи, на наш взгляд, продиктован, прежде всего, пока еще неустоявшимися и до конца не сформировавшимися в силу их возраста принципами и устоями, которые, как когда-то справедливо отмечали новосибирские социологи, объясняют, в конечном счете,

некоторую неадекватность в определении их ценностных предпочтений.

Известно, что история Российской Федерации постсоветского периода на фоне глобальных процессов в политической, экономической, культурной областях была отмечена активными поисками разных форм идентичности. В этой связи стоит отдельно сказать, что не так давно была опубликована коллективная монография московских и региональных исследователей, главной целью которой было изучение множественных идентичностей, изменяющейся на протяжении почти двадцатилетнего периода. Авторы данной работы, анализируя результаты этносоциологических исследований, реализованных ими в разных субъектах Российской Федерации, приходят к выводу, что «в республиках у людей титульных национальностей и русских разная степень связанности и с государственно-гражданской, с этнической и региональной общностью. И связанность эта ситуативна, что отчетливо прослеживается на эмпирическом материале» [4, с. 38].

Как показывает опыт постсоветского периода, в российском сообществе региональная идентичность у всех национальностей, давших название республикам, оказалась более выраженной, чем общероссийская, но менее значима, чем этническая. Местная молодежь исследуемых нами регионов, независимо от национальной принадлежности и среды обитания, в числе наиболее значимых для них идентичностей по-прежнему называет этническую идентичность. По результа-

там нашего исследования подавляющее большинство тувинской молодежи, так же, как и хакасской молодежи считают национальную принадлежность «значимой» и «очень значимой» (85% и 79% соответственно). Среди русских жителей этих республик, в особенности для русских Хакасии, этот показатель заметно ниже. Доля тех, кто ответил, что для них национальная принадлежность «малозначима» или «совсем не значима» составляет среди русских Тувы 22%, среди тувинцев – 8%. В Хакасии разделяют эту точку зрения среди хакасов каждый пятый (19%), среди русских соответственно почти треть опрошенных (см. табл. 2). По мнению многих специалистов, занимающихся исследованием различных проблем этничности, в условиях всякого рода этнополитических и социально-экономических трансформаций, принадлежность к тому или иному конкретному этносу служит своеобразной защитой и опорой в преодолении трудностей этого периода, способствует адаптации к новым условиям и самосохранению. Однако, в этом вопросе не все так однозначно. В частности, у русских, живущих в настоящее время в бывших союзных республиках, отмечается несколько иная ситуация. Так, например, по мнению этносоциологов, исследовавших стратегии адаптации русской молодежи в современной Киргизии, «региональная идентичность свойственна русской молодежи в большей мере, чем этническая, т.е. они глубоко заинтересованы в эффективном и всестороннем развитии республики своего проживания...» [5, с. 231].

Таблица 2

Мнения молодежи относительно значимости их этнической принадлежности (%) *

№ п/п	Варианты ответов	Республика Тыва		Республика Хакасия	
		тувинцы	русские	хакасы	русские
1.	Очень значима	46	36	36	26
2.	Значима	39	33	43	34
3.	Мало значима	5	20	17	13
4.	Совсем не значима	3	2	2	18
5.	Затрудняюсь ответить	7	9	1	9
6.	Итого	100	100	100	100

*Материалы опроса 2015 г. по теме «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет».

Что касается русских Хакасии, проявление относительно невысокой, по сравнению с другими группами, актуализации их этнической идентификации, скорее всего, обусловлено их численным этническим преобладанием в данном регионе. Известно, что в подобной ситуации, как правило, этнические проблемы в той или иной форме не столь явно выражены и не всегда декларируются.

По материалам наших опросов, реализованных в последнее десятилетие в Туве и Хакасии, молодые люди – представители титульной национальности гораздо чаще, чем местные русские, выбирают позицию «я никогда не забываю о своей этнической принадлежности» (от 50% до 70%). В этой ситуации вполне логично, что по итогам опроса в обеих группах численность разделяющих это утверждение возрастает с ростом этнической идентичности опрошенных. При этом доля тех, кто часто себя этнически идентифицирует, кто «никогда не забывает, что я – тувинец (хакас)», больше среди сельских жителей. В этой связи отдельно заметим, что по данным комплексных социологических и социально-психологических исследований молодежи Республики Саха и Республики Хакасия, осуществленных не так давно новосибирскими социологами, была выявлена довольно высокая доля (19% -21%) среди саха и русских в Якутии, среди хакасов и русских в Хакасии «этноцентристов», для которых очень важно и жить среди представителей только своей национальности, и разговаривать преимущественно на языке своего этноса [6, с. 166].

Как и по результатам предыдущих социологических исследований в этих двух регионах, отвечая на вопрос: «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?», и те, и другие приблизительно в равной степени отмечали историческое прошлое, язык, культуру, религию, традиции и обычаи. Отвечая на вопрос, что является для них Родиной, в большинстве своем опрошенные из числа тувинской и хакасской молодежи выбрали позицию «моя Родина – республика, в которой я живу» (87% и 85% соответственно). Примерно столько же опрошенной русской молодежи как в Туве, так и в Хакасии считают, что «моя родина – Россия» (82% и 78% соответствен-

но). Как видим, в обеих республиках российская идентичность более всего присуща русским жителям.

В числе наиболее важных условий для успешного развития своего народа респонденты – представители титульной национальности в Туве и Хакасии, наряду с «экономическим процветанием» (от 40% до 45%), назвали «сохранение культуры, традиций, обычаев моего народа». На это среди опрошенных указали примерно равное число и тувинцев, и хакасов (34% и 36% соответственно). Среди русскоязычной молодежи в обоих регионах на эту установку указали немногие, хотя среди русских Тувы их было чуть больше, чем в аналогичной группе в соседней республике. Между тем, как мы и предполагали, «сохранение языка своей национальности» назвали среди хакасской молодежи втрое больше опрошенных, чем среди тувинцев (соответственно 18% и 6%). Напомним, что сегодня в Хакасии, особенно среди молодых возрастных групп, наблюдается весьма слабое знание родного хакасского языка, что не характерно для Тувы. Между тем, в числе основных проблем, обозначившихся в современной языковой жизни Тувы, как мы отмечали в своих предыдущих публикациях, следует назвать, напротив, проблему владения тувинцами русским языком. Последнее главным образом относится к сельской молодежи республики.

Подытоживая сказанное, прежде всего, следует отметить, что исследование ценностных установок молодых людей Тувы и Хакасии выявило, что в целом их жизненные ориентиры довольно близки. В этой связи нельзя не согласиться со специалистами, которые на основе анализа материалов социологического опроса по изучению социального самочувствия молодежи Тувы, приходят к выводу, что важным для них остаются следующие социальные, экономические и духовные ориентиры: иметь хорошее здоровье, семью и детей, материальный достаток, высоко ценить религию [3, с. 144]. Между тем, имеющаяся некоторая трансформация в содержании и форме ценностных установок молодежи, впрочем, как и всего населения в целом, обусловлена реалиями современной жизни и необходимостью соответствующей адаптации к ним.

Литература

1. Анайбан, З.В. Молодежь Тувы и Хакасии в XXI веке. Этносоциологические очерки. М.: Изд-во МБА, 2017. 240 с.
2. Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптационные возможности населения. Сборник статей. М.: ООО «Интер-Принт», 2007. 246 с.
3. Севек В.К., Соян Ж.Ч., Севек Р.М. Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва. СоцИс. № 9, 2016. С. 141-144.
4. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
5. Остапенко, Л.В., Старченко, Р.А., Субботина, И.А. (2018) Русская молодежь Кыргызской Республики в XXI веке. Стратегии адаптации. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2018. 240 с.
6. Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Костюк, В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспект. Новосибирск: Автограф, 2014. 178 с.

V. K. MAGNİTSKİY VE ÇUVAŞLARIN ESKİ İNANÇLARINDA OKUMA-ÜFLEME GELENEĞİ ÜZERİNE KAYITLARI

ARIKAN İBRAHİM

УДК 39 (470.344)

Yy.ın ilk yarısında Kazan Eyaletinde dünyaya gelen ve yaşamı boyunca Çuvaşları yakından tanıyan V.K.Magnitskiy dinî eğitimini tamamladıktan sonra Çuvaşların geleneksel inançları ve etnografyaları üzerine de araştırmaları yapmıştır. Bu yazıda Magnitskiy'in hayatından, çalışmalarından bahsedilecek ve Çuvaşlar arasından derlediği okuma ve üfleme ritüelleri değerlendirilecektir.

Anahtar Kelimeler: V. K. Magnitskiy, Çuvaş, gelenek, din.

В. К. МАГНИЦКИЙ И ЕГО ЗАПИСИ О ТРАДИЦИЯХ С ДУТЬЕМ В СТАРЫХ ЧУВАШСКИХ ВЕРОВАНИЯХ

АРЫКАН ИБРАХИМ

В статье рассматриваются произведения В. К. Магницкого. Исследованы записи о традициях с дутьем в старых чувашских верованиях. Проанализирован вклад этнографа в изучение отдельных вопросов дохристианской религии чувашей. Исследователь зафиксировал и ввел в научный оборот ценный фактический материал.

Ключевые слова: В. К. Магницкий, чувашаи, традиция, религия.

V. K. MAGNİTSKİY AND HIS RECORDS ON READING AND BLOWING RITUELS IN THE OLD BELIEVES OF CHUVASHES

ARYKAN İBRAHİM

The article deals the works of V. K. Magnitsky are considered; notes on traditions with blowing in old Chuvash beliefs are estimated. The ethnographer's contribution to the study of certain issues of pre-Christian Chuvash religion is analyzed. The researcher fixed and introduced into scientific circulation valuable factual material.

Key words: V. K. Magnitskiy, Chuvash, tradition, religion.

Kazan Hanlığının 1552 yılında Rus Çarlığı tarafından zapt edilmesine kadar olan dönemde Kazan Hanlığı tebaası olarak varlıklarını sürdüren Çuvaşlar bu tarihten itibaren, Hanlık topraklarında yaşayan diğer Türk ve Türk olmayan topluluklarla beraber Rus yönetimine

girmişlerdir [1, s. 43]. Çuvaşların üzerindeki Rus hâkimiyeti bu dönemlerden başlayarak her geçen gün giderek güçlenmiş ve günümüze kadar kesintisiz olarak devam etmiştir. [2, s. 28].

Hâkimiyetleri altına aldıkları Çuvaşları *inorodets* yani *yabancı* olarak niteleyen Ruslar,

kendileri gibi Ortodoks Hıristiyan olmayan Çuvaşlar için vakit kaybetmeden misyonerlik faaliyetlerini başlatmışlardır. Yoğunlukla Türk geleneksel dinî inançlarını sürdüren ve bir kısmı da Müslümanlaşan Çuvaşlar üzerinde bir yandan Hıristiyanlaştırma diğer yandan da asimile politikaları uygulanmaya başlamıştır [2, s. 31].

XVI. yy.dan başlayan Ruslaştırma ve Hıristiyanlaştırma faaliyeti XVIII. yy.da farklı bir boyut kazanmış ve o döneme kadar süren çalışmalarla elde edilen deneyimler sonucunda misyon faaliyetleri bir yönüyle filoloji çalışmaları ile birleşmiş ve Rusça yapılan misyon faaliyetlerinin halkların kendi dilleriyle sürdürülmesi yoluna gidilmiştir. Bunun doğal sonucu olarak da her bir halkın kendi ana dilini daha iyi öğrenilebilmesi için sözlük oluşturma ve gramer yazma hazırlıkları ile çeviri çalışmaları hız kazanmıştır. Özellikle Kazan, Ufa ve Nijniy Novgorod merkez olmak üzere ilahiyat semineryalarında yetiştirilen misyoner-âlim ve vaizler İdil-Ural sahasında yaşayan Rus olmayan halklar arasında görevlendirilmiştir. Bu dönemden itibaren Çuvaşların dilleri, sosyo-kültürel yaşamları, antropolojileri ve Çuvaşlara ait etnografik malzemeler ile ilgili kayıtlar da hızla artmaya başlamıştır. Bu dönemde dilbilgisi kitapları, sözlükler, dinî çeviri metinler, antropolojik ve etnolojik etütler Çuvaş araştırmaları tarihindeki ilk örneklerini vermiştir.

Çuvaşlar arasında misyoner kimliğiyle yaşayan Vasiliy Konstantinoviç Magnitskiy, XIX. yy'ın ikinci yarısında Çuvaşların yanı sıra tüm Orta İdil Bölgesi halkları için yaptığı etnografi, antropoloji, folklor ve diyalektoloji çalışmaları ile öne çıkan bir önemli bilim adamıdır. XIX.yy'ın ikinci yarısında Çuvaşların sosyo-kültürel hayatının pek çok yönüyle kayıt altına alınmasında öne çıkan en önemli isimler arasında yer almaktadır [3, s. 5]; [4, s. 369].

1.0. V. K. Magnitskiy ve İlmî Faaliyetleri:

V. K. Magnitskiy 17 Mart 1839 yılında Kazan Eyaletinin Yadrin ilinin Yadrino köyünde dünyaya gelmiştir. Babası Konstantin Yegoroviç Magnitskiy, Yadrin ilininin Şumatova köyünde rahip olarak çalışmaktadır. Annesi Argafena Vasil'yevna ise Yadrino köyü rahibi V. S. Smelovskiy'in kızıdır. Babası, Çuvaş eğitim

ve kültür hayatının en önemli ismi olan İvan Yakovleviç Yakovlev'in öğretmeni de olmuştur. Magnitskiy'in tamamlamadan bıraktığı otobiyografisinden öğrenildiği kadarıyla ataları da rahip olarak bölgedeki çeşitli kiliselerde görev yapmışlardır [4, s. 369]; [3, s. 6].

Erken yaşlarda babası sayesinde okuma yazmayı öğrenen Magnitskiy, dua kitapları ve ilahiler okuyor aynı zamanda da Latin alfabesini öğrenmek için mesai harcıyordu. 1 Eylül 1848 yılında Çeboksarı Din Okulunda öğrencilik hayatına başladı. 1 Eylül 1854 tarihinden 1857 yılına kadar Kazan İlahiyat Semineryasında öğrenimine devam etti [4, s. 370]. Kazan İlahiyat Semineryasından mezun olan Magnitskiy 1858 yılında ailesinin de müsaadesini alarak Kazan Üniversitesinde Hukuk Fakültesinde öğrenci olmaya hak kazandı. 1858 ve 1862 yılları arasında Üniversite öğrenimiyle meşgul olan Magnitskiy Fakülte'de Rus Edebiyatı dersleri veren V. G. Barrents'in etkisinde kalarak etnografi ve folklor ilimlerine merak salmaya başladı. O dönemlerde yaşadığı bölgedeki etnografik malzemeyi derlemeye başlayan Magnitskiy, ilk makalesi olan "*Jenskiye çuvaşskiyeye şkoli v Yadrinskom uyezde*"yi "Kazanski gubernskih vedomostyah" adlı mecmuada 1861 yılında yayımladı. Rus olmayan halkların bölgedeki eğitimine odaklanan makalesi oldukça dikkat topladı [3, s. 10]. 1862 yılında mezuniyetinin ardından Kazan Adliyesi'nde Sivil Mahkemede yazı işleri memuru olarak göreve başladı. Ardından da 1863 yılından 1877 yılına kadar Çeboksarı'da sulh hâkimliği görevini devam ettirdi. Bu sırada Belovoljsk köyünde yaşamını sürdüren Magnitskiy, Kazan'da yaşayan bilim adamları ile ve özellikle de N. İ. Zolotnitskiy ile ciddi yazışmalar yapıyordu ve topladığı etnografik malzemeyi göndererek onların da değerlendirmelerini alıyordu. Hem arkadaşı hem de öğretmeni olan Zolotnitskiy ile aynı dönemlerde Rus olmayan toplulukların eğitimleri konusunda da tartışmalar yaşamaktaydı ve Zolotnitskiy'in "Çuvaş Kenege (Çuvaş Kitabı)" adlı eserinde yazdığı bir yazıdan dolayı onu şovenistlikle suçluyordu [3, s. 11].

Bu yıllarda yine Çuvaşların ve Rusların folklor ürünlerindeki farklılıkları ortaya koyabilmek adına derleme faaliyetlerine

yoğunlaşan Magnitskiy, yaşadığı bölge ve çevresinden geleneksel inanışlar, deyimler ve atasözleri de tespit ediyordu. Yaptığı derlemelerden bazılarını “*Pesni krestiyan sela Belovoljskogo, Çeboksarkogo uyezda, Kazanskoy gubernii*” adıyla 1877 yılında yayınlamıştı. O zamana kadar yapmış olduğu derlemelerin tümünü bir araya getirme amacıyla olan Magnitskiy bölgenin etnografisi ve folklorüyle ilgili pek çok bilgi ve malzeme içeren çalışmasını 1881 yılında “*Nravı i obiçai v Çeboksarskom uyezde*” adıyla kitaplaştırmıştır.

Magnitskiy’in en önemli eserlerinden biri olan ve 1881 yılında Kazan Üniversitesi Matbaasında basılan “*Materialı k obyacneniyu staroy Çuvaşskoy veri. Sobranı v nekotorih mestnostyah Kazanskoy gubernii*” adlı çalışmasıdır.

1.1. V. K. Magnitskiy’in “*Materialı k obyacneniyu staroy Çuvaşskoy veri. Sobranı v nekotorih mestnostyah Kazanskoy gubernii*” Adlı Çalışması Üzerine:

Magnitskiy, adı geçen çalışmada genel olarak Hıristiyanlık dışı Çuvaş inançları üzerinde yapılmış olan derlemeleri değerlendirmek suretiyle Çuvaşların günlük hayatlarında yerini bulan bazı ayinleri, Çuvaş Bayramlarını, duaları ve okumaları kayıt altına almaya çalışmıştır. Özellikle Çuvaşlardaki bayram adetleri, kurban ayinleri, Çuvaşların günlük hayatlarında okudukları dualar, bazı hastalıklar ve bunların tedavi yöntemleri, çeşitli durumlarda uygulanan okuma-üfleme ritüelleri, bazı anma törenleri, geçiş ritüelleri gibi konular başlıklar halinde ve örneklerle incelenmiştir. Magnitskiy, kitabının giriş kısmında Çuvaşların geleneksel inançlarını ve buna bağlı olarak da yaşamlarını şekillendiren dört temel unsur olduğunu belirtmektedir:

- 1- Tarım ve diğer iktisadî teşebbüslerle ilgili konular
- 2- İnsanların ve evcil hayvanların hastalıkları ölümleri
- 3- Doğumlar
- 4- Evlilikler

Bunların yanı sıra özellikle Çuvaşlardaki “kiremet” ve “yomzya”lar (*yumsa-yumsa*) üzerinde durulacağını ve bu konular ile ilgili açıklamalar yapılacağını da bildirmiştir. Magnitskiy eserinde kullandığı malzemenin

Çeboksarı’nın doğu yakasındaki bazı bölgelerden Çuvaş öğretmenler tarafından kendisi için toplandığını, bu derlemeleri yapan öğretmenlerin adlarını belirterek ifade eder. Ayrıca Magnitskiy’in verdiği bilgilerden, yapılan derlemelerin yayına hazırlandığı sırada hem N. İ. Zolotnitskiy hem de Kazan merkezli misyoner ekolünün en önemli isimlerinden olan İslam karşıtı Misyoner Komisyonu Üyesi ve Misyoner Yurdu Müdürü E. A. Malov tarafından da redakte edildiği anlaşılmaktadır [6, s. IV].

Bildirimizin esas konusunu teşkil eden okuma-üfleme ya da üfürükçülük ile ilgili Magnitskiy’in kayıtlarına geçmeden önce Çuvaşlar arasında üfürükçü (*věruçı*) olarak bilinen şahısların esasında bu işte uzman *yumsalar* olduğunu belirtmek gerekir. Doğu Avrupa sınırlarından başlayarak Pasifik Okyanusuna kadar uzanan topraklarda ve özellikle Türk, Mongol, Mançu-Tunguz halklarının yanı sıra Fin-Ugor topluluklarında da görülen *kam* ve *şamanlar* Çuvaşlar arasında *yomza*, *yumza*, *yomaş* adlarıyla bulunmuşlardır [5, s. 11].

Magnitskiy, Çuvaş yumsaları hakkında yaptığı genel bir girişten sonra XIX.yy’ın son çeyreğinde Çuvaşistan’da Türlemensk ve Attikov kiliselerine bağlı köylerde tespit edilen yumsaların isimlerini ve hangi işlerde uzman olduklarını da kaydetmiştir. Buna göre Türlemensk Kilisesine bağlı Maslovoy Kiv-Yal’ta 11, Şinças’ta 5, Vatner’de 3, Tuganaşev’de 2, Murgar’da 2; Attikov kilisesine bağlı köylerden Attikov (Purtas)’ta 7, Yumaşev’de 2, Kovaley’de 2, Toşkil’de 2, Kivë Viryener’de 2, Kızılyar’da 5 olmak üzere toplamda 43 yumsa bulunduğu tespit edilmiştir [5, s. 12-15]. Bu yumsalar; *var puzagan* (karın masajı yapan), *ujutma*, *sivetme bilegen* (insanlar arasında (duygusal) ısınma ve soğuma için dualar eden), *aça erek işme bragtaragan* (çocuklara alkolü bıraktıran), *togatmuş* (cadı, büyücü), *koş pıgagan* (göze bakarak kader okuyan), *yıye çilgi bilegen* (felçlilere okumayı bilen), *aça tudaragan* (doğumu kolaylaştıran), *uy çüğe tudaragan* (kır kurbanı yaptıran), *ıra ozal kuraşşine bilegen* (iyi-kötü sonucu bilen), *ala tamar tıdagan usta* (damar tutarak tedavi etmeyi bilen), *ala tamar tıtsa bilegen*, *min malaşne ira ozal korassine* (el damarı tutarak gelecekte iyi-kötü olacak olayları

bilen) kişiler olarak kaydedilmiştir [5, s. 12-15].

Magnitskiy tarafından isim isim kaydedilen yumsaların her biri farklı uzmanlıklara sahip olabilirken bir yumsa birden fazla ustalığı da kendinde bulundurabilmektedir. Mesela Türlemis Kilisesine bağlı Kiv-yal'dan Tatyana Appa için Magnitskiy “üfürükçü, kırıkçı-çıkıkçı, karna masaj yapan, ısıtma-soğutma (sevilik) bilen, çocuklara alkol kullanmayı bıraktıran” gibi kayıtlar tutmuştur [6, s. 12].

2.0. Magnitskiy Tarafından Tutulan Kayıtlarda Virüsse (vērūčē) “Üfürükçü”ler:

Asıl konumuz olan ve Magnitskiy tarafından Virüsse (vērūčē) “üfürükçü” olarak tanımlanan yumsaların genel olarak sağaltıcı ve büyücü gibi rollerinin olduğunu yine Magnitskiy tarafından verilen örnek metinlerden anlayabilmekteyiz. Üfürükçü olarak isim verilen bu yumsaların da farklı durumlarda halka yardım etmek için dua metinlerine benzeyen ve kalıp ifadeler ihtiva eden metinleri hastaya yahut yardım isteyen kişinin üzerine okudukları ve her cümlenin sonunda da o dileğin gerçekleşmesi ve ağızdan çıkan kelimelerin etkisinin karşılıkine geçmesi için üfürdükleri görülmektedir. Magnitskiy üfürükçü yumsaların aşağıdaki durumlarda koruyucu veya tedavi edici okumalarla tedavi yaptıklarını bildirmektedir:

“Vupkän (Kötü Ruh) Okumaları; Cin, Peri, Şeytan Okumaları, Kolaylık için Okuma, Yara (sızı) İçin Okumalar, Yılan Zehrine Karşı Okuma, Ani Karşılaşılan Hastalık İçin Okumalar, Atı-İnsanı Koruyan Okumalar” [5, s. 143-155].

2.1. Yol Uğursuzluğu Okumaları (Съоль хаяре чильги):

Yol uğursuzluğu için okunan dualar, Çuvaşların evden ayrılarak uzun sürecek bir yolculuğa çıkacakları zaman yumsaya ihtiyaç duymadan bizzat kendileri tarafından okunabilen dualardır. Uzun yola gidecek olan kişi köyün çıkışına ya da sınırına yaklaştığında cebinden metal bir para çıkartır ve onu üç kere başının üzerinde çevirerek: “Terslik uğursuzluk bunu alıp kalın, benimle birlikte gitmeyin, bu parayla yaşayın” der ve parayı yolun sağ tarafına fırlatır [5, s. 143].

2.2. Vupkın Okuması (вопкын чильги):

Çuvaşların sıklıkla karşılaştıkları hastalık durumlarında yumsalar tarafından yapılan bir ritüeldir. Hasta kişiye yumsa: “Sana Vupkın saldırmış, eğer okunursan düzelirsin” der. Bunun üzerine yumsa hastaya bir leğen veya kovayla su verir ve suyun içine bir tutam tuz atar ve suyu karıştırmaya başlar bir taraftan da şunları söyler:

“Ya Bismillah! Bir Tanrı bırakma! Tüf! Tanrıdan rahmet gelsin, devletten iyilik gelsin, yumsaların, üfürükçülerin faydaları değsin! Tüf! Çık Vupkın (kişi adı), midesini ağrıtırıp bulandırıp gezinme! Tüf! Okyanusa denize, İdil’e, ormana, taşa, ateş yalımına, dumana, aya, güneşe, yıldızlara Vupkın müptela oldu, bunun kadar (kişi adı) Vupkın müptela olsun, Tüf! Padişah oturur, yargıç oturur, güneş oturur, ay döner, gün döner. Vupkın sen de bunlar gibi dönerek kütük içine gir! Tüf!”

Bu sözlerin ardından yumsa hastayı önündeki tuzlu suyla yıkar ve “Suyla yıkayıp temizleyip gönderdim, temizlen! Çık Vupkın (kişi adı) içinden, üstünden, boyundan posundan, başından gözünden, gürültüsünden patırtısından! Tüf Tüf Tüf! [5, s. 144-145] der.

2.3. Cin, Peri, Kötü Ruh Okuması (ийэ, вубур, шадын чильги):

Bir sıkıntıyla yumsaya giden hastaya yumsa “sana cin / peri / kötü ruh musallat olmuş, okuyunca düzelirsin, ben okuma üflemede ustayım” der. Gerekli okumaları yapmadan önce hazırlıklara başlayan yumsa öncelikle hastayı yere oturtur, ikonu diker, başı kapıya dönük olarak çevresine yamıca bir madde döker ve bir kibritle tutuşturur. Kendisi de bir tabureye oturarak şu duayı okur:

“Ya Bismillah! Bir Tanrı bırakma! Tüf! Tanrıdan rahmet gelsin, devletten iyilik gelsin, yumsaların, üfürükçülerin faydaları değsin! Tüf! Çık cin, çık peri, çık kötü ruh! Sizi çıkarmaya geldim! Tüf!” der.

Arkasından hastaya kamçıyla vurarak:

“Ev cini, perisi, kötü ruhu çıkın!

Banyo cini, perisi, kötü ruhu çıkın!

Tarla cini, perisi, kötü ruhu çıkın!

Ay cini, perisi, kötü ruhu çıkın!

Orman cini, perisi, kötü ruhu çıkın!

Değirmen cini, perisi, kötü ruhu çıkın!

Yol cini, perisi, kötü ruhu çıkın!

Ova cini, perisi, kötü ruhu çıkın!
Su cini, perisi, kötü ruhu çıkın!
Kırk bir defa eğiyorum, kırk bir çeşit ateşle yakıyorum, Tüf!” der.

Sonra da hastayı yıkamaya başlar ve şöyle der:

“Tüf! Üç çeşit kötülükler çıkın! Size emrediyorum, 41 çeşit deniz suyu getirdim bununla yıkayıp temizliyorum. Tüf!”

Daha sonra yumsa hastanın başından 41 kez su dökerek hastayı yıkayıp temizler [5, s. 146-148].

2.4. Kolaylık Okuması (Съумулук чильги):

Hastalığı sebebiyle yumsaya müracaat eden kişinin hastalığını ve ağrılarını hafifletmek amacıyla yumsa bir kova veya leğen içine tuzlu su hazırlar ve şunları söyler:

“Ya Bismillah! Bir Tanrı bırakma! Tüf! Tanrıdan rahmet gelsin, devletten iyilik gelsin, yumsadan, üfürükçüden fayda değsin! Tüf! Bu insanı kolaylat rahatlat, pamuğun rüzgârla uçuştığı gibi kendisi de uçup gitsin, Tüf! Öylece hastalığı da kendi kendini rahatlat. Tüf! Padişah oturur, yargıç oturur, güneş oturur, ay döner, gün döner. Tüf! Faydalı Olsun.”

Okuması bitince yumsa bu duaların okunduğu su ile hastayı yıkar ve onu gıdıklayarak güldürmeye çalışır. Gıdıklanan hastanın gülüp zıpladıktan sonra iyileştiği, tedavi olduğu kabul edilir [5, s. 148-149].

2.5. Çıban- Yara Okuması (Соран чильги):

El ve ayakta oluşan çıbanlar sebebiyle yumsaya gidildiğinde öncelikle tedaviye giden kişi “Benim üstümde çıban çıktı. Hemen üfleyp bak!” der.

Bunun üzerine yumsa bir miktar bal veya yağ alır, sonra şunları söyler:

“Ya Bismillah! Bir Tanrı bırakma! Tüf! Tanrıdan rahmet gelsin, devletten iyilik gelsin, üfürükçülerin faydası değsin! Tüf! Demir tabure, tahta tabure, altın tabure, bu taburenin ayakları

kırılıp yaralı / çıbanlı olacaklar, bunun gibi (kişi adı) yaralı/çıbanlı ol! Tüf!”

Daha sonra yumsa elindeki balı veya yağı hasta olan bölgeye sürer ve ardından:

“Şifa olsun, fayda olsun, kabarık yer düzleşsin (pürüzsüzleşsin) der.” [5, s. 149-150]

2.6. Yılan Okuması (Съулень чильги):

Yılan sokmasına karşı yapılan okumadır. Yumsa okumaya başlamadan önce kova yahut leğen içinde su ve tuzu hazırlar sonra da okumaya başlar:

“Ya Bismillah! Bir Tanrı bırakma! Tüf! Tanrıdan rahmet gelsin, devletten iyilik gelsin, yumsaların, üfürükçülerin faydası değsin! Tüf! Çık yılan acısı (zehri)! Seni çıkarmak kovmak için toplandık: yılan padişahı, yılan babası annesi, yaşlıları, yumsa ve üfürükçü geldi, üfürüyorum, tükürüyorum, Tüf! Çık yılan acısı (zehri): kara yılan zehri, ak yılan zehri, sarı yılan zehri, alaca yılan zehri, tüy yılanı zehri, karın başlı yılan zehri, duman renkli yılan zehri. Çık! Tüf! Denizden öte, İdil’den öte, kuvvetli yaşlı geldi üfürüyor, tükürüyor üstüne, çık yılan zehri bu (kişi adı): derisinden, iliğinden, gövdesinden, başından gözünden çık Tüf! Çık yılan zehri! Padişah oturur, yargıç oturur, güneş oturur, ay otur yerine! Yarasız olsun bu (kişi adı)! Tüf! Tüf! Tüf!”

Okumanın arkasından yumsa hastayı hazırladığı su ile yıkar [5, s. 150].

2.7. Ani Karşılaşılan Hastalık Okuması (Хирсь Вурьинны чильги):

Bu okumalar yolda karşılaşılan hastalıklar içindir. Bu durumda yumsa davet edildiğinde hastanın başında ekmeği birkaç parçaya böler ve hastanın başının çevresinde dolandırarak şöyle der:

“Ölüyü diriyi kutsayın! Mezar başı, mezar hâkimi kutsasınlar. Yol ölüsü kutsayın! Bölge ölüsü kutsayın! Orman ölüsü, ova ölüsü kutsasınlar! Bunu yiyip içip gidiniz! Tuzağı, yakalanana, burada tutup yakalayıp, gidin!”

Arkasından yumsa kovadan su alarak hastanın başından döker ve şunları söyler:

“Berrak su gibi arınıp git! Temiz su gibi

temizlenip git (kişi adı)! Önünde durmayın! Kötü varlıklar nerede izniniz varsa oraya gidin!” [5, s. 152]

2.8. Atı ve İnsanı Muhafaza Okuması (Лашана ссынна толлаган чильги):

Yumsa yolda yaşanabilecek kötü ve zarar verici karşılaşmalar gerçekleşmesin diye bu okumaları yapar. Yumsa yaklaşan tehlikeyi görebilmek için bir taşa parmağıyla dokunur ve şunları söyler:

“Ne zaman bu iki yüz putluk taş kendi yerinden hareketlenip gitmişse, bunun gibi sen yerinden hareketlenip git! Tüf.”

Bunları söyleyen yumsa arkasından bir parça kamyş alarak devam eder:

“41 parçaya ayırıp bozuyorum. Tüf! Ne zaman su tersine akmışsa, o zaman olduğun yerden git! Tüf! 41 çeşit dille üfürüyorum. Ne zaman güneş ters gittiyse o zaman olduğun yerden koşup git! Tüf! Ne zaman İdil’den elinle su taşıyıp içersin, o zaman kalkıp git. Tüf! Tüf! Tüf!” [5, s. 153].

2.9. Isıtan Okuma (Уштаган Сумак)

Maslovoy Köyü civarında yaşayan Çuvaşlar arasında görülen bu ritüeller karı-koca ilişkisini sıcaklaştırma, karı-kocayı yakınlaştırma, heyecanlandırma veyahut çiftleri birbirinden soğutarak uzaklaştırma amacıyla kullanılmaktadır. Bunlardan çiftleri birbirine yaklaştırıp heyecanlandırmak için kullanılanlarına ısıtan okuma (Уштаган Сумак), soğutanlara ise soğutan okuma (сыведэгэнь Сумак) denmektedir.

İki kişinin arasını ısıtmak için yapılan uygulamada dulavrat otu kendini eşine ısıtmak-sevdirmek isteyen kişi tarafından koltukaltında eve götürülür ve bir parçası kadının ya da erkeğin ya da her ikisinin uyurken başının altında kalacak şekilde yerleştirilir ve şu sözler söylenir [5, s. 154]:

“Nasıl ki güneş batarsa, öylece güzel görüneyim (kişi adı) gözüne. Nasıl ki sobadan ateş yanıp her yeri ısıtır, öylece (kişi adı) ısınsın yanıma. Nasıl ki bal etrafına karafatmalar sinekler toplar, öylece benim etrafımda (kişi

adı) koşuşup gezinsin. Tüf!”

2.10. Soğutan Okuma (Сыведеген сумак)

İki insanı birbirinden soğutmak ya da bir kişiyi kendinden soğutmak için söylenen bu sözler için Magnitskiy herhangi bir ön hazırlıktan bahsetmemektedir. Buna göre soğutma okuması için söylenen metin şu şekildedir:

“Nasıl ki deniz yüzeyinde soğukluk var öyle bu insan (kişi adı) soğusun. Nasıl ki deniz yüzeyinde soğukluk var öyle (kişi adı) (kişi adı) dan soğusun. Nasıl ki kurttan, ayıdan korkuyorsa öylece korksun (kişi adı) (kişi adı)dan. Nasıl ki ormanda ovada yılandan korkuyorsa insan, öylece (kişi adı) (kişi adı)dan korkup dönerek bakmadan yürüsün! [5, s. 155].

3. Sonuç

V. K. Magnitskiy tarafından XIX.yy’ın son çeyreğinde yapılan derlemelere dayalı olarak yayımlanan ve o zamana kadar Çuvaşların geleneksel inançları ile ilgili yapılmış olan çalışmalarda yumsaların ilgilendikleri özel konularla ilgili olarak kayıtlar sunan ilk çalışma olması bakımından “*Materialı k obyacneniyu staroy Çuvaşskoy veri. Sobranı v nekotoryh mecnostyah Kazanskoy gubernii*” oldukça önemlidir.

Bildirimizde konu olarak ele aldığımız üfürükçü yumsalar ve bunların tedavi ritüelleri sırasında okudukları metinler de pek çok yönden dikkat çekici özellikler taşımaktadırlar:

1- Yumsaların ritüelleri sırasında okudukları metinlerde İslamî inanç ve geleneklerin etkisi açıkça görülmektedir. Dua metinlerinin giriş kısmında görülen *besmele çekme* ve *bir olan tanrıya sığınma* ifadeleri geleneğe etkisinde söylenen sözcükler olarak anlaşılabilirse de misyon faaliyetinin yaygın olarak uygulandığı ve Hıristiyanlığın hızla yaygınlaştığı dönemlerde Çuvaş kültürel hayatında dikkat çekici bir unsur olarak karşımıza çıkmaktadır.

Ayrıca her bir ritüel metninin içinde zikredilen *bir olan tanrıya sığınma* ibarelerinin Hıristiyanlıktaki teslis yani “baba, oğul ve kutsal ruh” inancından uzak olduğu da göze çarpmaktadır.

2- Aynı metinlerden hareketle Çuvaşların o dönemde evreni algılayış biçimleri hakkında

bilgi edinmek de mümkündür. Mesela, ayın döndüğü ama güneşin dönmeden sabit durduğu üfürükçülerin dua metinlerinin son kısımlarında geçmektedir.

3- Çuvaş üfürükçü yumsalarının toplumsal hayatta yaygın bir şekilde var olduğunun görülmesine karşın Timofeyev'in "Tăxăr Yal" adlı eserinde Çuvaşların çocukları hastalandığında veya nazar değdiğinde Tatarlara götürüp okutturdukları bilgisini vermesi [6, s. 23] de oldukça dikkat çekmektedir. Bu bakımdan aynı döneme ait farklı misyonerlerin kayıtları tetkik edilerek konunun farklı yönleriyle irdelenmesi sağlanabilir.

4- Magnitskiy tarafından üfürükçü yumsaların ritüelleri arasında verilmiş olsa da "Yol sıkıntılarında korunmak için okumalar" ile "ısıtma ve soğutma okumaları"nın herhangi bir yumsaya ihtiyaç duyulmadan kişi tarafından uygulanabildiği görülmektedir.

Kaynaklar

- [1] NİKOL'SKİY, N. V. (2004). Kratkiy konspekt po etnografii çuvaş. N. V. Nikol'skiy içinde, *Sobraniye soçineniy*. Çeboksarı: Çuvaşskoe Knijnoe İzdatel'stvo.
- [2] ARIK, Prof. Dr. Durmuş (2012). *Hristiyanlaştırılan Türkler Çuvaşlar*. Ankara: Berikan.
- [3] İVANOV, V. P. (1989). "Jizn i deyatel'nost' V. K. Magnitskogo". P. P. Fokin içinde, *V.K. Magnitskiy issledovatel' kul'turı i bita çuvaşey* (s. 5-28). Çeboksarı: Nauçno-issledovatel'skiy institut yazıka, literaturı, istorii i ekonomiki pri Sovyete Ministrov Çuvaşskoy ASSR.
- [4] M. F. ÇERNOV, & Y. S. SİDOROVA içinde (1974). "V. K. Magnitskiy kak fol'klorist (k 135-letiyu so dnnya rojdeniya)". Çuvaşskiy yazık, literatura i fol'klor sbornik statey vıpusk 4 (s. 369-375). Çeboksarı: Nauçno-issledovatel'skiy institut yazıka, literaturı, istorii i ekonomiki pri Sovyete Ministrov Çuvaşskoy ASSR.
- [5] MAGNİTSKİY, V. K. (1881). *Materialı k obyasneniyu staroy Çuvaşskoy veri. Sobranı v nekotorih mestnostyah Kazanskoy gubernii*. Kazan': Tipografiya İmperatorckago Universiteta.
- [6] TİMOFEYEV, G. T. (2002). *Tahar Yal*. Şupaşkar: Çavaş Keneke İzdatelstvi.

РЕЦЕНЗИЯ

«Ясашные иноверцы» Хакасско-Минусинского края и их традиционная жизнедеятельность в условиях многоданничества

(Рецензия на книгу Е. В. Самриной «Хакасско-Минусинский край в XVII-XVIII вв. (Трансформация традиционной жизнедеятельности хакасов). / Махачкала, 2015. 246 с.)

Присоединение Русским государством колоссальных территорий в Сибири, начиная с XVI в., инкорпорация многочисленных народов и племен с различным хозяйственным и культурным укладом жизни в его составе всегда вызывала большой интерес в отечественной и зарубежной историографии. Из последних работ следует назвать труды В. Н. Асочаковой (в аспекте христианизации), Е. П. Ковалешкиной (с точки зрения решения «инородческого вопроса» в государственной политике Российской империи), В. К. Чертыкова (в контексте изучения межгосударственных взаимоотношений России и центральноазиатских держав), Л. И. Шерстовой (в ракурсе этно-политических процессов) и др. В 2015 г. вышла в свет новая монография хакасского исследователя Е. В. Самриной, посвященная одному из перспективных аспектов данной проблемы. Речь идет о судьбе традиционного хозяйственного комплекса этнических групп Хакасско-Минусинского края в условиях русской колонизации, проходившей в соперничестве с джунгарами и восточными монголами. Эта историческая особенность в историографии (С. В. Бахрушин, В. Я. Бутанаев, В. Г. Карцов, Л. П. Потапов и др.) давала весьма разнообразный и противоречивый материал для исследований.

Автор выделила целый ряд локальных вариантов ХКТ: «пешие охотники и рыболовы таежной зоны (кузнецкие и абинские татары, чулымские турки), скотоводы (кыргызы и тубинцы), скотоводы и земледельцы (сагайцы и бельтиры, качинцы)», а также охотники и оленеводы (камасинцы, маторы, койбалы, конные кашинцы) и, занимавшиеся кроме того рыболовством котты, асаны, арины, кайдынцы, байкотовцы (с. 10-11). Существовавшие отношения кыштымства (даннической зависимости) и необходимость взаимовыгодного

обмена между кыргызами (правлящей этнической группой) и многими другими группами региона привели к сложению уравновешанной комплексной системы хозяйства. Она существовала с древнейших времен до прихода русских в XVII в. (с. 12).

Интерес представляет специальный раздел, посвященный экономической обусловленности института кыштымства (с. 25-35). Вслед за Л. И. Шерстовой автор пришла к выводу о щадящем, не нарушавшем традиционный баланс жизнеобеспечения населения ХМК, режиме кыштымства. Все эти сюжеты нашли содержательное отражение в первой главе книги.

Стройностью и убедительностью аргументов отличается также вторая глава о ясачной политике Русского государства в ХМК в XVII-XVIII вв. Заслуживает особого внимания постановка данной проблемы в контексте евразийской традиции дарообмена (с. 40-45). Разночтения в понимании ясака то, как разновидности меновой торговли, то, как дани побежденных победителю становились нередко причиной недоразумений и военных столкновений. Для нас якутоведов особенно важны также те материалы, которые характеризуют деятельность первых отрядов служилых людей, собиравших ясак не только в ХМК, но и в Якутии. В частности, в рассматриваемых событиях заметную роль сыграл атаман Иван Галкин, посылавшийся из Енисейского острога как в ХМК, так и в земли якутов. Уже к началу XVII в. население ХМК попало в сферу влияния сразу нескольких конкурировавших государств. Более того, среди самих служилых людей также происходило соперничество за приоритет взимания ясака. Таким образом, население ХМК оказалось вовлеченным в длительный период конфликтов и столкновений, которые перераста-

ли в полномасштабные боевые действия. Разгоряченные частыми схватками и в погоне за ускользавшей добычей отряды казаков, по-видимому, особо не задумывались, быстро переходя из лесо-степей ХМК в бассейн реки Лены о различиях между местным населением этих регионов. Так, названный атаман Галкин, очевидно, раздосадованный поражением от тубинцев в 1630 г. (с. 68), уже в 1631 г. совершил рейд по якутским улусам, многие из которых, судя по имеющимся документам, были подготовлены добровольно уплачивать ясак. Но насилия и бесчинства галкинского отряда вызвали достаточно организованное и активное сопротивление якутских князцов, в том числе «лутчего тайши» кангаласцев Тыгына Мындякова¹.

Отношения кыргызов к ясаку (с. 68-71) и многоданничество (с. 77-86) стали самыми драматичными и основополагающими особенностями ясачной политики Русского государства. По-видимому, они предопределили дальнейшие события. Это и колебания, и лавирования кыргызской знати, лишения и тяготы ясачного населения, сложные перипетии русской дипломатии.

Деструктивным социокультурным факторам посвящена отдельная третья глава рецензируемой монографии (с. 122-175). Если военные действия в связи с колебаниями численности населения региона и вопросы ассимиляции ранее получили детальное освещение в историографии, то проблемы рабства (ясыр) и аманатства в данной главе раскрыты с точки зрения последствий для социокультурной адаптации в условиях иноязычной чуждой среды. В частности, уделяется пристальное внимание судьбе аманатов из родственного круга известного князя Иренака Ишеева.

Самым весомым вкладом в отечественную науку следует назвать разработку непосредственных последствий событий XVII-XVIII вв. для традиционной жизнедеятельности населения ХМК в четвертой главе книги.

¹ Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII-XVIII вв. Якутск, 1945. С. 277; Иванов В. Н. Якутия в составе Русского государства (XVII век). Якутск, 2002. С. 45-49.

На основании обширного корпуса источников автор пришел к главному выводу своего исследования – о глубоком социально-экологическом кризисе в регионе. Выявлены основные факторы, обусловившие кризис: «разрушение традиционных социальных и экономических отношений; переориентация системы жизнеобеспечения на охотничий промысел; истощение биологических ресурсов; потеря охотничьих угодий, сужение жизненного пространства» (с. 227). Перед нами один из крайних примеров, когда комплекс неблагоприятных факторов привел к многочисленным негативным последствиям. Прежде всего, следует признать одним из таких факторов буферный характер географического положения ХМК между несколькими сильными государствами. Важную роль, по-видимому, сыграли просчеты организации регионального управления. Полиэтнический состав и мультикультурный характер населения усложнял, безусловно, ситуацию и требовал от правительства больших усилий, а также привлечения значительно более широкого спектра методов проведения фискальной политики.

В последние годы ведутся аналогичные исследования и в других регионах, в частности, в Западной и Юго-Восточной Сибири. На наш взгляд, перспективным является проведение сравнительно-исторических исследований, которые позволили бы выявить общее и особенное в схожих, казалось бы процессах. В якутской историографии, к сожалению, имеется отставание в данном направлении исследований. Все проблемы по-прежнему сводятся к выяснению политических аспектов вхождения/присоединения региона к Русскому государству. Между тем, как продемонстрировало исследование Е. В. Самриной, источники позволяют рассматривать гораздо более широкий круг исторических аспектов. Хотя в советской историографии Якутии (С. В. Бахрушин, С. А. Токарев, Г. П. Башарин, В. Н. Иванов, А. С. Парникова и др.) в свое время целый ряд схожих проблем был сформулирован: о последствиях миграций, социокультурных трансформациях, истощении промыслов, изменении видового состава скотоводства, некоторых историко-демографических тен-

денциях и т.д. Новизной рецензируемой работы является комплексность и всесторонность рассмотрения, ранее изучавшихся вопросов, но с точки зрения критики политики царского правительства. Автору удалось преодолеть эту односторонность. Характер разработанных и привлеченных исследователем многочисленных и разнообразных источников (см. Список на с. 231-235) позволил взглянуть на историческое прошлое не только глазами составителей официальных документов, но и сторонних наблюдателей (путешественников, чиновников, священнослужителей), представителей местного населения (национальной интеллигенции), на основании массовых ста-

тистических и других источников. Несмотря на значительные негативные последствия событий XVII-XVIII в. был сделан вывод о «политическом и социальном равноправии» «ясашных иноземцев/иноверцев» (с. 230).

Таким образом, перед нами капитальный труд, вносящий значительный и весомый вклад в современную историографию. Открываются новые перспективы дальнейших исследований.

*А. А. Борисов, главный научный сотрудник
Института гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО
РАН, (г. Якутск), доктор исторических наук.*

ПЕРСОНАЛИИ

ТУГУЖЕКОВА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА (К 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ)

Валентина Николаевна Тугужекова – известный в России и за её пределами учёный, доктор исторических наук, профессор, директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, Заслуженный деятель науки Республики Хакасия, основатель научной школы по проблемам новейшей истории Южной Сибири.

В. Н. Тугужекова родилась в с. Фыркал Ширинского района Хакасской автономной области 10 ноября 1948 г. После окончания биолого-химического факультета Абаканского государственного педагогического института в 1972–1974 гг. работала лаборанткой в гистологической лаборатории областной больницы. В течение 10 лет возглавляла лекторскую группу Хакасского обкома комсомола.

Валентина Николаевна начала свою научно-педагогическую деятельность в 1984 г. ассистентом кафедры истории КПСС и научного коммунизма. В этом же году она поступила в аспирантуру Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцен по специальности «История» и досрочно защи-

тила диссертацию по теме: «Комсомол – помощник партии в восстановлении и развитии народного хозяйства СССР в 1946-1950 гг. (на материалах Горно-Алтайской, Тувинской и Хакасской автономной областей)». Научным наставником был известный в России специалист по отечественной истории, историографии и социальной истории, профессор Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена Аркадий Яковлевич Лейкин.

После окончания аспирантуры с 1987 по 1992 гг. В. Н. Тугужекова работала старшим преподавателем кафедры истории КПСС и научного коммунизма Абаканского государственного педагогического института. Через 5 лет после защиты кандидатской диссертации она опубликовала монографию под названием «Южная Сибирь: послевоенная 1945 – 1965 гг.», и в 1993 г. успешно защитила докторскую диссертацию по теме «Социально-экономическое и культурное развитие автономий Южной Сибири в послевоенные годы (1945 – 1965 гг.)». Эти работы были посвящены проблемам формирования местной

промышленности Хакасии, Тувы и Горного Алтая, изменению структуры промышленного производства в Сибири и формированию национальных кадров в ведущих отраслях народного хозяйства Южной Сибири. Автор выявил особенности развития национальной культуры.

После окончания докторантуры Гуманитарного центра Российской академии управления В. Н. Тугужекова продолжила работу в АГПИ (с 1994 г. ХГУ им. Н. Ф. Катанова) доцентом кафедры истории и политологии, заведующим кафедрой, профессором кафедры отечественной истории, государства и права и проректором по научной работе. Будучи проректором по научной работе, в 1995 г. Валентина Николаевна стала инициатором создания и организатором аспирантуры ХГУ им. Н. Ф. Катанова.

Большая часть творческих и жизненных устремлений В. Н. Тугужековой воплотилась в научной школе по проблемам новейшей истории Южной Сибири. Под её научным руководством защитили диссертации на соискание ученой степени кандидатов исторических наук 24 аспиранта и соискателя по специальности «Отечественная история», докторантуру окончили 3 человека. В 2017 г. под научным руководством В. Н. Тугужековой была защищена докторская диссертация Е. П. Мамышевой «Исторический опыт национально-государственного строительства в Южной Сибири в 1917 – 1941 гг.». В 2018 г. научная степень доктора исторических наук была присуждена С. В. Леончику на основании заключения научного совета Гуманитарного факультета Университета имени Яна Кухановского в г. Кельце. В. Н. Тугужекова являлась научным консультантом диссертанта.

Валентина Николаевна является профессором кафедры истории России ХГУ им. Н. Ф. Катанова, преподаёт дисциплины «Актуальные проблемы новейшей истории Хакасии», «Этнополитические процессы в Республике Хакасия», руководит дипломными и курсовыми работами. Под её руководством защитили дипломные работы более 100 выпускников ХГУ им. Н. Ф. Катанова. В. Н. Тугужековой опубликовано более 400 научных

и 300 научно-популярных статей. Она является автором свыше 40 монографий, брошюр и учебных пособий.

С 1998 г. Валентина Николаевна возглавляет Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Благодаря её деятельности, институт успешно работает и развивается. Валентине Николаевне принадлежит заслуга в организации совместных исследований института с ведущими российскими и зарубежными гуманитарными центрами: Институтом востоковедения РАН, Институтом этнологии и этнографии РАН, Институтом языкознания РАН, Институтом истории СО РАН, Институтом археологии СО РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН, Институтом филологии СО РАН, Казанским государственным университетом, Финским обществом по изучению первобытного искусства, Тюркологическим институтом Стамбульского государственного университета, Анкарским университетом, Культурным фондом гималайских исследований, Институтом этнической литературы Академии общественных наук Китая, Музеем доисторической антропологии Княжества Монако и др. Благодаря инициативе В. Н. Тугужековой, ХакНИИЯЛИ является коллективным членом Российского общества востоковедов, Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства.

Много сил и времени В. Н. Тугужекова отдаёт научно-организационной деятельности. Она была членом Диссертационного совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук при Красноярском государственном педагогическом университете по специальности «Отечественная история», Регионального совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук при ХГУ им. Н. Ф. Катанова по специальности «Отечественная история».

В сферу научных интересов В. Н. Тугужековой входит широкий спектр проблем по отечественной истории: современное развитие коренных этносов России, социально-экономическая и политическая история национальных регионов Южной Сибири, адаптация народов Сибири к природным, тех-

ногенным и социальным трансформациям, межнациональные отношения, сохранение, развитие и изучение культурно-исторического наследия Саяно-Алтайского региона.

В. Н. Тугужекова участвует в проектах Российской академии наук по проблемам адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни, этнорегиональных моделей адаптации населения в условиях трансформирующего общества. Она является автором ряда коллективных трудов, информационных бюллетеней о степени адаптации и факторам адаптационного поведения основных этнических групп Республик Тыва, Хакасия, Горный Алтай к новым условиям жизни по материалам этносоциологического исследования. В своих исследованиях Валентина Николаевна обращает внимание на роль миграции в формировании населения Южной Сибири, а также процессы адаптации населения Хакасии в постсоветский период. В. Н. Тугужекова исследует демографические проблемы: численность населения, его занятость, социальные болезни, материальное положение населения Хакасии.

В последние годы Валентина Николаевна уделяет большое внимание проблемам хакасского народа, национальной культуры, межнациональных отношений в Хакасии и родовому движению. Она одной из первых в регионе стала изучать вопросы о состоянии здоровья хакасского этноса и подняла проблему суицида среди коренного населения Южной Сибири.

Большое место в жизни профессора В. Н. Тугужековой занимает общественная деятельность, она является действительным членом Академии социальных наук Российской Федерации, членом Избирательной комиссии Республики Хакасия, ряда общественных организаций. Она является участником науч-

но-просветительских экспедиций по Горной Шории, Тыве, Алтаю и Монголии. Неоднократно ее избирали членом «Чон чобі» (Исполнительный орган съезда хакасского народа). В. Н. Тугужекова была делегатом съездов хакасского народа, Конгресса тюркских народов России, съезда народов Южной Сибири, делегатом Российского Сибирского Народного Собора.

За вклад в развитие науки в Хакасии и подготовку научных и научно-педагогических кадров Республики Хакасия и Тывы её наградили Почётной грамотой законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени». В 2010 г. Правительством Республики Хакасии научной школе профессора В. Н. Тугужековой присвоен статус «Научной школы Республики Хакасия».

В декабре 2010 г. Правление Международного общественного фонда «Российского фонда мира» наградило В. Н. Тугужекову золотой медалью «за выдающийся вклад в деятельность фонда» и «за миротворческую и благотворительную деятельность». В 2013 г. она награждена Медалью Н.Ф. Катанова. В 2015 г. была вручена Международная медаль ТЮРКСОЙ «К 130-летию со дня рождения великого хакасского сказителя Семена Кадышева». Постановлением Президиума Правительства Республики Хакасия от 12 апреля 2016 г. В. Н. Тугужековой была вручена Государственная премия Республики Хакасия имени Н. Ф. Катанова. В 2018 г. ей присвоено звание «Почетный работник науки и техники Российской Федерации».

*Н. А. Данькина, ученый секретарь
Хакасского научно-исследовательского
института языка, литературы и истории,
канд. ист. наук*

КУЗЬМА МИХАЙЛОВИЧ ПАТАЧАКОВ (28.06. 1922–24.05. 1998)

К. М. Патачаков родился 28 июня 1922 г. в улусе Политов Нижнетейского сельского Совета Аскизского района в многодетной крестьянской семье. Он учился в Политовской начальной, затем в Кызласской и Аскизской школах. После окончания семилетки он поступил в Хакасское педагогическое училище. По завершению обучения, в 1940/41 учебном году работал в Мало-Монокской начальной школе.

С началом войны, в июле 1941 г. Кузьма Михайлович был призван в Красную Армию. После окончания курсов младшего командного состава Томского артиллерийского училища его направили на Северо-Западный фронт, где он воевал в должности командира орудия. В 1942 г. он был тяжело ранен осколками противопехотной мины. После лечения в госпитале был направлен на Южный фронт. После очередного тяжелого ранения и лечения в госпитале г. Уфы, Кузьма Михайлович в феврале 1944 г. был демобилизован и снят с воинского учета [1, с. 181-182].

В 1945–1947 гг. он обучался на историческом отделении Абаканского учительского

института¹ по специальности «учитель средних классов общеобразовательной школы». С 1947 по 1949 г. работал учителем истории 5-8 классов в областной национальной средней школе.

В 1949 г. его пригласили на работу в Хакасский НИИЯЛИ. Работая в институте, он экстерном окончил Абаканский педагогический институт, получил высшее образование. Проработав три года в институте, в 1952 г. Кузьма Михайлович поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Его научным руководителем стал Леонид Павлович Потапов (1905–2000) – крупный специалист по этнографии народов Южной Сибири.

18 октября 1955 г. он защитил кандидатскую диссертацию и был направлен в распоряжение ХакНИИЯЛИ. В ноябре Кузьма Михайлович был назначен на должность старшего научного сотрудника сектора истории. В 1958 г. на основе кандидатской диссертации он опубликовал монографию «Культура

¹ Институт был открыт в 1939 г. В 1954 г. был слит с ВУЗом – Абаканским гос. пединститутом.

и быт хакасов в свете исторических связей с великим русским народом (XVIII–XIX вв.)». С июня 1960 до февраля 1963 г. он заведовал сектором истории. В этот период сотрудники сектора работали над «Очерками истории Хакасии советского периода 1917–1961 гг.». Эта обобщающая работа отразила достижения исторической науки Хакасии того периода. К. М. Патачаковым была написана глава «Хакасия в период реконструкции народного хозяйства. Победа социализма в СССР (1933–1937 гг.)» [2, с. 194].

В феврале 1963 г. он был назначен ученым секретарем института. В этой должности Кузьма Михайлович проработал более трёх лет – до ноября 1965 г. Затем он снова возвращается к научной деятельности – старшим научным сотрудником в сектор истории. Его знания и опыт исследовательской работы понадобились для написания коллективной монографии «История Хакасии с древнейших времен до 1917 г.»¹. К 1970 г. он написал две главы: «Развитие капитализма в Хакасии (1860–1900 гг.)» и «Культура и быт населения Хакасии при капитализме» [3, гл. 11, с. 303–352; гл. 12, с. 352–403].

В советское время К. М. Патачаков стал первым профессиональным этнографом в Хакасии. Он продолжил этнографическое изучение хакасов, начатое в дооктябрьский период Н. Ф. Катановым и С. Д. Мойнагашевым. Им были исследованы все стороны материальной и духовной культуры хакасов: традиционная охота, рыбалка, одежда, музыкальные инструменты, религиозные верования и др. Материалы, собранные им в комплексной экспедиции в 1950-е гг. дополнили научный фонд Хакасского НИИЯЛИ и Хакасского областного краеведческого музея. Он, как ценный специалист по истории и культуре народов Хакасии, долгие годы являлся научным консультантом краеведческого музея, оказывал постоянную помощь в создании экспозиций по этнографии и истории хакасов, был членом его Ученого Совета.

¹ Планировалось издать 2 тома «Истории Хакасии». Первый том вполне был готов в 1970 г., но был опубликован только в 1993 г. В 1970-е гг. шла работа над вторым томом (Д. М. Карачаков, А. П. Шекшеев и др.), но он так и не вышел в свет.

К. М. Патачаковым было написано более 80 научных работ по истории и этнографии Хакасии. При его непосредственном участии вышло несколько выпусков «Ученых записок ХакНИИЯЛИ», сборники: «250 лет с великим русским народом» (1959), «Вопросы истории Хакасии» (1977), «Вопросы этнографии Хакасии» (1981), «Вопросы древней истории Южной Сибири» (1984).

Из-под его пера вышло более 100 научно-популярных статей и сообщений по истории и этнографии, о политических деятелях, ученых и просветителях Хакасии (о Н. Ф. Катанове, Т. А. Сайлотове, М. И. Райкове, Я. А. Балахчине, К. С. Тодышеве, К. К. Самрине, М. Г. Торосове, Г. И. Итыгине, А. Т. Казанакове, И. М. Киштееве, И. Ф. Чертыгашеве и др.), о жизни и быте сельских тружеников Хакасии. С 1956 по 1992 г. он публиковал свои статьи и заметки в хакасской национальной газете (в 1927–1958 гг. – «Хызыл аал», с 1959 г. – «Ленин чолы», в 1992 г. – «Хакас чирі») и других периодических изданиях. В 1990 г. на хакасском языке вышла его книга «Наа чуртас учун» («За новую жизнь»), посвященная жизни и деятельности выдающихся деятелей Хакасии 1920-х–1940-х гг. [4, с. 189].

В 1980 г. был возрожден хакасский народный праздник «Тун пайрам» («Тун айран») – праздник первого айрана. К. М. Патачаков консультировал Ю. Н. Забелина (1931–2012) – инициатора возрождения праздника. Этот праздник был не только возрожден, но стал первым общереспубликанским праздником народов Хакасии.

В 1986 г. Кузьма Михайлович по состоянию здоровья ушел на заслуженный отдых, но не терял связи с институтом. В 1994 г. он вернулся, чтобы завершить свои незаконченные работы [1, с. 183].

За ратные подвиги, совершенные в годы войны был награжден орденами Отечественной войны I и II степени и юбилейными медалями. Кузьма Михайлович Патачаков – один из видных представителей хакасской научной интеллигенции. Он внес большой вклад в создание и развитие историко-этнографической науки в Хакасии. Его образ человека и ученого останется в нашей благодарной памяти.

Литература

1. Табаев В. А. Кузьма Михайлович Патачаков (1922–1999) // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XXI. (Хакасия: история и современность). Новосибирск, 2000. С. 181-184.
2. Хронологический указатель опубликованных работ и рукописей К. М. Патачакова / Сост. И. Е. Карачакова // Хакасия в XX веке: хозяйственное и социальное развитие. Абакан, 1995. С. 191-206.
3. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. / Отв. ред. Л. Р. Кызласов. М.: Вост. лит., 1993. 525 с.
4. Сунчугашев Я. И. Кузьме Михайловичу Патачакову – 70 лет // Хакасия в XX веке: хозяйственное и социальное развитие. Абакан, 1995. С. 189-190.

В. К. Чертыков, старший научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, канд. ист. наук.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анайбан Зоя Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва), anayban@mail.ru.

Арыкан Ибрахим – докторант Анкарского Университета Факультета языков, истории и географии, кафедра современных тюркских диалектов и литератур (Республика Турция, г. Анкара), imarikan@gmail.com.

Барабаш Валентина Петровна – кандидат исторических наук, заместитель директора КГБПОУ «Минусинский колледж культуры и искусства» (г. Минусинск), vpb2005@yandex.ru.

Борисов Андриан Андрианович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск), a_a_borisov@mail.ru

Бородина Елена Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург), sosnovi-bor@yandex.ru.

Данькина Надежда Анатольевна – кандидат исторических наук, ученый секретарь ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), nadezhda.dankina@yandex.ru.

Каташев Максим Степанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, БНУ РА «Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова», (г. Горно-Алтайск), kms_37@mail.ru.

Кискидосова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, заведующий сектором истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), tak_74@mail.ru.

Комлева Евгения Владиславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск) feodal@history.nsc.ru.

Лушникова Ольга Леонидовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), oltolt@mail.ru.

Самрина Елена Васильевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник сектора истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), esamrina@mail.ru.

Степанов Михаил Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ХГУ им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан), stepanowm@yandex.ru.

Печерский Владимир Арнольдович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), volody75.75@mail.ru.

Тугужекова Валентина Николаевна – доктор исторических наук, директор ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), khaknauka@yandex.ru.

Фаронов Вячеслав Николаевич – кандидат исторических наук, докторант АГУ (г. Барнаул), faronoff-vn@mail.ru.

Чертыков Валерий Карпович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), chertykov2010@mail.ru.

Выпуск 7
Серия: История

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ СЯНО-АЛТАЯ

Подписано в печать 04.12.2018. Формат 60x90 1/8
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Печ. л. 13,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 2600.

Сверстано и отпечатано: ООО «ИПП «Журналист».
655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Советская, 71, тел.: (3902) 226-206, 24-06-06.